КАРПАТОРУССКИЙ

КАЛЕНДАРЬ

Лемковина

на

1941

Составил Ваньо Гунянка

А.Н. Цислак

У КАЖДОГО
ЛЕМКА-КАРПАТОРОССА
ПОВИННА БЫТИ

Мапа Лемковины

ТОЧНА МАПА ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ
КАРПАТСКОЙ РУСИ
ОТ ГОРАДА ПО УЖ И СЯН

СТІННА МАПА НА ПОЛОТНІ $2.00
СТІННА МАПА НА ПАПЕРІ 0.50

УЧТЕСЯ ГРАМОТЫ!
НАУЧТЕСЯ САМИ И СВОИ ДІТИ ЧИТАТИ ПО РУССКЫ ИЗ
КАРПАТОРУССКОГО

БУКВАРЯ

ВАНЯ ГУНЯНКЫ

Буквар выпущеный в продажу по:
15ц. ЗА ПРИМІРНИК. —
8 ПРИМІРНИКОВ ЗА $1.00

ОРДЕРУЙТЕ В РЕДАКЦИИ
"КАРПАТСКОЙ РУСИ"
556 YONKERS AVE. YONKERS, N. Y.

НАРОДНА БУДОВА

Карпаторусского Американского Центра в Юнкерс, Н.Й.

ОТКРЫТА ВСЕГДА ДЛЯ КАРПАТОРУССКЫХ ЛЮДЕЙ.

В Народной Будові К. А. Центра єст велика, модерно устроєна галя на концерты, представления и другы предприятия. В ней може помістится 1,200 особ.

В Народной Будові К. А. Центра єст ресторан, открытый всегда для публикы.

В Народной Будові К. А. Центра єст удобне поміщение на братскы и клубовы митингы.

В Народной Будові К. А. Центра поміщаєся типография и редакция нашой народной газеты "Карпатска Русь", а также головна канцелярия Лемко-Союза.

На землі К. А. Центра єст прекрасне місце на пикникы. Літом отбываются пикникы кажду неділю.

Каждый карпаторосс може и должен быти членом Карпаторусского Американского Центра.

Полный пожизненный членский взнос: $25.00. Кто внесе 5.00, буде числитися членом на один рок, а по 5 роках рочного членства, як сумма рочных членских взносов дойде до 25 дол., он стаєся полным пожизненным членом.

Carpatho-Russian American Center
556 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.

Театро фолклак 1974

Н. Дж

КАРПАТОРУССКИЙ

КАЛЕНДАР

ЛЕМКО-СОЮЗА

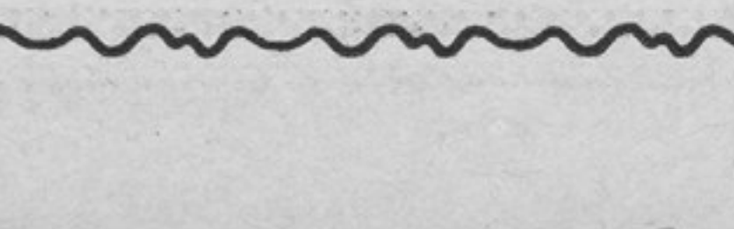
на

1941

СОСТАВИЛ

ВАНЬО ГУНЯНКА

Год Издания 16-ый

Печатано в типографии Лемко-Союза Йонкерс, Н. Й.

556 Yonkers Ave. Yonkers, N. Y.

ЦІНА 50 ЦЕНТОВ

Американскы Легальны Свята

1) Кажда неділя (воскресенье в году.

2) 1-го января — Новый Год, празднуют во всіх штатах за исключением штатов: Массачусетс, Арканзас, Миссисипи и Нью Гемпшир.

3) 12-го февраля, день рождения президента Авраама Линкольна, празднуют: Коннектикут, Нью Джерзи, Нью Йорк, Пенсильвания, Делаваре, Каролайна, Вест Вирджиния, Иллинойс, Индиана, Кензас, Мичиган, Миннесота, Савт Дакота, Норт Дакота Монтана, Ютаг, Колорадо, Айова, Орегон Вашингтон и Вайоминг.

4) 22-го февраля, день рожления первого президента Соєдиненных Штатов, Юрия Вашингтона — празднуют во всіх штатах за исключением штата Миссисипи.

5) Велика Пятница, празднуют в штатах: Массачусетс, Миссисипи, Пеннсильвания, Алабама, Луизиана и Теннесси; в других штатах губернаторы проголошуют той день святочным.

6) 30-го мая — Декорейшин Дей. — Того дня украшают гробы — могилы погибшых воинов в часі цивильной войны. Празднуют во всіх штатах, за исключением штатов Аркансас, Флорида, Джорджия Луизиана, Миссисипи, Нью Мексико Норт Каролайна, С. Каролайна и Тексас.

7) 4-го юлия — Форт оф Джулай — день проголошения независимости Соєдиненных Штатов. Празднуют во всіх штатах.

8) В первый понедільник сентября — День Труда — Лейбор Дей, — празднуют во всіх штатах.

9) Послідный четверг в ноябрі — День Благодарения — Тенксгивинг Дей, празднуют во всіх штатах, за исключением штата Вайоминг.

10) 25-го декабря — Рождество Христово — латинский Кризмас. Празднуют во всіх штатах.

Кромі вышеназваных праздников, гдеякы штаты празднуют: День Колумба — 12-го октября; День штатных и федеральных выборов — Елекшин Дей — обыкновенно в первый вторник в ноябрі. Кромі того, каждый штат має свои отдільны праздники.

АМЕРИКАНСКА ЛІТОПИСЬ

Годы

1492. Христофор Колумб, итальянец, открыл Новый Світ.

1497. Иван Кабот, англичанин, открыл континент Сіверной Америкы.

1565. Испанцы поселилися в Ст. Августин. Флорида, настарший тепер город в Соєдиненных Штатах.

1607. Поселение Вирджинии, перва успішна колония в 13-ти первоначальных штатах начата англичанами.

1609. Генри Гудсон, англичанин, находящийся на служби голландцев, открыл ріку Гудсон.

1620. Англичане начали заселяти Массачусетс.

1647. Массачусетс ухвалил закон о устройстві публичных школ.

1664. Англичане забрали голландцам город Нью Амстердам и назвали го Нью Йорк.

1682 Англійскы Квакеры поселилися в Пеннсильвании.

1733. Англичане начали заселяти Джорджию, послідну из первоначальных стейтов.

1759. Англичане отнесли окончательну побіду над французами в Квебек.

1775. Началася революцийна война против Англии.

1775. Битва у Бункер Гилл между американцами и англичанами.

1776. Декларация Независимости от Англии проголошена в Филадельфии.

1776. Американцы выграли битву в Трентон.

1777. Американцы выграли битву у Саратога.

1789 Американцы при помочы французов отнесли окончательну побіду над англичанами у Йоркставн.

1789. Согласно Конституции, Джордж Вашингтон стал первым президентом Соєдиненных Штатов.

1803. Соєд. Штаты откупили от французов Луизиану.

1807. Роберт Фултон побудовал первый пароход.

1812 — 1815. Вторая война с Великом Британиом.

1819. Флориду купили Соєд. Штаты от Испании.

1819. Первый пароход, Саваннаг, переплыл Атлантический океан.

1823. Об'явлено доктрину Монро, чым остережено европевцев перед устроюванием колоний в Америкі.

1825. Открыто Канал Ири, через што Нью Йорк стал торговым центром Соєд. Штатов.

1830. В Соєд. Штатах по раз первый употреблено с успіхом первый локомотив.

1845. Анектовано Тексас.

1846 — 1848. Война с Мексикою, по котрой Соєд. Штаты получили югозападны стейты и территории.

1848. Открыто в Калифорнии золото и там начали поселятися американцы.

1861 — 1865. Гражданска война между южными и сіверными стейтами.

1863. Президент Линкольн проклямовал свободу для негров.

1863. Сіверны стейты выграли битву под Геттисбург.

1865 — 1870. Принято 13, 14 и 15 додаток до Конституции, даючий неграм свободу и право голосования.

1869. Окончено будову желізной дорогы. соєдиняючой Нью Йорк с Сан Франциско.

1882 — 1902. Запрещено иммиграцию китайских робочых на 10 літ.

1884. Начато употребляти електрическы трамваи (стритхар).

1898. Анектовано Гавайскы островы.

1898. Война Соєд. Штатов с Испанием. освобождение Кубы и присоединение Филипинскых островов и Порто Рико.

1902. Братя Райт вынашли летательну машину.

1914. Окончание будовы Панамского Канала.

1917 — 1918. Война Соєд. Штатов с Германиом.

1920. Побіда республиканской партии на президенсткых выборах.

1923. Смерть Президента Гардинга. Вицепрезидент Кальвин Кулидж вступил на пост Президента Соєд. Штатов.

1924. Переизбрание Кальвина Кулиджа на президентскых выборах.

1926. Празднование 150-літия Американской Независимости.

1929. Крах на Американской биржі и початок страшной депрессии и безроботя.

1932. Провал республиканской партии на выборах, выбор президента Франклина Делано Рузвельта, демократа.

1933. Президент Рузвельт и його "Нью Дил", НРА.

1935. Найвысший Суд С. Ш. рішыл, што НРА противится Конституции С. Ш.

1936. Выбор Президента. Президент Рузвельт переизбраный рекордным чыслом голосов. Получил 523 електоральных голосов, його републиканский противник Ландон лем 8 голосов.

1940. Выбор Президента. Президент Рузвельт выбраный на третий термин Президентом США. То случилося первый раз в истории США, абы даякий Президент был выбраный на третий термин.

*

Phone: PAss. 3-2048

NATIONAL WINES & LIQUORS, Inc.

WHOLESALE DISTRIBUTORS

СКЛАД ВИН и ЛИКЕРОВ

найліпшых сортов.

585 MAIN AVE., PASSAIC, N. J.

ARmory 4-3737
4-3738

SONOMA VINEYARDS WINERY

Bottlers of the Famous EI TORO WINES

Склад найлучшых Вин.

ALBERT VISCHIA, General Manager

188-194 - 21st Ave. PATERSON, N. J.

Январ 1941 January

РУССКЫ СВЯТА			ЛАТИНСКЫ СВЯТА	
1	В	**Новый Год,** О. Г. Вас. В.	14	**Январь** — Феликса
2	С	Св. Сильвестра	15	Св. Павла Пуст.
3	Ч	Преп. Малахия	16	Маркила
4	П	Собор 70 Аппостол.	17	Антония
5	С	Нав. Бог., Теопемпта	18	Св. Петра
6	Н	**Богоявление Госп.**	19	**Н. 2. по 3 Кр.** Мария
7	П	Іоанна Крестителя	20	Севастияна
8	В	Георгия Преп.	21	Св. Агнеты
9	С	Св. Филиппа	22	Винкента
10	Ч	Св. Григория	23	Раймунда
11	П	Прп. Теодозия Вел.	24	Тимофея
12	С	Татияны мч.	25	Нав. Ап. Павла
13	Н	**Нед. по Просв.** Муч. Арм.	26	**Н. 3 по 3 Кр.** Полик.
14	П	Отцев в Синаі	27	Іоанна Златоуст.
15	В	Павла и Ив.	28	Св. Леонида
16	С	Поклон. Вер. Ап. Петра	29	Францишка
17	Ч	Антония Вел.	30	Мартина
18	П	Афанасия и Кирилла	31	Петра из Н.
19	С	Макария прп.	1	**(Фев.)** Игнатия
20	Н	**32 по С.С.Д.** † Прп. Ефт В.	2	**Марии Гром.**
21	П	Максима прп.	3	Власия
22	В	Тимофея апостола	4	Св. Андрея
23	С	Преп. Максима Сир.	5	Агаты
24	Ч	Прп. Ксении	6	Тита еп.
25	П	† Григория Богослова	7	Попел. Ромульда
26	С	Ксенофонта прп.	8	Іоанна прп. из М.
27	Н	**О Митарі** † Пер. М. І. Зл.	9	**7 Десятн.** Св. Кирил.
28	П	Ефрема прп.	10	Схолястик.
29	В	Пер. Мощ. Игнатия	11	Об. МБ. Люр.
30	С	**Трех Святителей**	12	Григория
31	Ч	Кира и Іоанна безср.	13	Валентина

Tel. PAss. 2-3188 R

SAPOLIGA'S DAIRY CO.

GRADE "A" MILK & CREAM PRODUCTS

Найлучшы продукты
для здоровья.

122 SPEER AVE., CLIFTON, N. J.

ЗАПИСКЫ

Февраль 1941 February

РУССКЫ СВЯТА			ЛАТИНСКЫ СВЯТА	
1	П	Муч. Трифона	14	Фавстияна и Іовва
2	С	**Стрічение Господне**	15	Фавстияна и Иовва
3	Н	**О Блуд. Сыні** Сим. и Ан.	16	**6 Десятн.** Юлиянны
4	П	Исидора прип.	17	Фавстина
5	В	Агафии муч.	18	Св. Симеона
6	С	Вукола пр.	19	Маркелина
7	Ч	Парфения и Луки	20	Льва еп.
8	П	Влмч Теодора Стр.	21	Феликса еп.
9	С	Никифора мч.	22	Маргар из К.
10	Н	**Мяс. Пуст.** Харл., Порф.	23	**5 Десятн.** Петра Д.
11	П	Власия мч.	24	Матея
12	В	Мелетии и Ал.	25	Мафтея ап.
13	С	Мартинияна прп.	26	**(Попелец)** Цезария
14	Ч	Авксентия прип.	27	Нестора
15	П	Ап. Онисима	28	Александра
16	С	Памфила мч.	1	**(Март)** Альбина еп.
17	Н	**Сыропустна** Теод. вмуч.	2	**1 Нед. Поста** Павла
18	П	Льва папы рим.	3	Св. Кунекунды
19	В	Архипа и Максима	4	Казимира
20	С	Льва еп. Кат.	5	Иоанна Від. Хр.
21	Ч	Тимофея преп.	6	Перпетуи
22	П	Свмч. иже во Евгении	7	Ѳом. Аквилины
23	С	Поликарпа свмч	8	Йоанна Бож.
24	Н	**1 Поста** † Сбр.1 л. Іоан.Кр.	9	**2 Н. поста** Францш.
25	П	Тарасия св.	10	40 Мучеников
26	В	Св. Порфирия	11	Евлогия
27	С	Св. Прокопия Д.	12	Григория
28	Ч	Василия прп.	13	Катерины

"SUGAR DAN CAFE"

НАЙКРАСША КОРШМА

на Валлингтоні

ДАНИИЛА БАЙКО

Ваш краян, завсе Вас найлучше угостит.

19 MAIN AVE., WALLINGTON, N. J.

ЗАПИСКЫ

Март 1941 March

		РУССКЫ СВЯТА	ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1	П	Евдокія прп.	Матильды к.
2	С	Феодота свмч.	Климента
3	Н	**2 Поста** Евтроп. и др. мч.	**3 Н. пост.** Кирияка
4	П	Преп. Герас.	Св. Патрика
5	В	Конона Муч.	Кирилла
6	С	42 мч в Амор.	Иосифа Обручн.
7	Ч	Ефрема свмч.	Евфимии д.
8	П	Прп. Теофилакта	В. Чет. Венедикта
9	С	† Муч. Севастийских	В. Пят., Катерины
10	Н	**3 Н. Поста** Кондр. свмч.	**4 Н. поста** Феликса
11	П	Св. Софрония птр.	Св. Гавриила
12	В	Теофана Григория Прп.	Зв. Н. М. П.
13	С	Никифора свмч.	Людгера
14	Ч	Венедикта прп.	Йоанна
15	П	Агапія мч.	Сикста
16	С	Трофима Муч.	Кирилла
17	Н	**4 Нед. Поста** Алекс. прп.	**Н. Пасийна,** Квирина
18	П	Св. Кирила Иерус.	Св. Бальбины д.
19	В	Хризанта и Дарии мч.	**(Апр.)** Валерияна
20	С	Преп. Иоанна и Сергия	Францишка
21	Ч	Пр. Якова еписк.	Ришарда
22	П	Василия свмч.	Изидора
23	С	Никона свмч.	Винцентия
24	Н	**5 Н. Поста,** Захр. и Якв.	**Н. Пальмы,** Юлияна
25	П	**Благовіщ. Преп. Богор.**	Св. Сатурна
26	В	Собор Арх. Гавриила	Дионосия еп.
27	С	Св. Матроны Солун.	Марии Егип.
28	Ч	Прп. Илариона и Стефан.	Езекиила
29	П	Прп. Кирила и Марка	Льва Папы Рим.
30	С	Йоанна Ліств. прп.	Юлия
31	Н	**Нед. Квітна** Ипатия свмч	**Воскр. Христово**

ЗАПИСКЫ

BEER GARDEN

ГОСТИНИЦА

СТЕФАНА ФЕДОРЧАКА

Завсе свіже пиво и водкы. Смачны закуска и услуга первоклассна. — Заходте а погоститеся приятно.

2 KULIK STREET, CLIFTON, N. J.

Апріль -1941- April

РУССКЫ СВЯТА			ЛАТИНСКЫ СВЯТА	
1	П	Прп. Марии Егп.	14	**Світ. Понед.** Юстин.
2	В	Тита и Поликарпа	15	Анастасии мч.
3	С	Никиты прп.	16	Ламберта
4	Ч	Йосифа Прп. (Вел. Чет.)	17	Аникита
5	П	Ѳеодосия (Вел. Пятн.)	18	Апполония
6	С	Евтихия св. (Вел. Суб.)	19	Леона
7	**Н**	**Воскресение Христово**	**20**	**Нед. Прев.** Ѳеодора
8	**П**	**Св. Понедільник**	21	Анзольма
9	**В**	**Св. Вторник**	22	Сотера и Кай м.
10	С	Терентия мч.	23	Войтеха
11	Ч	Антипы свмч.	24	Феликса
12	П	Василия прп. еп.	25	Марка Ап.
13	С	Артем. свмч.	26	Клита и Маркила
14	**Н**	**Нед. Ѳомина** Март. п. р	**27**	**2 Нед.** Петра Кан.
15	П	Св. Аристарха	28	Св. Павла
16	В	Агапии муч.	29	Петра из Вер.
17	С	Симеона	30	Катерины
18	Ч	Св. Космы и Йоанна	1	**(Май)** Филиппа
19	П	Йоанна и св. Георгия	**2**	**Возн. Госп.,** Атаназ.
20	С	Прп. Анастасия	3	Обріт. Ч. Крес.
21	**Н**	**Нед. Миронос.** Януар. см	4	**3 Нед.** Св. Моникы
22	П	Луки и Клим.	5	Пиуса В.
23	В	† Георгия вмч.	6	Іоанна еван.
24	С	Саввы мч.	7	**Станислава**
25	Ч	Марка еван.	8	Арх. Михаила
26	П	Василия свмч.	9	Григория
27	С	Симеона ап.	10	Изидора
28	**Н**	**О Розслабл.** Ясона Ап.	**11**	**4 Нед.** Франтишка
29	П	Св. 9 муч. из К.	12	Св. Нереуша
30	В	† Якова Заведеева ап.	13	Серватия

ЗАПИСКЫ

Tel. PAss. 2-8323

NEW BOSTON SHOE STORE

We specialize in arch support shoes

BUY YOUR SHOES HERE:

*

132 MARKET ST., PASSAIC, N. J.

Май -1941- *Мау*

		РУССКЫ СВЯТА	ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1	С	Ефремии Преп.	Бонифатия
2	Ч	Афанасия вел.	Софии
3	П	Прп. Теодосия печ.	Іоанна Непом.
4	С	Муч. Пелагии	Пасхалиса
5	Н	**Нед. о Самар.** Мч. Ирины	**5 Нед.** Феликса
6	П	Йова многострад.	Св. Петра
7	В	Явление Чест. Креста	Бернандина
8	С	Іоанна Богосл.	Елены
9	Ч	Пер. Мощ. св. Николая	**Сошест. Св. Духа**
10	П	Симеона ап.	Св. Йоана Р.
11	С	Св. Кирила и Методия	Іоанны
12	Н	**О Сліпо-рожд.** Епи., пат.	**1 Н. по С. Д.** Урб. п.
13	П	Мч. Александры	Св. Филиппа
14	В	Изидора мч.	Беды В.
15	С	Пр. Пахомия	Вильгельма
16	Ч	**Вознесение Господне**	Юлия д.
17	П	Андроника ап.	Феликса
18	С	Ѳеодота мч.	Петронеия, Анелии
19	Н	**Нед. Св. Отец** Патрк. мч.	**(Юнь) Боже Тіло**
20	П	Св. Алекся	Св. Маркеля
21	В	† Константина и Елены	Клотильды
22	С	Свщ. мч. Василиска	Квирина
23	Ч	Михаила прп.	Бонифация
24	П	Симеона и Никиты	Норберта
25	С	† Обр. Гл. Іоанна пред.	Роберта
26	Н	**Сош. Св. Духа** Мч. Авер.	**Н. С. Тройцы,** Мед.
27	П	**Пресв. Тройцы,** Свщ. Тер.	Св. Феликса
28	В	Никиты еп.	Маргагеты
29	С	Ѳеодосия мч.	Варнавы
30	Ч	Исаакия прп.	Онуфрия
31	П	Ефрема ап., Ермии мч.	Антония

ЗАПИСКЫ

Tel. PAss. 3-0931 R.

JOHN DERCO, Prop.

Заходте до краяна — завсе мае свіже

мясо и деликатесы.

102 LAKE AVE., CLIFTON, N. J.

Юнь -1941- *June*

		РУССКЫ СВЯТА	ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1	С	Юстина мч.	Василия В.
2	**Н**	**Всіх Святых,** Никиф. св.	**4 Н. по С.Д.** В. и М.
3	П	Мч. Лукияна **(Петр. пост)**	Св. Франца
4	В	Митрофана	Адольфа
5	С	Доротия свмч.	Ефрема
6	Ч	Висариона пр.	Юлианны
7	П	Теодора свмч.	Сильверия папы
8	С	Теодора влмч.	Альойзия
9	**Н**	**Н. 2 по С,С.Д.** Кирил. св.	**5 Н. СД.** Павлина еп
10	П	Свщ. Тимофтея	Св. Едильтруды
11	В	† Вартоломея и Варвары	Рожд. Іоанна Кр.
12	С	Онуфрия, Петра, Арсен.	Вильгелма
13	Ч	Акилины мчц.	Павла и Іоанна
14	П	Елисея прор.	Владислава
15	С	Амоса проп.	Льва Папы Рим.
16	**Н**	**Н. 3 по С.С.Д.,** Тихона еп.	**6 Н. С. Д.** Петр., Пав
17	П	Муч. Мануила	Св. Павла Ап.
18	В	Леонтия мч.	**(Юль)** Теобалда
19	С	Ап. Іуды бр. Госп.	Посіщ. П. Д. Марк.
20	Ч	Мофодия свмч.	Антолия
21	П	Юлиана и Терентия мч.	Θеодора
22	С	Евсения свмч.	Филомена
23	**Н**	**Н. 4 по С·С.Д.,**Агрип. мчц	**7 Н. С.Д.** Лукы мч.
24	**П**	**Рожд. Йоанна Крест.**	Кирилла и Методия
25	В	Февронии мчц.	Елисаветы прп.
26	С	Давида, прп.	Вероникы
27	Ч	Сампсона прп.	**10** 7 Братей мч.
28	П	Пер. мощ. Кира и Іоанна	Пия I.
29	**С**	**Св. Апп. Петра и Павла**	Генриха
30	**Н**	**Н. 5 по С.С.Д.,** Соб. Апп.	**8 Н. С.Д.** Маргарет.

ЗАПИСКЫ

Phone: LAfayette 9698

Compliments of

H. I. TAVERN

BEER, WINE and LIQUOR

Русский Бир-Гарден

H. IWASKO, Proprietor

6609-6611 MICHIGAN AVE.
Bet. Cicotte & Clippert, DETROIT, MICH.

Юль -1941- July

ЗАПИСКЫ

		РУССКЫ СВЯТА			ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1	П	Космы и Дамьяна	14		Св. Бонавент.
2	В	† Пол. Риз. Пр. Бог.	15		Генрика
3	С	Якинта мч. и Филипа св.	16		Мат. Б Скап.
4	Ч	Андрея архиеп.	17		Алексия
5	П	Кирила и Методия	18		Симеона з Л.
6	С	Сисоя вел.	19		Винкентия
7	**Н**	**Н. 6 по С.С.Д.,** Θомы, Ак.	**20**		**9 Н. С.Д.** Чеслава
8	П	Вмч. Прокопия	21		Св. Праскеды
9	В	Панкария и Кирила свмч.	22		Марии Магдалины
10	С	Антония печ.	23		Аполинария
11	Ч	Блаж. Кн. Ольгы	24		Кристины
12	П	Прокла и Илария мч.	25		Якова
13	С	Соб. Арх. Гавриила	26		Анны
14	**Н**	**7-ма по С.С.Д.,** Прп. Онис-	**27**		**10 Н. С.Д.,** Рудольф.
15	П	Вел. кн. Владимира	28		Св. Назария
16	В	Свмч. Павла, Алевтины	29		Марты д.
17	С	Марины вмчц.	30		Авдота, Юлиты.
18	Ч	Свмч. Емилияна	31		Игнатия
19	П	Макрыны прп.	1		**(Авг.)** Петра
20	С	† Илии пророка	2		Пр. Д. М. Анг.
21	**Н**	**Н. 8 по С.С.Д.,** Сим., Іоан.	**3**		**11 Н. С.Д.,** Св. Стеф.
22	П	Марии Магдал. Мрн.	4		Св. Доминик.
23	В	Трофима и Теофила мч.	5		МБ Сніжной
24	С	Бориса и Гліба мч.	6		Преобр. Госп.
25	Ч	† Успение св. Анны	7		Каетана
26	П	Прп. Мойсея	8		Кирияка м.
27	С	† Пантелеймона вмч.	9		Романа
28	**Н**	**Н. 9 по С.С.Д.,** Прох. ап.	**10**		**12 Н. С. Д.** Лаврент-
29	П	Свмч. Калиника	11		Св. Сусаны д.
30	В	Силы и св. Йоанна	12		Кляры д.
31	С	Евдокима и Йосифа	13		Гипололита

Phone: LAfayette 9688

POLAR BEAR BAR

I. T. PONEDELNIK, Prop.

BEER—WINE—LIQUORS

Regular Meals at All Hours
Завсе приятна и честна услуга!

5850 MICHIGAN AVE., DETROIT, MICH.
(Near Webson)

Август -1941- *August*

		РУССКЫ СВЯТА	ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1	Ч	Проис. Ч. Древ. 7 мч. М.	14 Евсевия
2	П	Пр. мощ. мч. Стефана	**15 Успение Пр. Бог.**
3	С	Исаака и Антония прп.	16 Іакима В.
4	**Н**	**Н. 10 по С.С.Д.,** Ефесі мч.	**17 13 Н. С.Д.,** Яцка в.
5	П	Евстигнея мч.	18 Св. Елены
6	**В**	**Преображение Господне**	19 Людвика
7	С	Доментия мч.	20 Бернарда
8	Ч	Емилиана еп. и Григория	21 Иоанны
9	П	† Матфея ап.	22 Тимотея м.
10	С	Лаврентия мч.	23 Филиппа
11	**Н**	**Н. 11 по С.С.Д.,** Овп., Теод	**24 14 Н. С.Д.** Вартолм.
12	П	Фотия. и Аникиты	25 Св. Людв. к.
13	В	Максима исповід.	26 Зеферина
14	С	Преп. Теодосия	27 Йосифа
15	**Ч**	**Успение Пресв. Богород.**	28 Августина
16	П	Пер. Неруктв. Образа	29 Ус. Гл. І. Кр.
17	С	Мирона мч.	30 Розалии, Якима
18	**Н**	**12 по С.С.Д.** Фльора, Лав.	**31 15 Н. С.Д.** Раймунда
19	П	Мч. Андрея стр.	1 **(Сент.)** Св. Егид.
20	В	Самуила пророка	2 Юста
21	С	Ѳадея ап.	3 Брониславы
22	Ч	Свмч. Афтанасия	4 Розалии д.
23	П	Лупы мч.	5 Лаврентия
24	С	Автихия свмч.	6 Онесифора
25	**Н**	**13 по С.С.Д.,** Варф., Тита	**7 16 Н. С. Д.** Бл. Моль.
26	П	Андрияна и Наталии	**8 Рожд. Пр. Д. М.**
27	В	Пимона прп.	9 Петра Кл.
28	С	Мойсея прор.	10 Николая
29	Ч	Усікн. Главы Йоан. Предт	11 Прота
30	П	Александр патр.	12 Им. Б. Мар.
31	С	Полож. Пояса Пр. Д. М.	13 Филиппа

ЗАПИСКЫ

Telephone: 390-301

ANSONIA LUMBER CO.

LUMBER & MASON SUPPLIES

also

Du Pont Paints & Varnish
Always Best Quality

CANAL STREET, ANSONIA, CONN.

Сентябр - 1941 - September

		РУССКЫ СВЯТА	ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1	Н	**14 по С.С.Д.** † Н. Г. Церк.	14 **17 Н. С.Д.** Возд. Ч.К.
2	П	Мч. Маманта-Иоан	15 Св. Катерины
3	В	Антима и Василия, мч.	16 Корнилия
4	С	Мойсея и Ермонии	17 Ламберта
5	Ч	Захария и Елисаветы пр	18 Иосифа, Фомы.
6	П	Чудо Арх. Михаила	19 Іанурия
7	С	Розонта мч. Онисифор	20 Евстахия
8	Н	**Рожд. Пресв. Богород.**	21 **18 Н. С.Д.,** Мафтея
9	П	Іаким. и Анны	22 Св. Ѳомы из В.
10	В	Климента Ап.	23 Текли д.
11	С	Ѳеодоры преп.	**24 Герарда**
12	Ч	Автонома мч.	25 Владислава
13	П	Обнов. Храма Воскр.	26 Киприяна
14	**С**	**Воздвиж. Честн. Креста**	27 Космы и Дамияна
15	Н	**16 по С.С.Д.,** Никт. Фил.	28 **19 Н. С.Д.** Вячс. кор.
16	П	Евфимии и Людв.	29 Св. Михаила Арх.
17	В	Софии, Віры и Надежды	30 Гіеронима
18	С	Евмения пр.	1 **(Окт.)** Ремигия
19	Ч	Трофима и Саввы	2 Ангел Стор.
20	П	Евтафия вмч. Мих. кн.	**3 Тересы**
21	С	Кондрата, Димтр. Апп.	4 Франца Ас.
22	Н	**17 по С.С.Д.,** Фокии свмц.	5 **20 Н. С.Д.,** Плакида
23	П	Зач. Йоан. Предт.	6 Св. Брунона
24	В	Теклы св. прмч.	7 Н. М. П. Рожан.
25	С	Евфросинии	8 Бригиды
26	Ч	† Св. Іоанна Богослова	9 Людвика, Викентия
27	П	Калистрата мч. Марка ап.	10 Франциска
28	С	† Харитона прп.	11 Емилиана
29	Н	**18 по С.С.Д.,** Кир., Теоф.	12 **21 Н. СД.,** Максимл.
30	П	Мч. Григория, Мих.	13 Св. Едвар. к.

ЗАПИСКЫ

Phone: LAf. 9668

ABICK'S CAFE

BEER — WINE — LIQUORS

Light Lunches

Коли хочете смачно закусити, а при том и выпити, то заходте до краянкы. Гості из другых плейзов радо витаны в

КАТЕРИНЫ АБИК

3500 GILBERT AVE., DETROIT, MICH.

Октябр -1941- *Oktober*

РУССКЫ СВЯТА			ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1	В	† Покров Пр. Богород.-	14 Каликста папы
2	С	Киприяна Юстины Мч.	15 Тересы
3	Ч	Дионисия свмч.	16 Ядвигы
4	П	Іорофея мч.	17 Мацгожаты
5	С	Петра, Алексия, Іоны св.	18 Лукы
6	Н	**19 по ССД.** † Ѳомы апп.	19 **22 Н. С.Д.,** Петра
7	П	Сергия и Вакха мч.	20 Св. Іоанн. Кант.
8	В	Пелагии прп.	21 Урсулы
9	С	Ап. Якова	22 Кордулы
10	Ч	Евлампия мч.	23 Серванта
11	П	Филиппа ап. Теофана	24 Рафаила
12	С	Прова Андронина Ап.	25 Хризанта
13	Н	**20 по ССД.,** Карпа, Никит.	**26 23 Н. С.Д., Хр.Краля**
14	П	Мч. Назария	27 Св. Фльорияна
15	В	Прп. Параскевы	28 Симеона и Ѳадея
16	С	Лонгина Сотн.	29 Наркиза
17	Ч	Мч. Андрея Крит.	30 Альфонса
18	П	Лукы ап. Юлияна пр.	31 Квинтина
19	С	Іолия Іоанна пр.	**1 (Нов.) Всіх Святых**
20	Н	**21 по ССД.** Артемия вмч.	**2 24 Н. С.Д.,** Св. Марк.
21	П	Илариона В. Прп.	**3 День Задушный**
22	В	Каз. Ик. Пр. Богор.	4 Кароля Бором.
23	С	Якова ап.	5 Захарии и Елизав.
24	Ч	Ареты мч. Афтанасия св.	6 Леонарда
25	П	Маркиана мч.	7 Геркулана
26	С	† Димитрия вмч.	8 Северина
27	Н	**22 по ССД.,** Нестора Літ.	**9 25 Н. С.Д.,** Ѳеодора
28	П	Параскевы вмчц.	10 Св. Андр. из А.
29	В	Анастасия прп.	11 Мартина еп.
30	С	Зиновия, Зиновии мч.	12 Мартина Папы.
31	Ч	Стахия ап. прч.	13 Станислава

ЗАПИСКЫ

WEST SIDE TAILORS

Cleaning, Pressing, Dyeing & Repairing

FURS REMODELED

Коли мате даяку кравецку роботу, заходте до краяна, а он Вам зробит добре и порахуе не дорого.

ПЕТР СЕМЕНЧУК

6531 MICHIGAN AVE., DETROIT, MICH.

Bet. Clippert & Cicotte

Ноябр -1941- November

		РУССКЫ СВЯТА	ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1	П	Космы и Дамиана Безср.	Йосафата
2	С	Акиндина преп.	Леопольда
3	**Н**	**Н. 23 по ССД.,** Св. Йос. Ак	**26 Н. С. Д.** Отмара
4	П	Іоаникия В. прп.	Св. Григория
5	В	Галактиона и Григория	Романа м.
6	С	Павла св. и Лукы пр.	Елисаветы
7	Ч	Мч. Ієрона и 33 муч.	Феликса
8	**П**	**Собор Арх. Михаила**	**Введ. в Х. ПБ.**
9	С	Онисифора и Порфирия	Сесилии
10	**Н**	**24 по ССД.,** Ераста, Род.	**27 Н. С.Д.,** Клим. п.
11	П	Мины, Викт. мч.	Св. Йоанна от. кр.
12	В	Йоанна милостивого	Екатерины д. и м.
13	С	Іоанна злат.	Конрада
14	Ч	Филиппа ап.	Валерияна
15	П	Гурия мч.	Здиславы
16	С	† Мафея аппостола	Сатурнина
17	**Н**	**25 по ССД.,** Грг. еп. чуд.	**Н. Адвента,** Андр. ап
18	П	Платона и Романа мч.	**(Дек.)** Св. Елигия
19	В	Авдия, Варлаама пр.	Бибияны д.
20	С	Григория пророка	Францушка
21	**Ч**	**Вход в Прам Пр. Богор.**	Варвары
22	П	Филиппа, Михаила св.	Саввы еп.
23	С	Александра Невск.	Николая
24	**Н**	**26 по ССД.,** Ектр., Август.	**2 Н. Адв.** Амрос. еп.
25	П	Клемен. и Петра смч.	**Неп. Зач. ПДМ.**
26	В	Алипия стол. прп.	Леокадии д.
27	С	Муч. Якова персіан.	БМ Лорет.
28	Ч	Стефана, Василия мч.	Дамасия м.
29	П	Парамона мч. Нект. пр.	Александра
30	С	† Андрея ап. первозван.	Луции и Отилии

ЗАПИСКЫ

Phone: 404

LEHIGH VALLEY BAKING CO.

ABRAHAM BLAZEWICH, Prop.

Найліпшы Печива:
Хліб, Булкы, Кейкы

LEHIGHTON, PA.

Декабр -1941- December

ЗАПИСКЫ

		РУССКЫ СВЯТА		ЛАТИНСКЫ СВЯТА
1	**Н**	**27 по ССД.,** Наума, Филр.	14	**3 Н. Адв.** Спирид еп
2	П	Аввак. пр. Іоана	15	Св. Кристины
3	В	Софинии Софронии пр.	16	Альбина, Аделайды
4	С	Свщ. муч. Варвары	17	Лазария еп.
5	Ч	Саввы Преп.	18	Грацияна
6	**П**	**Николая Чудотворца**	19	Немесия еп.
7	С	Амвросия еп. Мед.	20	Ѳеофила
8	**Н**	**28 по ССД.,** Попатия прп.	21	**4 Н. Адв.** Ѳомы ап.
9	П	† Зач. Пр. Богородицы	22	Св. Зезона м.
10	В	Мины и Еромогена мч.	23	Виктории д.
11	С	Даниила, Лукы, преп.	24	Адама и Евы
12	Ч	Спиридона, Александра	**25**	**Рожд. Христово**
13	П	† Евстратия и Авксен.	**26**	**Стефана Првмч.**
14	С	Фирси Фрилимонда мч.	27	Іоанна Ев.
15	**Н**	**Праотцев,** Павла, Елевт.	**28**	**1 Н. по Р.Х.** 14 тыс д.
16	П	Аггея прор.	29	Св. Ѳомы
17	В	Даниила пр. Анании св.	30	Савина
18	С	Севастияна муч.	31	Сильвестра
19	Ч	Бонифатия мч. Илии пр.	**1**	**(Янв.) Н. Год. 1942.**
20	П	Игнатия Богон. мч.	2	Макария
21	С	Юлиании, мч. Петра мтр.	3	Геновефы
22	**Н**	**Св. Отец.,** Анастасии вмц	4	**2 Н. по Р.Х.** Тита. Ев
23	П	10 мч. в Криті	5	Св. Емилия
24	В	Навеч Рожд. Евгении	**6**	**Трех Королей**
25	**С**	**Рождество Христово**	7	Лукияна
26	**Ч**	**Собор Пр. Богородицы**	8	Северина
27	**П**	**Прмч. Стефана**	9	Маркияна
28	С	Мчц. из Никодим	10	Вильгельма
29	**Н**	**Нед. по Рожд.** Макар. мч.	11	**3 Н. по Р.Х.** Альойс.
30	П	Муч. Анисии, Теодоры	12	**Св. Родины**
31	В	Мелании прп.	13	Леонтия еп.

Tel. NEpperhan 3468

ПЕРВОКЛАССНА
ГРОСЕРНЯ И ДЕЛИКАТЕССЕН

АННЫ СМЕРЕК

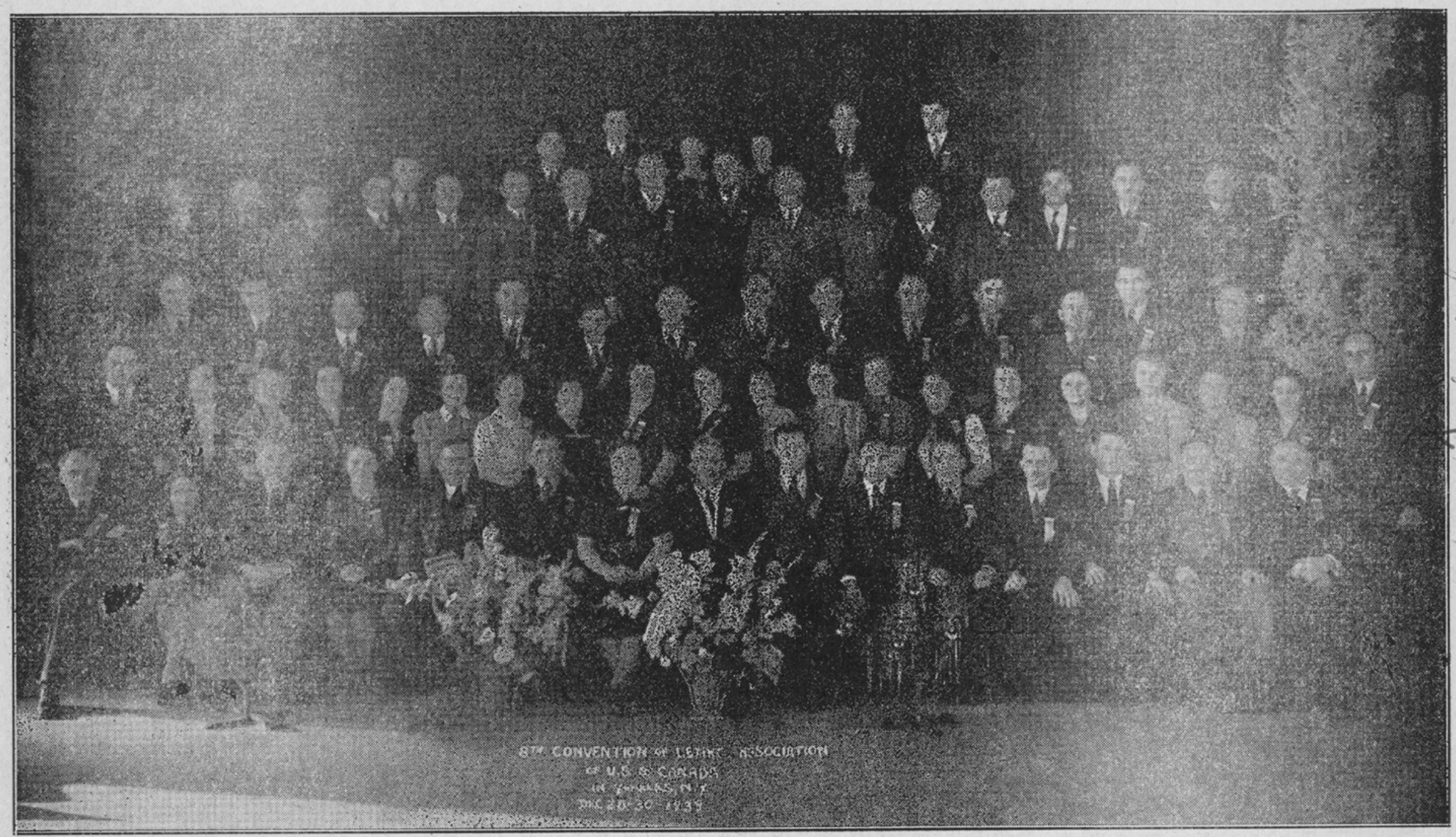
Завсе свіжый товар має,
И всім честно наміряє.

Краяне! Свой до свого!

BOTTLED BEER, CIGARETTES, Etc.

GROCERIES & DELICATESSEN

886 NEPPERHAN AVE., YONKERS, N. Y.

ДЕЛЕГАТЫ 8-ГО С'ІЗДА ЛЕМКО-СОЮЗА 28—30 ДЕКАБРЯ, 1939 РОКУ, В КАРПАТОРУССКОМ АМЕРИКАНСКОМ ЦЕНТРІ, В ЮНКЕРС, Н. Й., США.

Карпаторусска Емиграция и Карпатска Русь

Ци потребна нам народна организация?

Понад пятдесят літ тому почалася массова емиграция нашого народа из Карпат и до первой світовой войны половина нашого народа нашлася ту, в Америкі. Невеличка Карпатска Русь, то єдиный край старого світа, котрый выслал половину свого населения на емиграцию, што єст найліпшым доказом найтяжшого политичного и економичного положения нашого Родного Краю в старом світі. Лем єден такий край в Европі, котрый выслал на емиграцию половину свого населения — наш старый край.

Нашым первым церковным и запомоговым организациям в Америкі минуло пятдесят літ. Спочатку, при основі тых первых церковных и братских организаций мы не ділилися на "угорщанов" и "галициянов", мы чувствували себе тым самым народом из Карпат. Но позднійше почали к нам приходити пропагандисты из старого краю и они почали проповідувати нам, што мы не єдно, што "угорщане" другы люде, а "галицияне" другы люде, што каждым из них треба мати свои церковны организации, свои церкви, свои братства. Пришли в Америку агенты мадьярскых панов, то проповідували, што угорскым руснакам треба держатися особно от галицкых. Пришли галицко-украинскы националисты, римскы и німецкы агенты, то проповідували, што нам треба основувати свои украинскы националистичны организации и церкви для борьбы з руссофильством и православием. Потом пришли и православны батюшкы и ширили свою православну и царефильску пропаганду. Вся тота пропаганда ширилася по церквам, нами побудованым. Церквей мы почали будувати столько, на сколько религийных групп нас поділили. В нашых большых карпаторусскых колониях мусіло быти што найменьше штыри церкви для того самого народа с Карпат: Найперше мусіла быти "угорска греко-католическа церков", т. є. така, до якой мы належали в краю под режимом мадьярскых панов. Потом галицкы будували свою "греко-католицку" церков, котру прибывшы из Восточной Галичины называли "украинском". Коли пришол православный рух, то мусіла быти знов "угорска" православна и "галицка" православна. По поділі на церках ділилися и запомоговы братства попри церквах, котры федерувалися потом в запомоговы организации.

За сорок літ нашой емиграции мы набудували многожество церквей и запомоговых организаций, не для даякого объєдинения нашой карпаторусской иммиграции, а для єй поділу. Но на єдно народне руководство, на даяку культурно-просвітительну организацию, котра бы поставила за свою ціль просвіщение и объєдинение нашого народа на емиграции, мы за первых 40 літ не здобылися.

Нам казали, што нам не треба такой особной организации, бо мы не ниякий особный народ. Єдны казали, што наше руководство в Римі, другы, што в Пешті, треті в Петербургу, четверты в Відню, а для самых нас непотребно свойой народной организации, бо то был бы "сепаратизм".

Та ище недавно, коли мы издали свою народну газету "Лемко" на народном языку и основали народну организацию Лемко-Союз, всі тоты стары патриоты закричали о "сепаратизмі". Єдны кричали, што мы всі "русскы", и мы не сміємe иначе писати, лем "на русском литературном языку", а другы кричали, што мы "украинці", и не сміємe иначе писати, лем "на литературном украинском языку..."

А тым часом мы виділи, што наш народ, хотя запомоговы организации за примусову плату членов издают для него много газет, не читат тых газет, бо они пишутся не на його народном языку.

Выпущена 12 літ тому назад газета "Лемко", то перва газета на емиграции, котру нашы люде из Карпат почали читати и почали учитися из ней читати другу газету. То была перша газета, котру наш народ, с цілой Карпатской Руси, так з галицкой Лемковщины, як с Пряшевщины, як и с Подкарпатской Руси принял за свою, бо люде почали за тоту газету присылати предплату сами, без запомогового примусу. А то єст такий доказ, што нам такой газеты было треба, што ничым, ниякым аргументом збити того доказу немож.

Дальше поширение и рост нашой организации и издательства, доказали, што нам они были потребны, што без них наша карпаторусска емиграция вымерла бы без ниякого культурного сліду по собі, без ниякой культурной помочы свому Родному Краю.

Но многым из нас все ище не было ясно до недавного часу, чом мы уперамеся так при свойой организации, чом нам не объєдинитися з русскыми або украинскыми организациями. Кто уважат себе русским, най иде до русской организации, а кто украинцом, най иде до украиской. Чом нам отділятися? Мы говорили, што нам треба свойой карпаторусской народной организации не лем для дальшой культурно-просвітительной роботы меж карпаторусскыми народными массами ту, але и для культурно-политичной помочы Карпатской Руси. Розуміючи географичне положение нашого Родного Краю и його национальный характер, мы знали, што он становит свою географичну єдиницу и свою национальну группу, завдякы свойому географичному и политичному положению.

Найліпший доказ тому маме ту на емиграции в том, што до нашой карпаторусской массы не мают доступу ни руководителі галицко-украинскых, ни русскых организаций, ни в єдных ни в другых ніт карпаторусскых членов, у карпатороссов свои особны церковны и запомоговы организации и потому доступ до карпаторусской народной массы може мати лем карпаторусска культурно-просвітительна организация и карпаторусска газета. И тепер то стало ясным. У русскых из России и у галицко-украинскых емигрантов были давнійше культурно-просвітительны организации и газеты, но они не нашли доступу до нашой емиграции, не могли робити меж нами народну роботу, коли наша организация и газета за короткий час зробила огромну культурно-просвітительну роботу.

Тых приміров старчит для розвитых политично людей, што потребна была нам своя карпаторусска культурно просвітительна организация и газета.

Но тепер ясно уже и для мало розвитых политично людей, бо до Совітского Союза была присоєдинена недавно Западна Украина, яко географична єдиница, а вся тота территория, котру представлят наша организация, т. є. Карпатска Русь, была оставлена поза границы Совітского Союза, ни єдна часть из той территории в Галичині, за Саном, не была присоєдинена. Ци не ясно, што тота лемковска территория за Саном творит разом с Пряшевском и Подкарпатском Русьом єдну географичну єдиницу, котра має быти объєдинена с Совітскым Союзом яко така єдиница?

Мы наперед знали, што галицка часть Лемковщины не належит географично до Восточной Галичины, а до Карпатской Руси через Пряшевску Русь, и потому мы творили карпаторусску народну организацию по политичной и географичной причині, по географичном положению нашого Родного Краю и його национальных и языковых особливостях.

Тепер уж всім нам ясно, што коли бы мы не мали такой народной карпаторусской организации, не было бы кому представляти наш Родный Край, не было бы кому говорити в його имени. В имени нашого краю не можут говорити галицко-украинскы ни русскы организации на емиграции, для того уполномочена лем организация емигрантов из той территории, то єст Лемко-Союз и Карпаторусский Народный Комитет.

Дві головны задачы нашой организации

Пред нашом организациом стоят дві головны задачы: 1. объєдинение и культурне поднесение нашого народа на емиграции и, 2. культурна и политична помоч нашым родным в Карпатской Руси в их борьбі за своє освобождение.

Насколько мы выполнили свои задачы? Ци мы объєдинили и поднесли культурно нашу емиграцию? Ци мы дали даяку культурно-политичну помоч нашым родным в

борьбі за освобождение?

Што тычится первой нашой задачы, объєдинения и культурного поднесения нашого народа на емиграции, то мы за минувших десят літ зробили огромну роботу. Найперше што до объєдинения, то мы створили вколо нашой организации и газеты ядро нашой карпаторусской емиграции, собрали найліпшых нашых роботников без взгляду на религийный и старокрайовый политичный поділ нашого народа. В нашой организации стоят и нашу газету читают емигранты из всіх частей Карпатской Руси, почавше от Попрада и Дунайца по Сан и Тису. Дальше в том самом календарі його читателі найдут образкы "Зо старого житя", написаны емигрантами из всіх частей Карпатской Руси—от Спиша аж по Мармарош, от православных и греко-католиков, "угорщанов" и "галициянов". Ци то не доказ, што ліпшы, сознательнійшы емигранты из всіх частей Карпатской Руси группуются вколо нашой организации? Где, в якой ище другой, церковной або запомоговой организации, в якой запомоговой газеті або запомоговых календарях (бо лем такы сут), в якой церкви мож найти карпаторусских емигрантов из всіх частей Карпатской Руси? Лем в нашых народных организациях — Карпаторусском Народном Комитеті, в Лемко-Союзі, в Карпаторусском Американском Центрі, в нашой газеті и другых изданиях нашой организации.

Дакто може сказати, што мы ище барз мало нашых людей объєдинили, што вколо церквей и запомоговых организаций єст больше нашого народа. Но у нас ядро нашого народа на емиграции. Грекокатолицке Соєдинение має все ище около 70 тысяч членов, то правда. Часто урядникы в своєй газеті хвалятся, што "Соєдинение найбольша карпаторусска организация на світі" Но котра организация сильнійша культурно? Яка газета сильнійша культурно, ци орган Соєдинения, ци наша "Карпатска Русь"?

Соєдинение печатат свойой газеты парудесят тысяч за примусову предплату. Но єсли бы попробували издавати таку газету за добровольну предплату, то для их газеты не нашли бы ани пятдесят добровольных предплатников. Нияка карпаторусска церков, нияка запомогова организация при добровольной предплаті не найде больше от сто предплатников на свой орган. Так звана карпаторусска восточна церков, епархия, издає (може уж перестала издавати) газету Вістник. Недавно на соборі нарікали, што нияка предплата за газету не приходит. И мы знаме, што не може приходити, бо тота церковна организация не має ниякой культурной силы, ниякого культурного вплыву на десяткы тысяч своих членов. И нияка друга церковна або запомогова организация, не лем карпаторусска, но и украинска, не має культурной силы, бо такы организации не операются на просвіту, лем на темноту.

Итак, на нашой емиграции мы маме лем єдну народну организацию и газету, котры мают-культурну силу, а то єст Лемко-Союз и газета "Карпатска Русь". Лем тота єдна газета може издаватися на добровольны народны средства и организация може провадити роботу без посмертных обіцанок.

Без объєдинения вколо той организации и газеты найліпшых нашых людей, ядра карпаторусского народа на емиграции и научения розуміти их значение народной организации и єй культурной роботы, мы такой роботы провадити бы не могли. Так, мы не объєдинили всю карпаторусску народну массу вколо нашой организации, може лем єден процент читат нашу газету и литературу, но тот єден процент стал культурным руководителем массы, выразителем єй стремлений и желаний.

Мы знаме, приміром, што руководителі церковных и запомоговых организаций ненавидят Совітский Союз. Што єдны з них хотіли бы видіти нашу Карпатску Русь в дальшой неволі мадьярскых панов, другы в гитлеровской неволі. Но они того членам церкви або запомоговой организации сказати не можут. Они мушены скрыватися пред своими членами с посылком телеграм мадьярскым панам. Они мушены скрывати пред своими власными вірниками свои желания.

А сколько то раз трафилося, што церковный предсідатель на даяком собрании, банкеті выразил публично желание в имени членов церки, абы наш народ в краю был объєдиненный зо своими восточными братами, штобы Карпатска Русь была объєдинена с Совітскым Союзом. И всьо собрание, всі члены церкви приняли таке заявление цер-

ковного старосты с воодушевлением, всі хотят для Карпатской Руси того самого, чого хочеме мы, а не того, чого хоче их пан превелебный. И то члены всіх карпаторусских церквей и всіх карпаторусских запомоговых организаций по отношению до свого Родного Краю того самого хотят, чого хоче наша организация. То значит, што мы выражаме стремления и желания не лем членов нашой народной организации, але цілой карпаторусской народной массы на емиграции по отношению до нашого родного Краю. В том объединена вся наша карпаторусска трудова емиграция, а Карпаторусский Народный Комитет руководитель того объединения, выразитель його стремлений по отношению к Карпатской Руси.

Ци мы помогли Родному Краю?

Уж самым своим существование на емиграции наша организация помогла политично и культурно Карпатской Руси.

Наш Родный Край был розорваный политично, поділеный политичными границами. В краю мы даже не могли публично говорити, не могли писати о объединению нашого краю и народа. Даже за чешскых часов, в чехословацкой республикі не мож было говорити и писати о объединению нашого народа и краю. Така мысль была выражена за чешскых часов в календарі "Лемко" и в "Карпаторусском народном букварі", и за тоту мысль обі тоты книжкы были конфискованы чехословацкыми властями. Розуміється, што тым меньше мож было говорити або писати о том в панской Польші, або тепер в панской Мадьярии. В интересі нашых угнетателей было, абы мы як найменьше о собі знали, абы мы нич не знали о собі. Лем ту на емиграции мы могли говорити и писати свободно о объединению и освобождению Карпатской Руси, могли мы основати правдиво народну культурно-просвітительну организацию, писати на свойом родном языку, издавати свободну независиму газету. Уж тым самым, што мы досягли того сами о своих силах, мы доказали, што наш народ в краю способный до наукы, культуры и прогресса, и тым мы доказали його право на свободу.

Спочатку наша газета шла в Польшу и Чехословакию. Коли была застановлена в Польшу, переходила из Чехословакии. В 1937-ом року была застановлена и в Чехословакию наша газета и литература, но она зробила свою роботу. Нашы братя дознались много о нашой роботі на емиграции и почали ориентуватися на нашу программу объединения и освобождения Карпатской Руси. Посіяне зерно просвіты принесло плод. Уж сегодня ліпшы нашы люде в краю знают, што им треба працувати над объединением и освобождением свого Родного Краю по нашой программі. В Пряшевской Руси розуміют, што лемкы по галицкой стороні, то их кровны братя, и што ніт для єдных свободы, єсли другы в неволі. В Подкарпатской Руси знают о том, што не лем они сами в неволі, але и их братя под гитлеровском оккупациом, ци то в Пряшевской Руси под опіком словацкых клебанов, ци галицко-украинскых панков, на службі у Гитлера, по галицкой стороні.

Тоты нашы люде уж не дадут себе отстрашити нияком пропагандом против Сов. Союза. Они стали в руководстві народной массы в єй стремлению к освобождению и объединению с Совітскым Союзом. Того стремления, той стихийной тягы к своим родным братям, к свойой державі, уж никто убити не може.

Частичне переселение в СССР

Коли по галицкой стороні Лемковщины было объявлено, што кто хоче, може переселитися на землі Совітского Союза, половина населения выразила охоту для переселения. Не так оно легко опускати своє газдовство, свою землю, свою хижу. Мы знаме, як нам тяжко было опускати свой край, хоц никто з нас не іхал с тым, што уж николи не верне на своє родне обыстя. В родной хижі оставалися нашы родиче, братя, сестры. При переселению на новы землі нашы родны знали, бо им сказали, што лишают своє село, своє поле, свои хижы навсе. А они лишали и шли в таку державу, о которой слышали лем проклятия в церквах, школах, в урядах. Та и тепер, хотя уж не дают свободного выбору, из Подкарпатской Руси, с Пряшевщины, з галицкой Лемковщины біжит наш народ на восток, ку границам Совітского Союза, ку своим.

Часто звідуємe єдны другых, ци Карпатска

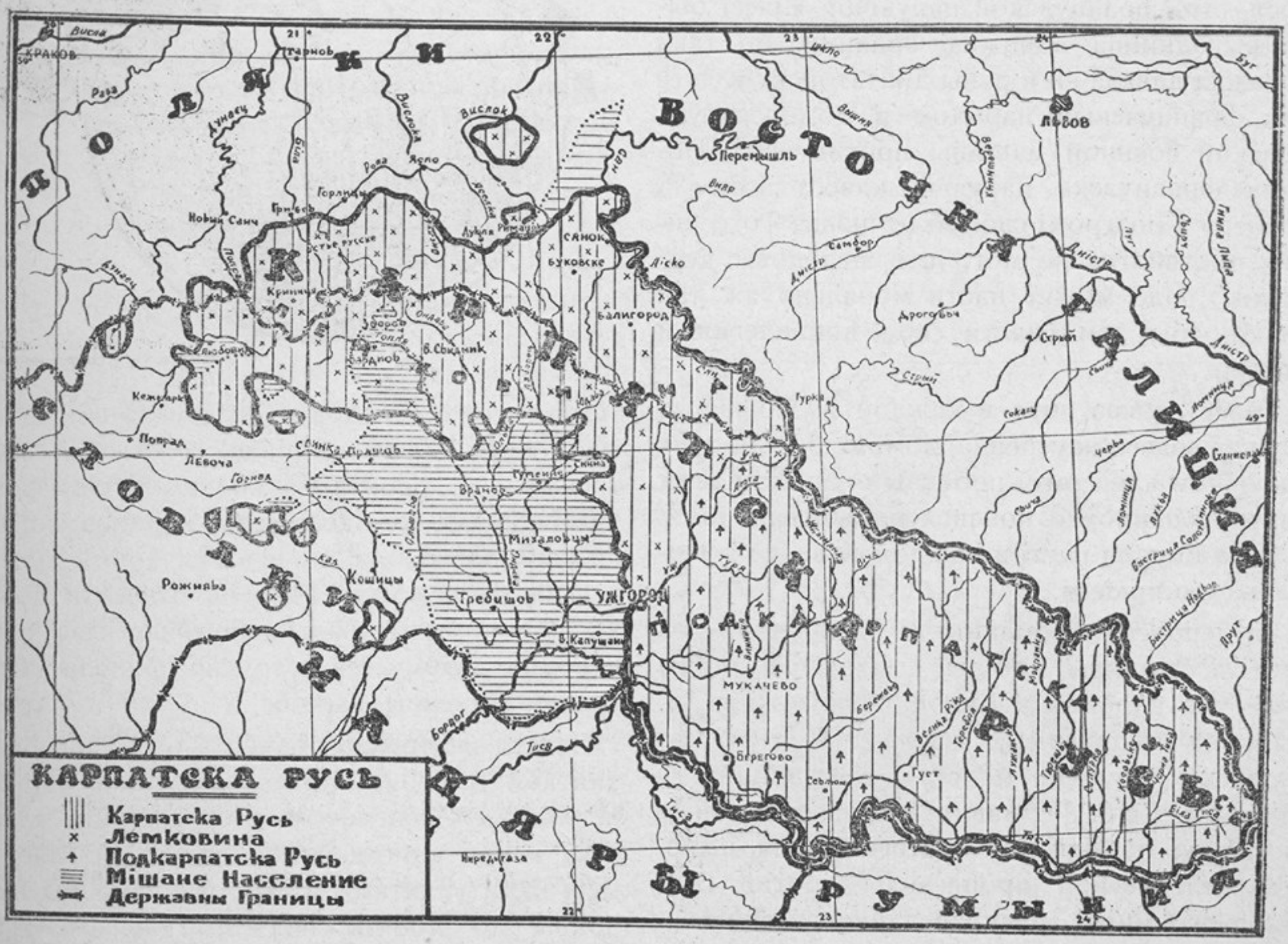
Русь буде присоєдинена к Совітскому Союзу? Розуміеся, што буде присоєдинена, бо того желає собі наш народ в краю и на еміграции. Такой силы больше ніт, абы могла перешкодити освобождению и объєдинению кровных братов в краю, коли Красна Армия стоит на границі Карпатской Руси в Карпатах, коли народ того хоче. А мы знаме, што народ хоче того, ничого не желає собі сегодня так горячо, як свободы и объєдинения зо своими восточными братами.

Ширме свою народну газету

Сегодня мы уж видиме, што нашу народну организацию, народне житя завдячаме своєй народной газеті. Без наукы, яку нам дала и дає наша народна газета, мы не были бы способны до народного житя. И наша организация не истнувала бы, ни Лемко-Союз, ни Карпаторусский Народный Комитет, ни Карпаторусский Американский Центр. Мы были бы страченым народом в том бурном світі, так, як корабль на бурном морі без руля. И каждый з нас може тепер отвдячитися свойой газеті, а тым самым причинитися до укріпления самой организации через придбание новых читателей. Най то буде тепер головном задачом нашом — поширити "Карпатску Русь" дальше в массі карпаторусской еміграции.

Тепер каждый дотеперішный читатель нашой газеты може быти гордый на то, што он причинилися до той роботы, яку она зробила для нашой еміграции и Родного Краю. Но того ище мало, треба и потрудитися, штобы другы, вашы знакомы, сусіде, родны — так розуміли народне діло, як розумієте вы. Тогды вам буде приємнійше зыйтися и говорити з ними, бо вы будете розумітися.

Роспространение печатного слова, газеты и литературы народной культурно-просвітительной организации має огромне значение для культурного розвития народа. Через газету учатся тысячы роботников, стают єдной мысли з другыми своими братами. Так будуєся народна сила, котра народу так потребна в тых переломовых часах.

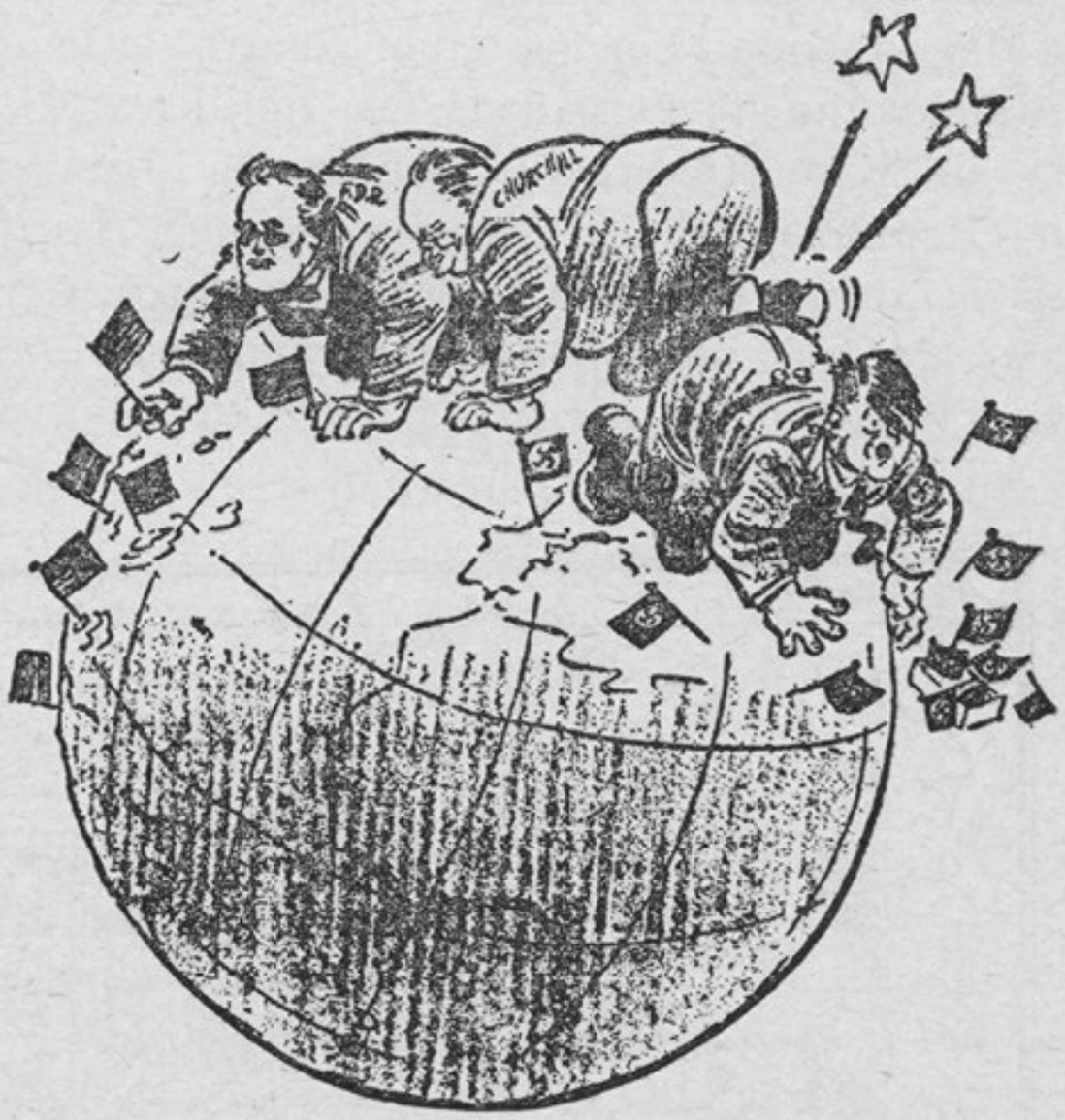
В ДРУГОМ РОКУ ИМПЕРИАЛИСТИЧНОЙ ВОЙНЫ

Світ находится в другом року империалистичной войны. Всі предсказы и обрахункы, што война покончится в коротком часі, зышли нанич. Война поширюєся дальше по світу и стає затяжном. Конец войны, вміcто приближатися, — отдалюєся. Так нам здаєся. Минувшого року послі розгрома Польшы предказували скорый конец войны, а послі розгрома Франции конец войны уж виділи. Тепер, коли мы то пишеме, його совсім не видно.

Но зато мінятся скоро, несподівано, межнародне положение, бо оно зависит от зміны политичного положения в поодинокых воюючых державах. До половины сего року т. з. демократична Франция, одна из найбольшых держав світа, воювала в тісном союзі в Великом Британиом против Германии. Оказалося, што французской пануючой кляссі была выгоднійша поражка Франции, бо така поражка давала єй в рукы диктаторску власть над французскым народом и помоч гитлеровской воєнной машины против него. Потому французска пануюча клясса помогла Гитлеру в розгромі свойой отчизны. Того никто предвидіти не мог, што передовы державны люде можут пасти морально аж так низко, абы лем спасти свои привилегии и маєткы.

То єст доказ, што в каждой из воюючых держав ведеся внутренна, домова борьба меж пануючом кляссом и роботным народом, меж панучом нациом и поневоленными народами. И тота борьба внутри каждой воюючой державы заострюєся.

Гитлеровска Германия за минувший рок отнесла "великы побіды", захватила много крайов и народов в Европі, уничтожила цілый ряд независимых держав. Но тым гитлеровска Германия не стала сильнійшом, а слабшом. Коли Германия вступала в войну, она была объединена внутренно при помочы гитлеровской пропаганды против Версальского мира, за справедливость для германского народа. Но коли германскы войска розлялися по западной и центральной Европі, по другых краях, поневолили другых народы, они взяли в свою державу десятки миллионов ненавидящых неволю людей, европейскых, не колонияльных народов. Тоты народы борются за свою свободу всякыми средствами, якы лем мают в свойой роспорядимости, и ослабляют германску внутренну силу, єдность, розъідают єй. Своими захватами других народов и их земель гитлеровска Германия не вскріпла, а ослабла внутренно и на фронті. Єй милитарна сила розлялася среди враждебных єй народов, котры єй розъідают.

Herblock in The Milwaukee Journal

И як легко было Гитлеру относити побіды при помочы зрады пануючых клясс тых народов, так му тепер трудно приходит контролювати самы народы.

Ведеся внутренна борьба в огромной Британской империи. Ведеся внутренна борьба не лем меж пануючом и трудящомся кляссом, але и внутри самой пануючой кляссы, меж капитулянтами и сторонниками ведения войны до побіды над противником. Иде борьба в Британской империи и меж паную-

чом национ и колонияльными народами. Трудно требувати англичанам лояльности от 350 миллионов индусов, народа, позбавленного всякых людских прав на свойой родной землі английским империализмом. В Индии иде завзята борьба за освобождение индусского народа от англо-саксонского владычества.

И чым дальше затягатся война, тым больше розгорятся тота внутренна борьба в воюючых державах. Покаль она ведеся тихо, подпольно, но кажду хвилю, с дальшым ослаблением воюючых держав, подпольна борьба може розгоритися в открыту гражданску войну.

За што ведеся война?

За што ведут войну Германия, Италия и Япония против Британской империи? Тоты державы ведут войну меж собом за новый переділ світа, за світовы богатства и рынкы для своих промышленных товаров. Така война называтся — империалистична война.

За што веде войну Китай против Японии? Китай, китайский народ ничого от Японии не хоче. Китай хотіл и хоче жити в мирі з Японием. Но японскы империалисты хотят контролювати Китай и земны богатства китайского народа и потому напали на Китай. На том примірі японо-китайской войны найліпше мож розуміти, што то єст империалистична, несправедлива война, а што єст война народна, оборонительна, справедлива. Япония веде в Китаю агрессивну, империалистичну захватничу войну, за контролю земель и земных богатств Китая, коли Китай веде справедливу, оборонительну войну, войну за свою независимость, в обороні свойой державы.

Война меж великыми світовыми державами — меж Германием, Италиом и Японием з єдной стороны, а меж Великом Британиом и Франциом з другой — империалистична война, потому што она ведеся за новый переділ світа, земны богатства, копальні, колонии и рынкы збыта промышленных выробов тых держав. Англия и Франция, т. є. англо-французскый капитал посідал и контролював огромны світовы богатства и рынкы, тогды як германо-итало-японскый капитал оставался при дуже скудных материалах для свойой промышленности и при скудных рынках для єй выробов. Дост вспомнути, што тоты три державы, заключившы меж собом агрессивный воєнный союз, остались без свойой нафты, найвіжнійшого сегодня промышленного и воєнного материала. Отже, они связалися воєнным союзом для империалистичной войны, абы вспольными силами вырвати земны богатства и рынкы маючым державам, Англии и Франции.

Як знаме, Франция была розгромлена в первом року империалистичной войны, а з ньом разом малы европейскы державы, хотя великы колониально, Голландия и Бельгия. Но доступ во французскы, голландскы и бельгийскы колониальны богатства германо-итало-японскым империалистам закрытый сильным британскым морскым флотом и поставом сильного американского флота.

Кто виноватый?

И як долго не буде розбитый або английский флот, або не будут захвачены Британскы островы, то єст сама Англия, мозг Британской империи, так долго германо-итало-японский блок не може говорити о побіді.

Затяжна война

Послі капитуляции Франции, завдякы зрады французской пануючой кляссы, здавалося, што скоро наступит така сама капитуляция Англии. И Гитлер был в том свято переконаный. Тото своє переконание он основувал на такой самой зраді части английской пануючой кляссы и на силі свого воздушного флота. Завело єдно и друге. Англійскы лорды оказалися выше морально стоячы от французской буржуазии. Зрадников, капитулянтов усунули. Завели Гитлера и його воздушны атакы на Англию. Воздушны атакы не стерроризували английского народа. С часом английский воздушный флот, при помочы американской авиационной промышленности так вскріп, што он почал наносити сильны удары по промышленных центрах самой Германии. Руководство воєнными дійствиями Англии нашлося в руках найзавзятійшого и самого гордого представителя английской пануючой кляссы, Черчилла, и як долго тото руководство буде находитися в його руках, о капитуляции Англии не може быти бес ды.

Німецкий рисунок

Треба предвидіти, што затяжна империалистична война втягне в воєнны дійствия и Америку. Уж сегодня ресурсы Америкы и єй индустрия на стороні Великой Британии. Так што мы уж сегодня можеме сказати, што против себе стоят два блокы — германо-итало-японский блок против англо-американского блока.

Сила противников

Спочатком войны Германия показала велику милитарну силу, найлучше организованую и механизовану воєнну машину. Но тота воєнна машина была будувана для короткой блискавичной войны, а не для затяжной войны. Руководителі гитлеровской Германии были увірены, што до єдного року война буде покончена. Старанно была подготовлена зрада, пята колонна во всіх противогерманских европейских державах. Германска воєнна машина занимала край за крайом, обошла французску оборонну линию Мажино и розгромила Францию. Но Англия, под руководством Черчилла, оперлася германской воєнной машині, передержала кризис, так што война вступила в другий рок, то єст в период затяжной войны, дуже невыгодной для германо-итало-японского блока. В затяжной войні, в войні на вычерпание, головну ролю грают ресурсы, воєнны материалы и индустриальна сила. Англо-саксонский блок далеко богатший в воєнны ресурсы и во всякы промышленны и земледільскы материалы от германо-итало-японского блока, и сильнійший индустриально.

Английский рисунок

Германска воєнна машина была будувана из английскых и американскых воєнных материалов, бо была образована на войну против Совітского Союза. Тоже Муссолини будувал свою воєнну машину из заграничных материалов. Што тычится японской воєнной машины, то мы всі знаме, што она не истнувала бы без американскых желіза и нафты. Без американскых воєнных материалов Япония не была бы способна вести трирочну войну в Китаю.

И єсли бы тота война опералася лем на воєнной силі, то єст, єсли бы она не крыла в собі революцийных елементов, о котрых мы вспоминали на початку, то по материальной силі затяжну империалистичну войну должен "выграти" англо-саксонский блок.

Но діло в том, што "побіда" над германо-итало-японскым блоком не єст побіда в старом смыслі побіды над противником. Побіда

в старом смыслі означала для побідителя новы богатства от побіжденного, яко отшкодование, покрытие коштов войны. Такого отшкодования для покрытия коштов войны немож взяти от германо-итало-японского блока, бо ніт што з них взяти, они ничого не мают, кромі того, што захватили в той войні. А они и притом, што захватили уже, при старой капиталистичной економии истнувати не можут. Они не можут истнувати економично в империалистично-капиталистичном світі без новых земных богатств для свойой промышленности и новых світовых рынков для товаров.

Спасают свою найдорожшу отчизну

Та бо не лем Германии, Италии и Японии бракує земных богатств и світовых рынков для економичного истнувания при старой економичной системі, тых земных богатств и світовых рынков замало уж для посідаючых тоты богатства и рынкы, для Великой Британии и Соєдиненных Штатов. Ни Англия ни США не можут уж при старой економичной системі дати всім своим гражданам в часі мира роботу и житя. А то значит, што для них самых мало світовых рынков, бо єсли было бы где продати с профитом выробы промышленности, то безроботя не было бы.

Война обідніє ище больше народны массы світа, так што продати буде мож ище меньше. И єсли тепер за час войны роботныкы працуют на войну, то єст на уничтожение богатства, доробку, то послі империалистичной войны грозит робочой кляссі страшне безроботя и нужда, не лем в "побіжденных" державах, але и "побідоносных". Мы не забыли, што минувша война принесла безроботя и нужду не лем в Германии, но и в державах побідительницах, в США и Англии. Теперішня война доведе ище до страшнійшого економичного положения народны массы воюючых держав.

Голод

Уж спочатком другого року войны в блокованой западной и центральной Европі панує голод. Западна Европа не може выживитися своим хлібом, и в часі мирном она получала хліб из-за моря за свои промышленны выробы. В часі войны западно-европейскы краи не всилі продукувати и столько хліба, што в часі мирном, а война пожерат хліба о много больше, як мирный час. Найліпшы людскы продуктивны силы єдны запряжены в воєнну машину на фронті або мобилизованы в поготові, другы працуют на войну, в воєнной промышленности, котра не продукує для людского ужитку. Ужиточно трудятся лем найслабшы, найменьше продуктивны людскы силы и стара машинерия. А из тых ужиточных продуктов для житя лем найгорша часть остаєся для ужитку народа, для його житя, всьо што ліпше пожерат воєнна машина.

Косари

Коли в минувшу империалистичну войну, до котрой приступали европейскы державы лучше заосмотрены в поживу, голод в Европі отчувался аж в третьом и четвертом року войны, то в часі теперішной войны в

другом року голодує уж вся западна и центральна Европа. Уж сама война почалася разом с картками на поживу.

Голод, недоідание несе зо собом и разны хвороты, котры уж поширюются в западной и центральной Европі. Спочатком другого року войны почала ширитися епидемия тифа в Польші, в Словакии, перекинулася в Чехию и Германию.

Наближаючася зима буде страшна для европейских народов.

СОВІТСКИЙ СОЮЗ И ИМПЕРИАЛИСТИЧНА ВОЙНА

Кажут, што коли Германия готовилася до той войны сім літ, то Англия и Франция нашлися спочатком войны совсім не подготовлены к обороні. Но не кажут, чом? Ци они не знали, што Германия вооружатся? Знали о том дуже добри, бо сами помагали Германии вооружатися. Германия, не маючи поддостатком своих материалов для вооружений, получала их от тых, што мают, от Англии, Франции и Америкы. Тепер выяснилося, што Гитлера поставили в Германии світовы капиталисты при помочы своих німецкых товаришов для будовы германской милитарной машины. Против кого? Розуміеся, што не против себе, против своих держав, а против социалистичной державы, против Совітского Союза. Гитлеровска Германия должна была быти орудием против Совітского Союза. Лем тым толкуеся тот факт, што Германию вооружали своими капиталами и материалами, а сами занедбали свои вооружения. Вся политика западных, т. з. демократичных держав была образхована на войну Германии с Совітскым Союзом. Не лем политика, но и их економия.

Но початковый план был выробленый, основаный на послушенстві Гитлера своим опікунам, германскым и світовым капиталистам. Гитлеровска Германия и гитлеровска воєнна машина мали быти лем орудием в руках межнародного капитала против єдиной социалистичной державы світа. То был межнародный заговор против Совітского Союза.

Правдоподобно, шо Гитлер хотіл выполнити тоту миссию, бо в Совітском Союзі организувалася його "пята колонна" из контрреволюционеров — троцкистов, бухаринцев и всякых выбросков совітского общества. Но совітске правительство вчас открыло и вылапало зрадников, а тым самым совітска держава стала объединенном и сильном.

Правда, заграницом роскричалися, што чистка в Совітском Союзі, то доказ слабости совітской державы. Но Гитлер понял так, як треба было понимати, што то доказ внутренной силы.

И нам здаеся, што от часу вылапания зрадников в Совітском Союзі, його пятой колонны, Гитлер увиділ, што його путь не на восток против Совітского Союза, а на запад, против слабо подготовленых к войні и ослабленных внутренно здеморализованом буржуазиом т. з. демократичных держав. Но он не зрадился зо своим планом, абы як найбольше средств выдерти от тых богатых держав и богатой пануючой кляссы для будучой войны против ним самым. И длятого он до самого літа 1939 року голосил свой поход против СССР для засліпления запада.

Нараз, літом 1939 року германске правительство заключат с совітскым правительством торговый договор и предлагат договор о взаимном не-нападении. В том то и діло, што не совітске правительство германскому, а германске совітскому предложило заключение такого договора. А тым самым признало силу Совітского Союза. Само собом розуміеся, што совітске правительство подписало выгодный для себе договор, як бы то зробило кажде инше вірне свому народу правительство.

На западі поднесли крик, што Совітский Союз зрадил "демократию" такым договором. Поднесли крик тоты самы, котры рок тому назад зрадили в Мюниху не лем Совітский Союз, но свою дитину Чехословакию, свои державы и свои народы, в образхунку, што тота их зрада, то послідня жертва з их стороны для гитлеровской Германии для єй походу против зненавидженого ними Совітского Союза. Они сами заключили тот найганебнійший, який знає история, договор, пополнили найганебнійшу зраду не лем своих союзников, але своих власных держав и народов.

Мюних доказал найяснійше, што они, руководителі Франции ни Англии, не лем за ниякого свого союзника не уважали Со-

вітский Союз, але за найбольшого свого врага. А гитлеровску Германию, Гитлера уважали своим союзником против того свого "найбольшого врага".

Мюних открыл всю огидну политику руководителей Англии и Франции. Доказал, што Совітский Союз не може вірити им, не може заключати з ними воєнных договоров, ниякых союзов больше, бо они при первой случайности зрадят. Єсли они были способны зрадити Чехословакию, свои власны державы и народы лем з ненависти до Совітского Союза, з ненависти до його социального устройства, то як мож было вірити им самому Совітскому Союзу?

Свойом зрадом они выкликали войну, в котрой Совітский Союз остаєся нейтральным так долго, як долго не будут загрожены його границы або державны интересы з єдной або другой стороны.

Совітский Союз за цілый час свого существования веде политику мира. Штобы спасти народы от страшной войны, Совітский Союз долгы рокы боролся против войны, предлагал коллективне обеспечение мира, договор миролюбивых держав против агрессоров, розоружение. Для мирного сотрудничества вступил в Лигу наций. Но великы империалистичны западны державы не хотіли такого коллективного обеспечения мира, они хотіли лем от себе отвернути агрессию, а звернути агрессоров против Совітского Союза, и потому укріпляли агрессоров уступками и помагали им вооружатися. Всю свою межнародну, а даже внутренну политику и економию они основували на том, што война меж Германиом и Совітскым Союзом неуникнена, и што они таком войном поправлят свои интересы. Што войну будут вести другы, а они будут корыстати. Мирну политику Совітского Союза они розуміли, яко його внутренну слабость и страх пред агрессорами.

Иначе розуміла мирну политику Совітского Союза Германия. Она порозуміла внутренну силу Совітского Союза тогды, коли там была уничтожена пята колонна. Германия порозуміла, што Совітский Союз, то одинока держава, в котрой обороні пред агрессором стане под руководством своих правдиво народных вождей вся народна масса, вооружена своим социалистичным господарством — индустриом и земледілием. Германия порозуміла, што така держава непобідима в обороні народной землі и народного господарства.

Отколи Гитлер написал свою книжку "Мейн Кампф", в котрой робил собі смішкы с той державы, што там єдной машины не можут зробити, — совітска социалистична промышленность выпустила пол миллиона тракторов, соткы тысяч комбайнов и другых модерных земледільскых машин, — десяткы тысяч аеропланов, танков, воєнных троков и другых воєнных машин и совітска армия стала найлучше механизованом армиом в світі. Не для империалистичной, агрессивной войны, а для обороны.

Совітскы люде смотрят иначе на войну, як руководителі империалистичных держав. Коли в империалистичных державах восхваляют войну, в Совітском Союзі учат ненавидіти войну, кромі народной, справедливой — т. є. войны за народну свободу, в обороні державы, независимости. Лем таку войну уважают в Совітском Союзі за справедливу войну, и лем до такой войны способна, способнійша от всіх другых, Красна Армия.

Мы часто читаме в капиталистичной пресі, што Совітский Союз веде империалистичну политику або империалистичну войну. Як може вести империалистичну политику правительство, котре учит свой народ ненавидіти империалистичну политику и войну? Но не можут же учити свой народ, што освобождение своих родных братов украинцев и білоруссов из под-польскых панов, то империализм. Што обеспечение совітскых границ, то империализм. Што оборона свойой державы и єй интересов, то империализм. Социалистична держава не може быти империалистичном державом, бо в социалистичной державі єй земля, земны богатства и идустрия власность народа, а не капиталистов и дідичов. Єсли Совітский Союз поможе освободитися даякому народу, то тому народу не бере никто земных богатств, а напротив, всі богатства переходят на власность народа. Там, где ніт капиталистов, капитализма, не може быти империализма. Империализм означат борьбу меж группами капиталистов за переділ земных богатств и світовых рынков. Народы, державы и их армии то орудия для такой борьбы за пере-

діл земных богатств и рынков. Таку войну совітскы люде ненавидят и они неспособны вести империалистичну войну, т. є. войну для корысти єдной або другой группы империалистов.

И тым толкуєся, што Совітский Союз остаєся нейтральным так долго, як долго не будут загрожены його державны интересы єдном або другом воюючом стороном шаліючой империалистичной войны.

Для обороны своих интересов совітска держава має дост силы сама, без даякых союзников. Та и мусит мати, бо союзников для так званой взаимной обороны социалистична держава не найде. Она знає, што ниякой империалистичной державі, ниякому правительству в руках богатой пануючой кляссы, Совітский Союз вірити не може. Но он може вірити поневоленым народам світа, котры смотрят сегодня на тоту народну державу, яко свого природного союзника.

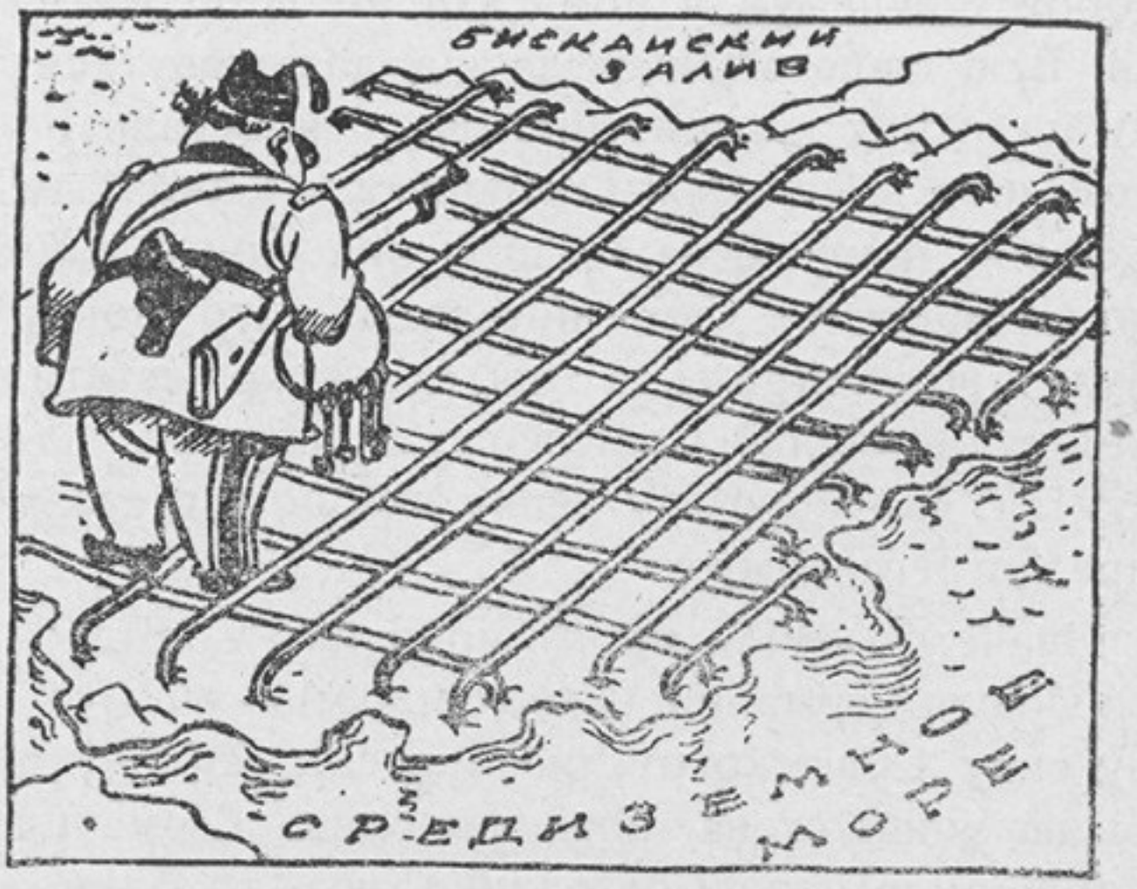
И Сов. Союз не заведе віры тых своих природных союзников. Зближатся час, што он скаже своє слово в обороні поневоленых народов и поможе им освободитися от угнетателей.

Світовы империалисты видят, што поневолены ними народы звертают свои очы в сторону Совітского Союза и паны хотіли бы створити свой "єдиный фронт" против той первой социалистичной державы, но власны их империалистичны суперечности не дозволяют им створити такого "єдиного фронта". "Великий план" натравления на СССР вооруженной ними нацистской Германии провалился завдякы мудрой политикі совітского правительства. Но западны империалисты не стратили ище надежды, што им удастся втягнути СССР в империалистичну войну. Их дипломаты и межнародны агенты працюют над тым с цілой силы, провокуют, выдумуют. Але не так оно легко спровоковати совітске правительство.

Совітский Союз и Карпатска Русь

Нашу карпаторусску емиграцию интересує найбольше то, ци Совітский Союз знає за Карпатску Русь, и ци он поможе нашому народу освободитися от чужых оккупантов, от мадьярскых панов и гитлеровцев. Розумієся, што Совітский Союз знає о Карпатской Руси, так само знає о ней, як знал о Западной Украині и Білоруссии. Нам чудно, чом совітске правительство ничого не упоминат о Карпатской Руси. Но мы добри знаме, што оно не упоминало о русских землях в панской Польші и боярской Румынии, аж пришол час освобождения. Послі освобождения Западной Украины, Западной Білоруссии, Сіверной Буковины и Бесарабии показалося, што совітскы люде за цілый час до освобождения слідили за тыми краями, за их положением под чужом властьом. Послі освобождения тых крайов совітскы газеты были заполнены интересным материалом о тых краях. Так само сегодня совітскы учены, писателі интересуютоя Карпатском Русьом, но они никому с тым не хвалятся, не росписуются о том. Они знают, што приде такий час, коли Карпатска Русь стане свобдна от чужого ярма и тогды будут писати.

Шаліюча тепер империалистична война може мати лем єден конец, — конец самого импеиралізма, — конец угнетателям народа, оккупантам чужых земель. На повоєнных руинах старой Европы стане новый народный порядок — без угнетателей и угнетенных. Меж свободными, братскыми народами займе своє місце и Карпатска Русь, объединена зо своими восточными братами по волі самого народа, як были за минувший рок объєдинены зо Совітскым Союзом другы западно-русскы землі.

Франковска мапа Испании

Славный русский полководец Александр Васильевич Суворов родился в 1730 року в Москві, и коли йому не было ище рока, он был перевезеный отцом в село Кончанске, недалко от місточка Боровичи, Новгородской губернии, в родове помістье Суворовых.

Семья Суворовых належала до небогатого дворянского роду. Отец Сандра — Василий Иванович почал службу при Петрі I с простого солдата и до часу, коли родился йому сын Александр, дослужился рангы прапорщика Преображенского полка.

Маленький Александр, по пересказам памятавших го, был хилый, худый и слабый здоровьем хлопчик. Отец Сандра ани не думал зробити сына воєнным. Старый Суворов думал устроити го в канцелярию даякого министерства. Сандер показувал великы способности до чужеземных языков. Но його мечтом было стати воєнным. Цілыми годинами юный Суворов мог просижувати над книжками, в котрых росповідали о походах и битвах великых полководцев. Он сам мечтал о воєнных подвигах и вперто гартувал себе. Не было такого потока або горы, котрой не облазил бы мальчик. Вдрапеся, бывало, на высоке дерево и колышеся там на самом вершку. Або вскочит на неосідланого коня и жене, што силы. Плавал он прекрасно и купался до самых заморозков. Часами в докучливый осенный дождь, в слоту, а то и ночом в часі бури он босо утікал в ліс и вертал дому премерзлый и промокший до ниткы.

Коли отец журил го за то, Сандер отповідал:

— Солдат должен привыкати ку всему.

* * *

Єдного разу к Василию Ивановичу Суворову приіхал його старый друг, негр Абрам Петрович Ганнибал, любимец и выхованок Петра Первого, прадід гениального русского поета Александра Сергеевича Пушкина.

— А где-ж Сандер? — звідал Ганнибал у Василия Ивановича.

— Певно, знов в свойой комнаткі, с книгами возится. Просто сил ніт порадити з ним. З дітми не бавится, ку гостям не выходит, який-си отлюдок...

— Штож, зайду, посмотрю на него. Давно не виділ го, — рюк Ганнибал.

Ганнибал застал Сандра лежати на подлогі среди мап и книжок. Ту был географичный отлас, описания жизни полководцев и другы книжкы на русском и чужеземных языках.

Ганнибал звідал го:

— Сандер, ци ты направду читаш тоты книжкы?

— Всьо уже прочитал, дядюшка, — отповіл Суворов.

— И по-німецкы?

— Так!

— Такого я ище не виділ! — воскликнул Ганнибал. — В твои рокы дворянчикы паничы ище сидят и зубрят: "буки-аз", або, розвісивши уха, слухают сказкы о Бові-королевичу. А кто рисувал для тебе тоты мапы?

— Я сам, дядюшка.

— Ну, Сашенька, ты молодец! — Ганнибал поцілувал хлопця в чело. А што ты такий печальный?

— Батюшка не любит моих занятий. Он не хоче, абы я был воєнным.

— Зато нич. С твоим батюшком я поговорю.

Василий Иванович послухал рады Ганнибала, и через рок Сандра записали простым солдатом Семеновского лейб-гвардии полка. Стал солдатом Александр Суворов, коли минуло му пятнадцет літ. В казармі Суворов познакомился з людми, с котрыми потом ділил славу и недостаткы. Девять літ Суворов был простым солдатом. Офицером зробили го только в 1754 року—йому тогды шол двадцет пятый рок. В тоты часы його ровесникы из богатых дворянскых родов были уж полковниками и генералами.

Суворовска школа

Суворов, всю жизнь мечтавший о воєнных походах и битвах, первый раз принял участие в бою при селі Кунерсдорф. Было то в августі 1759 року. Русскы одержали блестящу побіду над войсками прусского короля Фридриха II, котрого уважали за непобідимого. Всюду, где появился Суворов, русским войскам товаришила побіда. Храбрость Суворова замітили, и по окончанию войны он получил чин полковника.

Ставши командиром Суздальского піхотного полка, Суворов начал осуществляти то, о чом он так давно снил. Нова Ладога, где стоял Суздальский полк, в коротком часі перемінилася на школу воєнной штукы. Подручников не было. Суворов написал подручник арифметикы (рахунков) и сам учил в школі.

Всіми способами Суворов розвивал в людях прикметы, потребны в бою. В часі похода увидит ров, поведе через ров. Замітит горб — поведе через горб. Ріка, болото — для него всьо єдно. Суворов не лем командувал, но и все сам показувал примір, як пересиляти перешкоды. Особливу увагу Суворов звертал на ночны учения.

Ноч. Всі заснули. По алярму Суворов поднимал свой полк и выступал в поход. Стремительность, з яком посувалися суздальцы, вызывала загальне удивление. В день робили верст по пятдесят. На ночлег войска раскладалися табором, прямо в полю, росставляючи варту. Училися суздальцы непрерывно— зимом и літом, днем и ночом. Наука приходила нелегко, но Суворов все подбодрювал своих солдат: "Легко в наукі, тяжко в поході; тяжко в наукі — легко в поході."

Пят літ Суворов учил воєнному ділу своих "чудо-богатырей", як он любил называти солдат. Результаты школы Суворова показалися в 1768 року в Польші, где тогды шла война.

Покаль Суворов был в Польші, меж Россиом и Турцием началась война. Великы жертвы понесло русске войско в битвах на берегах Дуная. Суворова, прославившогося своими побідами в Польші, рішили послати на турецкий фронт. Командовал турецкым фронтом граф Румянцев.

Граф принял Суворова дуже зимно. Йому не подобался тот маленький рухливый чоловік, о котром шла слава полководца, не знаючого поражок. Граф думал, што он обыйдеся и без такых полководцев: йому з никым не хотілося ділити славы будучых побід.

Хотя Суворов был уж в рангі генерал-майора, йому дали маленький отряд и отправили под кріпость Туртукай, котра рахувалася неприступном. Суворов прибыл на місце и предложил взяти кріпость штурмом. Румянцев заборонил. Предтым он уж написал Екатерині, што Туртукай взяти немож. Суворов думал иначе о силі русского оружия. В ночи на 21 мая 1773 року Суворов повел свой отряд на штурм кріпости. В бою туркы стратили 1000 людей, а русскы — лем 88. Над турецком кріпостьом взвился русский флаг. Довольный побідом, Суворов сіл на бубен и написал Румянцеву рапорт в двох вершиках:

"Слава Богу, слава вам,
Туртукай взят и я там."

Граф Румянцев был встеклый. Он отдал Суворова под суд, и воєнна коллегия вынесла герою Туртукая вырок смерти. Но Екатерина, розуміючи, яке значение має тота побіда, на выроку написала: "Побідителей не судят."

Слідуюча побіда была одержана Суворовым на берегу Дуная, под кріпостьом Гирсово. Тота побіда причинилася до заключения мирного договора меж Россиом и Турцием. Россия получила право свободного плавания по Чорному морю и Дарданельскому проливу. Кромі того получила городы Азов, Керч, Кинбурн и степи меж Дніпром и Бугом.

В 1787 року меж Россиом и Турцием почалася нова война.

В другой турецкой войні Суворов одер-

жал поб ду при Очакові, Фокшанах и, наконец, над ріком Рымник. Над ріком Рымник Суворов с 25 тысячном армиом розбил 100 тысячну турецку армию. Екатерина II осыпала Суворова подарками, дала титул графа, наградила орденом Георгия, подарувала бриллиантовы еполеты, шпагу и перстень.

Закончилася война с Турциом грандиозным сражением под турецком кріпостьом Измаил. Всі пробы русских войск взяти тоту кріпость были безрезультатны.

Десят дней готовил Суворов штурм кріпости, и 22 декабря 1790 року кріпость была взята. Турция перестрашена поражком, заключила мир.

* * *

Ціле житя Суворов тішился огромном популярностьом у солдат. Честный, простый и независимый, он был ненавидженый придворными аристократами. Царске правительство вспоминало о Суворові в часі войны, но дораз забывало о нем послі заключения мира.

За свою сороколітню бойову жизнь Суворов участвовал в 63 битвах, не знаючи ни одной програной.

В 1799 року Россия в союзі с Австриом воювала против Франции. В часі той войны русскы войска под командом Суворова, совершили переход через Альпы. Енгельс назвал тот переход "самым передовым из всех альпийскых переходов нашых часов."

Через Альпы

Переход Суворова через Альпы — одна из самых світлых страниц воєнной истории. Здавалося, сама природа хотіла испытати вытревалость русских солдат. Висячы скалы, бездонны пропасти, обледенілы верхы, брак стежок — всьо должно служити прегрáдом русским бойцам. Но у Суворова было правило: где перейде олень, там перейде солдат, а где перейде солдат, там перейде ціле войско.

В горах французы заняли вершину Сен-Готард. Три разы русскы кидалися в бой и побідили. В битві при Чортовом мості русскы знов розбили французов. По горскым стежкам, через хребет Росшток, русскы войска вырвалися из пліна гор и пересилили хребты, котры рахувалися за непроходимы. В том поході, по словам Суворова, "русский штык пробился сквозь Альпы."

За тот переход Суворов получил звание генералиссимуса русской армии.

Ціла дорога из Швейцарии в Россию была триумфальным походом. В каждом городі встрічали Суворова и його армию торжественными овациями. Но нараз всьо змінилося. Царь-самодур Павел I, не любивший великого полководца, приказал отозвати от Суворова всіх адъютантов и для уникнения народных почестей дозволити йому въізд в Петербург лем ночом.

Суворов поселился у дальшых кровняков. Хворый, змученый, самотный, он умер 18 мая 1800 року. На похоронах його не было ни царедворцев, ни видных сановников. Лем народ, не уважаючи на царскы забороны, шол тысячном толпом за трумном великого полководца. ("Пионерскаяа Правда").

В 1862 року на русском крейсері "Богатырь" в числі команды находился 13-літный ученик Николаевского морского училища Степа Макаров. Степа совершал свой первый переход по Тихому океану. В родині Макаровых всі с юных літ были моряками и потому не дивно, што Степа 13-літным хлопцом плавал на кораблі.

Крейсер "Богатырь" сділал остановку у острова Мария, недалеко от Сан-Франциско, США. Там мальчик старанно учился по-английскы.

Осеньом 1864 року, повернувши в Россию, он перевел с английского на русский язык книжку о Охотском морі. Юный Макаров пильно учился. Он выучал навигацию, астрономию и другы наукы. Весном 1865 року молодый Макаров окончил училище. В маю 1869 року Степан Осипович здал послідны екзамены и стал мичманом (мичман — первый офицерский чин в царском флоті). А

через рок он первый в истории флотов всего світа розробил вопрос непотопляємости кораблей. Коли он опубликовал тоту роботу в "Московском сборникі", имя його стало всесвітно знаным. Но морске царске начальство тым не меньше было недовольно. Образованному, смілому моряку Макарову часто треба было учити людей высшых рангом, а то не подабалося начальникам.

В тоты рокы России грозила война с Турцием. И то была серьозна угроза: русский Чорноморский флот был о много слабший от турецкого. Макаров добился того, што му было дозволено поіхати в дійствующий флот против Турции и он выробил совсім новый способ борьбы против врага. Он предложил побудувати невеличкы минны катеры и подняти их на борт великого скорого парохода. Пароход должен был ночном пором подобратися ку стоянкі вражого флота, спустити свои катеры на воду, котры кинутся в атаку на турецкы кораблі.

З великым трудом получил Макаров пароход "Константин". Скоро "Константин" вышол в море глядати турецкых воєнных кораблей.

Вот Макаров нашол стоянку турецкой ескадры. Свитаньом, коли море было покрыто предранном мглом, "Константин" незамітно подошол ку вражым кораблям и спустил на воду катеры. За хвильку роздался страшный выбух. Турецкий броненосец "Сейфи" похилился на єден бок и быстро пошол ку дну моря. Итак, идея Макарова оказалася выполнима — он не побоялся зо своими маленькыми катерами выступити против сильного турецкого флота. Через пару дней катеры Макарова взорвали турецкы броненосцы — "Иджаме" и "Ассари-Шевкет". Смілы атакы Макарова и його лейтенантов — Шестакова, Зацаренного и другых — отбили охоту у турков подходити близко ку русским берегам.

В январі 1878 року Макаров первый раз в бою примінил самоходны мины Вайтгеда — торпеды, потопивши сторожевый пароход "Иинтибах". Через пять дней послі того боя война была кончена.

Макаров заложил основу новой тактикы, примінил новы роды морского оружия. Катеры Макарова — то прародителі теперішных торпедных катеров.

Послі окончания русско-турецкой войны Макаров занялся научном роботом. Но притом он не забывал и о положении матросов на кораблях. В свойом справозданию он пише: "Всі нашы кораблі мают великы выгоды в офицерских каютах, а не мают ниякых жительских удобств в поміщениях матросов".

Степан Осипович створил русский ледокольный флот. Он спроектувал первый ледокол "Ермак" и, несмотрячи на всі перешкоды, добился його будовы. Макаров вышол сам на "Ермакі" в первый арктичный рейс.

Макаров любил говорити, што "мирна наука — то школа для войны". Он старался так выучити людей, штобы як можно найлучше подготовити их до бою.

В часі войны России з Японием в 1904 року Макарова назначили командующым флотом Тихого океана. В тот час йому было уж 56 літ. Но он был полный енергии. Дораз по прибытию в Порт-Артур он почал усильно готовити флот до бою.

Предодньом 31 марта 1904 року на русскы миноносцы напала японска ескадра. Адмирал Макаров выслал на помоч миноносцам крейсеры "Диана", "Аскольд", "Новик" и вышол сам на броненосці "Петропавловск", отдавши приказания для бою. Но около десятой годины рано моцный выбух потряс броненосец "Петропавловск". Он почал быстро тонути. Макаров стоял на мостику перед бойовом рубком, и на него повалился град осколков и обломков.

Так погиб один из величайшых русскых флотоводцев. Он вышол из народа и отдал всі свои силы укріплению морской силы свойой отчизны.

Итальянска газета "Трибуна" по поводу гибели адмирала Макарова писала: "... вы, сыны всіх морей, морякы, служащы под всіми флагами, оплакуйте храброго чоловіка, бывшого вашым собратом, вінчайте лаврами память його".

Краснофлотцы и командиры нашого Воєнно-Морского Флота чтут память свого славного краяна. Любимы слова Макарова: "В морі — значит дома. В тихом порті — в гостях не надолго", стали кличом красных воєнных моряков, готовых к побідным боям за отчизну. ("Пионерская Правда").

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

МАКАР ЧУДРА

(Из избранных рассказов)

С моря дул вильготный, холодный вітер и розносил по степи задумчиву мелодию плеска набігавшой на берег фалі и шелеста прибережных корчов. Зрідка його порывы приносили зо собов зморщены, жолты листкы и кидали их в ватру, роздуваючи поломень, оточавша нас мгла осенной ночи вздрогувала и, пугливо усуваючись, открывала на миг зліва — безграничну степ, справа — бесконечне море и прямо против мене фигуру Макара Чудры, старого цыгана, — он сторожил коней свого табора, роскинутого в пятидесяти кроках от нас.

Не звертаючи увагы на то, што холодны фалі вітра, роспахнувши чугу, открыли його волосату грудь и безжалостно бют єй, он лежал в красивой, сильной позі, лицом ку мні, потягуючи из свойой великой пипкы, выпускал з рота и носа густы клубы дыма и, нерухомо уставивши очы кади-си через мою голову в мертво молчавшу темноту степи, бесідувал зо мном.

— Так ты ходиш? То добри! Ты славну долю выбрал собі, сокол. Так и треба: ход и позерай, а насмотрівшися, лягай и умерай — вот и всьо!

— Жизнь? Иншы люде? Еге? А тобі што до того? Та ци ты сам — не житя? Другы люде жиют без тебе и прожиют без тебе. Ци може ты думаш, што ты дакому потребный? Ты не хліб, не палица, и не треба тебе никому.

— Учитися и учити другых, гвариш ты? А ты можеш научитися зробити людей счастливыми? Ніт, не можеш. Ты найперше поливыми? Ніт, не можеш. Ты найперше посивій, а так бесідуй, што треба учити. Што учити? Каждый знає, што йому треба. Котры умнійшы, то берут што єст, котры дурдый сам учится.

— Смішны они, тоты твои люде. Збилися в купу и дусят єден другого, а місца на землі вон сколько, — он широко замахнул руком на степ. — И всі працуют. Та нашто? Кому? Никто не знає. Видиш, як чоловік оре, и думаш: вот он по каплі с потом силы свои сточит на землю, а потом ляже в ню и згниє в ней. Ничого по нем не останеся, ничого он не видит зо свого поля и умерат, як родился, — дураком.

— Што-ж, — ци он родился зато, ци што, штобы подобати в землі, и умерти, не успівши даже могилы самому собі выдобати? Відома йому воля? Шир степна понятна? Говор степной фалі веселит йому сердце? Он раб — як лем родился, ціле житя раб, и всьо тут! Што он с собов може зробити? Лем повіситися, коли змудріє мало.

— А я, вот, посмот, за пятдесят осем літ столько виділ, што коли написати то всьо на папери, так в тысячу такых торб, як тота у тебе, не положиш. А но угадай, в якых краях я не был? И не скажеш. Ты ани не знаш такых крайов, где я бывал. Так треба жити: иди, иди — и всьо тут. Долго не бав на єдном місци — што в нем? Як ден и ноч бігают, догоняючи єдно друге, наоколо землі, так и ты бігай, утікай от дум про жизнь, штобы не омерзла. А почнеш думати — сприкрится житя, то все так бывat. И зо мнов то было. Еге! Было, сокол.

— В тюрьмі я сиділ, в Галичині. Нашто я жию на світі? — помыслил я зо скукы — скучно в тюрьмі, сокол, ой, як скучно! — и взяла мене тоска за сердце, як посмотріл я из окна на поле, взяла и стисла го кліщами. Кто скаже, нашто он жиє? Никто не скаже, сокол! И проситися себе о то не треба. Жий, и всьо ту. И подорожуй, и позерай вколо себе, и тоска не возме николи. А я тогды мало не задусился поясом, в тюрьмі.

— Гей! Говорил я з єдным чоловіком. Поважный чоловік из вашых, русскых. Треба, гварит, жити не так, як ты сам хочеш, а так, як сказано в божом слові. Богу покоряйся, и он даст тобі всьо, што попросиш у него. А сам он в ряндах, обдертый. Та я и рюк йому, штобы он собі нову одежу попросил у бога. Позлостился он и прогнал мене, проклинаючи. А до того говорил, што треба прощати людей и любити их. А чом он мене не простил, коли моя бесіда обиділа його милость? Тоже — учитель! Учат они меньше істи, а сами ідят по десят раз на добу.

Он плюнул в ватру и замолк, знов набиваючи пипку. Вітер выл жалобно и тихо, во тьмі ржали коні, из табора плыла пестлива и горяча пісня-думка. То співала красавица Нонка, дочка Макара. Я знал єй голос густого грудного тембра, недовольно и требовательно звучавший — ци она співала пісню, ци говорила "здравствуй". На єй лиці и в очах видно было гордость на свою красоту и погорду до всього, кромі себе самой.

Макар подал мі пипку.

— Закур! Хорошо співат дівка? То-то! Хотіл бы ты, штобы така тебе любила? Ніт? Хорошо! Так и треба — не вір дівкам и тримайся от них подальше. Для дівкы цілуватися лучше и приятнійше, як мі пипку курити, а поцілувавши єй — и умерла воля в твойом сердці. Привяже она тебе ку собі чым-си такым, чого не видно, а розорвати — немож, и отдаш ты єй всю душу. Правда. Стережся дівок! Кламут все! Люблю, гварит, больше всего на світі, а коле, кольний єй шпильком, она розорве тобі сердце. Знаю я! Ого, сколько я знаю! Ну, сокол, хочеш, скажу одну быль? А ты єй запамятай и як запамяташ, — вік свой будеш свободный як птах.

* * *

"Был на світі Зобар, молодый цыган, Лайко Зобар. Вся Венгрия и Чехия и Славония, и всьо, што вколо моря, знало його, — удатый был малый! Не было в тых краях села, в котром бы пару людей не давали богу клятвы убити Лойко, а он собі жил, и уж коли йому сподабался конь, так хоть полк солдат постав сторожити того коня — всьо гоно Зобор на том коню гарцувати буде! Еге! Та ци он дакого боялся? Та хоцбы сам сатана зо всіми своими чортами, так он бы, якбы не пустил в него свого ножа, то напевно бы кріпко выругал, а што чортам бы подарил по пинку в рыла — то уж бы несли!

"И єсі таборы го знали або слыхали о нем. Он любил лем коней и ничого больше, и то не долго єдного коня — поіздит и продаст, а грошы, кто хоче, най бере. У него не было завітного — потребне тобі його сердце, он сам бы вырвал го из груди, и дал бы тобі, лем бы тобі от того хорошо было. Вот який он был, сокол!

"Наш табор кочевал в тот час по Буковині, — то было літ десят тому назад. Раз — весенном ночом — сидиме мы: я, Данило солдат, што разом с Кошутом воювал, и Нур старый, и всі другы, и Радда, Данилова дочка.

"Ты Нонку мою знаш? Царица-дівка! Ну, а Радду с ней ровнати немож — много чести Нонкі! О ней, о той Радді, словами и не скажеш ничого. Може быти, єй красоту мож бы было на скрипкі зограти, та и то лем тому, кто тоту скрипку, як свою душу знає.

"Много посушила она сердец молодецкых, ого, много! На Мораві один магнат, старый, чубатый, увиділ єй и остолбіл. Сидит на коню и смотрит, дрожачи, як в огневиці. Красивый он был, як чорт в праздник, жупан шитый золотом, на боку сабля, як блискавица блискат, лем конь ногом тупне, вся тота сабля в каменях драгоціных и сивый аксамит на шапкі, як неба кусок, — важный был господар старый! Смотріл, смотріл, тай и говорит Радді: Гей. Поцілуй, мішок грошей дам. — А она отвернулася в сторону, тай только! — Пребач, коли обиділ, взглянь хоц ласкавійше, — отразу унял пыхы старый магнат и кинул под єй ногы мішок — великий мішок, брате! А она якбы нехотячи пхнула ногом в болото, тай всьо ту.

"— Ех, дівко! — охнул он, тай плетьом по коню — лем кур встал за ним.

"А на другий день знов пришол. — Кто єй отец? — громом гремит по табору. Данило вышол. — Продай дочку, што хочеш бер!— А Данило каже йому: — То лем паны продают всьо — от своих свиней до свойой совісти, а я с Кошутом воювал и ничым не торгую!

— Взревіл было пан, та и за саблю, но

кто-си из нас сунул огня в ухо коню, он и понюс пана. А мы зобралися, тай пошли дальше. Идеме день, идеме другий, смотриме — догнал! Гей, вы, гварит, отдайте дівку за жену мі: всьо поділю с вами, богатый я сильно! — Горит цілый и, як трава под вітром, хвієся в сідлі. Мы задумалися.

"— Та но-ле, дочко, што ты скажеш! — рюк собі под усом Данило.

"— Коли бы орлица ку ворону в гніздо по свойой волі пошла, чым бы она стала? — звідала нас Радда.

"Засміялся Данило и всі мы с ним.

"— Славно, дочко! Слышал, господар? Не иде діло! Голубиц глядай — тоты податлившы. — И пошли мы вперед.

"А тот господар схватил шапку, кинул єй о землю и поскакал, так што земля затряслася. Вот она яка была Радда, сокол!

"Так! Так вот раз ночом сидиме мы и слышиме — музыка плыве по степи. Хороша музыка! Кров загорілася в жилах от ней и звала она куда-то. Всім нам, мы чуяли, от той музыкы захотілося чого-си такого, послі чого уж и жити бы не треба было, або, єсли жити, так — царями над всей землей, сокол!

"Вот из темноты вырізался конь, а на коню чоловік сидит и грає, подъізжаючи к нам. Остановился у ватры, перестал грати, усміхаючись, смотрит на нас.

"— Еге, Зобар, та то ты! — крикнул му Данило радостно. Так вот он Лойко Зобар!

"Усы легли на плечы и змішалися с кудрями, очы, як ясны звізды, горят, а усміх — ціле солнце, єй-богу! Так якбы го ковали из єдного куска желіза разом с конем. Стоит весь, як в крови, в огні ватры и сверкат зубами, сміючись! Най я проклятый буду, коли я його не любил уже, як себе, перше, як он мі слово рюк або просто замітил, што и я тоже живу на білом світі!

"Вот, сокол, якы люде бывают! Взгляне он тобі в очы и полонит твою душу, и нич тобі тото не стыдно, а ище гордо для тебе. С таким чоловіком ты и сам стаєш ліпший. Мало, друже, такых людей! Ну, так и ладно, коли мало. Єсли бы много хорошого было на світі, то бы го и за хороше не уважали. Так-то! Але послухай дальше.

"Радда и говорит: — Хорошо ты, Лойко, граєш! Кто то ти зробил таку скрипку, звонку и чутку? А тот сміється: — я сам зробил! И зробил я єй не з дерева, а из груди молодой дівушкы, котру я любил кріпко, а струны из єй сердца мном звиты. Фальшує ище немного скрипка, але я умію смычок в руках держати!

"Розуміеся, наш брат старатся отразу затуманити дівкі очы, штобы они не запалили його сердца, а сами бы засмутилися за паробком. Вот и Лойко тоже. Но — не на тоту попал. Радда отвернулася в сторону и, зівнувшы, рекла: — А ище говорили, што Зобар мудрый и ловкий — вот кламут люде! — и пошла гет.

"— Еге, красотко, у тебе остры зубы! — блиснул очами Лойко, злізаючи с коня. — Витайте, браты! Вот и я к вам!

"— Просиме гостя!" — рюк Данило. Поцілувалися, поговорили и легли спати.... Кріпко спати. А рано, смотриме, у Зобара голова повязана шматом. Што ся стало? А то, гварит, конь го пхнул копытом, заспаного.

"Е, е, е! Поняли мы, кто тот конь, и подсмихнулися под усами, и Данило усміхнулся. Што-ж? Та ци Лойко не варт Радды?

"Жиеме мы и жиеме на том місті, діла у нас в тоты часы добры были, и Зобар с нами. О, то был товариш! И мудрый, як старый, и знає всьо, и писмо русске и мадьярске розуміл. Бывало, як зачне говорити — вік бы не спал, а слухал го! А грає — най гром мя убье, коли на світі дакто ище так грал! Проведе, бывало, по струнам смычком — и вздрогне у тебе сердце, проведе ище раз — и замре оно, слухаючи, а он грат и усміхатся. И плакати, и сміятися хотілося в тот сам час, слухаючи го. Вот тобі сейчас кто-си стоне горько, просит помочи и ріже тобі грудь, як ножом. А вот степ говорит небу сказкы, смутны сказкы. Плаче дівча, провожаючи добра-молодца! Добрый молодец кличе дівицу в степ. и нараз — гей! Громом гремит вольна, жива пісня, и само солнце. здаеся, затанцує по небу под тоту пісню. Вот як, сокол!

"Кажда жила в твойом тілі понимала тоту пісню, и цілый ты становился єй рабом. И коли бы тогды кликнул Лойко: "в ножы, товаришы!" — то и пошли мы бы всі в ножы, с кым указал бы он. Всьо он мог зробити с чоловіком и всі любили го, кріпко

любили, лем Радда єдна не смотрит на паробка; и то бы ище нич, што не смотрит, а то ище подсміхуєся над ним. Кріпко она заділа за сердце Зобара, ой, кріпко. Зубами скрипит, дергаючи себе за ус, Лойко, очы темнійшы бездны смотрят, а часами в них таке блискат, што за душу страшно. Уйде ночом далеко в степ Лойко и плаче до рана його скрипка, плаче, хоронит Зобарову волю. А мы лежиме, и слухаме и думаме: што робити? И знаме, што коли два камені єден на другий котятся, ставати меж ними неможе — скалічат. Так и шло діло.

"Вот сиділи мы, всі в зборі и говорили о ділах. Скучно стало. Данило и просит Лойко: "Заспівай, Зобар, пісенку, повесель душу!" — Тот повел оком на Радду, што недалеко от него лежала лицо-м кверху, глядячи на небо, и ударил по струнам. Так и заговорила скрипка, якбы направду в ней дівиче сердце было. И заспівал Лойко:

Гей гей! В груди горит огонь
А степь так широка!
Як вітер быстр мой борзый конь,
Тверда моя рука!

"Повернула голову Радда и, привставши, усміхнулася в очы співаку. Запалился тот, як заря.

Гей, гоп-гей! Ну, товариш мой!
Поскачем, ци як, вперед!?
Одіта степь суровой мглой,
А там россвіт нас ждет!
Гей-гей! Летим и встретим день.
Взвивайся в вышину!
Да только гривой не задень
Красавицу луну!

— То пісня! — рюк Данило, — николи я не слыхал такой пісни; най з мене сатана пипку собі зробит, як неправду кажу! — Старый Нур и усами поводил, и плечами порушал, и всім нам по душі была удала Зобарова пісня! Только Радді не сподобалася.

"— Вот так раз комар гуділ, орлийный клекот наслідуючи, — сказала она, и якбы снігом на нас кинула.

"— Може быти, ты, Радда, бича хочеш?— звернулся к ней Данило, а Зобар кинул на землю шапку, тай и говорит, весь чорный, як земля:

"— Стой, Данило! Горячому коню—стальны удила! Отдай мі дочку за жену!

"— Вот сказал річ! — усміхнулся Данило, — та возми собі, коли можеш!

"— Добри! — рюк Лойко, и говорит Радді:

"— Ну, дівча, послухай мене мало и не пышайся! Много я вашой сестры виділ, го-го, много! А ни одна не рушила мого сердца так, як ты. Ех, Радда, полонила ты мою душу! Ну што-ж? Щто має быти, то тото и буде, и ... ніт такого коня, на котром от самого себе можно бы ускакати было!.. Беру тебе за жену перед богом, на свою честь, пред твоим отцом и всіми тыми людми. Но смот, волі мойой не переч — я свободный человік, и буду жити так, як я хочу! — И подошол к ней, стиснувши зубы, блискаючи очами. Смотриме мы, протянул он єй руку, — вот, думат, и наділа узду на степного коня Радда! Нараз видиме, взмахнул он руками и на землю затылком грух!..

"Што за диво? Якбы куля ударила в сердце паробка. А то Радда заметнула му ремменну вичку за ногы, тай дернула ку собі, — вот и от чого упал Лойко.

"И знов уж лежит дівка, не рушится, и *усміхатся молчкы*. Мы смотриме, што буде, а Лойко сидит на землі и стиснул руками голову, якбы боялся, што она у него трісне. А потом встал тихо, тай и пошол в степ, не позераючи на никого. Нур шепнул мі: — Смот за ним! — И пополз я за Зобаром по степи в темноті ночной. Так-то, соколе!"

Макар выдобал попел с пипкы и знов почал набивати єй. Я завился ліпше в плащ и, лежачи, смотріл на його старе лице, чорне от солнца и вітра. Он, сурово и строго качаючи головом, што-си шептал про себе, сивы усы рушалися, и вітер трепал му волосы на голові. Он был подобный на старого дуба, опаленого перуном, но все ище мощного, кріпкого и гордого свойом силом. Море шептало дальше з берегом, и вітер дальше носил тот шепот по степи. Нонка уж не співала, а собравшыся на небі хмары зробили осенню ноч ище темнійшом.

"Шол Лойко нога за ногом, опустивши голову и рукы, и, пришовши над поточок, сіл на камень и охнул. Так охнул, што у мене сердце кровью облялося от жалости, но я и так не подошол ку ньому. Словом горю не поможеш — правда?! То-то! Годину он сидит, другу сидит и третю не рушится—сидит.

"И я лежу недалеко. Ноч світла, місяц серебром всю степ залял и далеко всьо видно.

"Нараз вижу: от табора спішно Радда иде.

"Весело мі зробилося! Ех, важно! — ду-

мам, — удала дівка Радда! Вот она подошла к нему, он и не слышит. Положила йому руку на плечо' вздрогнул Лойко, розжал рукы и поднюс голову. И як скочит, тай за нож! Ух, поріже дівку, вижу я, и уж хотіли крикнути и біжати к ним, нараз слышу:

"— Шмар! Голову рострепу! — Смотрю: у Радды в рукі пистоль и она в лоб Зобару цілит. Вот сатана дівка! А ну, думам, они тепер ровны по силі, што буде дальше?

"— Слухай! — Радда заткнула за пояс пистоль и говорит Зобару: — я не убити тебе пришла, а миритися, шмар нож! Тот кинул нож и хмураво смотрит єй в очы. Давно то было, брате! Стоят два люде и звірями смотрят єден на другого, а оба такы хорошы, удалы люде. Смотрит на них ясный місяц и я — и есьо ту.

"— Ну, слухай мене, Лойко: я тебе люблю. — говорит Радда. Тот лем плечами рушил, якбы связаный по рукам и ногам.

"— Видала я молодцов, а ты удалійший и красший от них душом и лицом. Каждый из них усы бы собі зголил — як бы я моргнула им оком, всі они упали бы мі в ногы, лем бы-м захотіла того. Но што с того? Они и так мало удалы, а я бы их всіх обабила. Мало осталося на світі удалых цыган, мало, Лойко. Николи я никого не любила, Лойку, а тебе люблю. А ище я люблю волю! Волю, Лойку, я люблю больше, як тебе. А без тебе мі не жити, як не жити и тобі без мене. Так вот я хочу, штобы ты был цілый мой, душом и тілом, слышиш? — Тот усміхнулся.

"— Слышу! Весело сердцу слухати твою бесіду! Но-ле, повідай ище!

"— А ище вот што, Лойку: всьо ровно, як ты бы не вертівся, я тебе переможу, моим будеш. Так не трат же даром часу — пред тобом мои поцілуи и ласкы... кріпко цілувати я тебе буду, Лойку! Под моим поцілуйом ты забудеш свою удалу жизнь... и живы пісни твои, што так радуют молодцов цыган, не зазвучат по степям больше — співати ты будеш любовны, пестливы пісни мі, Радді... Та не трат даром часу, — сказала я тото, значит, ты завтра покоришся мі, як старшому товаришу юнаку. Поклонишся мі в ногы перед всім табором и поцілуеш праву руку мою — и тогды я буду твойом женом.

"Вот чого захотіла чортова дівка! Того и слухом не слыхано было, лем в стародавны часы у чорногорцов так было, говорили стары цыгане, а у цыган — николи! Но-ле, соколе, выдумай дашто смішнійше? Рок поламеш голову, а не выдумаш!

"Отскочил в сторону Лойка и крикнул на всю степ, як раненый в грудь. Дрогнула Радда, но не подала по собі.

"—Ну, так прощай до завтра, а завтра ты зробиш, што я казала тобі. Слышиш, Лойку!

"— Слышу! Зроблю, — застогнал Зобар и протягнул к ней рукы. Она ани не оглянулася на него, а он захвіялся, як зламане вітром дерево, и упал на землю, рыдаючи и сміючись.

"Вот як запутала молодца проклята Радда. Насилу я опамятал го.

"Еге! Якому дьяволу треба, штобы люде горе горювали? Кто-ж то любит слухати, як стогне, розрывается от горя, людске сердце? Вот и думай ту!...

"Вернул я в табор и росповіл о всьом старшкам. Подумали и рішили подождати и посмотріти, што с того буде. А было вот што. Коли собралися мы вечером вколо ватры, пришол и Лойко. Был он смутный и похуділ за ноч страшно, очы ввалилися; он опустил их и, не подносячи, сказал нам:

"— Вот яке діло, товаришы: смотріл я в своє сердце в сию ноч и не нашол міста в нем старой волной жизни мойой. Радда там живе лем — и всьо ту! Вот она, красавица Радда усміхатся, як царица! Она любит свою волю больше, як мене, а я єй люблю больше, як свою волю и рішил я Радді поклонитися в ногы, так она казала, штобы всі виділи, як єй красота покрила удалого Лойку Зобара, котрый го сего часу грал з дівчатами, як ястраб с качатами. А потом она стане мойом женом и буде ласкати и цілувати мене, так што уж мі и пісен співати вам не захочеся, и волі мойой я не пожалію! Ци не так, Радда? — Он поднюс очы и смутно посмотріл на ню. Она молчкы строго кивнула головом и руком указала собі на ногы. А мы смотріли и ничого не понимали. Даже уйти куда-то хотілося, лем бы не видіти, як Лойко Зобар упаде в ногы дівкі — най тота дівка и Радда. Стыдно было чогоси и жалко и смутно.

"— Ну! — крикнула Радда Зобару.

"— Еге, не понагляйся, догониш, надоіст ище... — засміялся тот. Якбы сталь зазвонила, так засміялся.

"— Так вот и всьо діло, товаришы. Што остаєся? А остаєся попробувати, ци таке направду у Радды мойой кріпке сердце, якым она мі го показувала. Попробую, — пребачте мі, братя!

"Мы и догадатися ище не мали часу, што хоче робити Зобар, а уж Радда лежала на замлі и в груди у ней по рукоятку стырчал кривый нож Зобара. Остолбеніли мы.

"А Радда вырвала нож, кинула го в сторону и зажавши рану жмитком своих чорных волос, усміхаючись, рекла громко и выразно:

"— Буд здрав, Лойко! Я знала, што ты так зробиш! ... — тай и умерла...

"Понял єс дівку, соколе?! Вот яка, най я буду проклятый на вікы вічны, дьявольска дівка была!

"— Ех! та и поклонюся я тобі в ногы, королево горда! — на всю степ гаркнул Лойко, и, кинувши собом на землю, притулил уста к ногам мертвой Радды и замер. Мы зняли шапкы и стояли молчкы.

"Што скажеш в таком ділі, сколе? То-то! Нур сказал было: "треба связати го!..." Не поднеслися бы рукы связати Лойка Зобара, ни у кого не поднеслися бы, и Нур знал то. Махнул он руком и одышол в сторону. А Данило поднюс нож, котрый кинула в сторону Радда, и долго смотріл на него, порушуючи сідыми усами. На том ножі не застыла ище кров Радды, и был он такий кривый и острый. А потом подошол Данило к Зобару и сунул йому нож в плечы як раз против сердца. Таж отцом был Радді старый Данило!

"— Вот як! — повернувшись к Данилі, ясно рюк Лойко и пошол догоняти Радду.

"А мы смотріли. Лежала Радда, притуливши к груди руку зо жмитком волос, и открыты єй очы были в сивом небі, а в ногах єй лежал удалый Лойко Зобар. На лице його упали його кудри и не видно было його лица.

"Стояли мы и думали. Дрожали усы у старого Данилы и нахмурилися густы бровы його. Он смотріл на небо и молчал, а Нур, сивый як голуб, ляг лицом на землю и заплакал так, што ходуном заходили його стариковскы плечы.

"Было ту над чым плакати, соколе!

"... Идеш ты, та и иди своим путем, не звертаючи в сторону. Прямо и иди. Може, и не загинеш даром. Вот и всьо, соколе!"

* * *

Макар замолчал и, спрятавши в кисет пипку, запахнул на грудь чугу. Кропил дощ, вітер стал сильнійший, море рокотало глухо и сердито. Один за другым ку выгасающой ватрі подходили коні и, оглянувши нас великыми умными очами, нерухомо ставали, окружаючи нас густым колом.

— Гой, гой, гой! — крикнул им ласкаво Макар и, поклепавши долоньом шию свого любимого вороного коня, рюк, звертаючись ку мі:

— Спати час! — потом затулился з головом в чугу и, могучо вытянувшись на землі, умолк. Мі не хотілося спати. Я смотріл во тьму степи, и в воздухі перед моими очами плавала царственно красива и горда фигура Радды. Она притисла руку с прядью чорных волос к рані на груди, и через єй смуглы тонкы пальцы текла капля по каплі кров, падаючи на землю огненно-червеными зв'здочками.

А за ньом по пятам плыл удалый молодец Лойко Зобар; його лице закрыли пряди густых чорных кудрей, и из-под них капали чисты, холодны и крупны слезы.

Усилювался дощ, и море співало смутный и торжественный гимн гордой парі красавцов-цыган — Лойкі Зобару и Радді, дочкі старого цыгана Данилы.

А они обоє кружили во тьмі ночы плавно и безмовно, и нияк не мог красавец Лойко поровнатися з гордом Раддом.

* * *

ПРОВОДНИК

Скучно стало нам, — доктору Полканову и мі, — крачати другий день по горячому піску берега лінивой Окы, мимо небогатых рязанскых полей, под солнцем послідных дней мая; задуже тепле сего року, оно грозило засухом.

Всі найбольше трудны вопросы цивилизации и культуры мы з доктором вконец рішили ище вчера, установивши, што пытли-

вый розум чоловіка розвяже всі узлы и петлі социальной путаницы, розрішит всі загадкы бытия и, освободивши людей из хаоса несчастий, из тьмы недоуміний, зробит их богоподобными.

Но коли мы опустошали торбы наших знаний, россыпавши мудрость нашу єден пред другым по дорозі квітами слов, — итти нам ставало все труднійше и скучнійше.

Вполудне натрафили на пастуха; зогнавши стадо ку рікі, он, маленький, сухий чоловік, з рапавыми рыжими волосами на костях лица, порадил нам:

— Вы бы лісом шли, лісом итти — холоднійше, лес то — стародавный, зовеся Муромский; єсли го накрос перейти, просто в Муром зайдете.

Ліс непревидный, синюватом стіном возвышался верстах в трьох от берега. Поблагодаривши пастуха, пошли мы межом, через поле жита; пастух, тріснувши бичом, закричал нам:

— Ей, заблудите вы в лісі! Зайдте в село, там єст знаючий старик Петро, он вас проводит за пару копійок, за двадцет.

Зашли мы в село; хат с пятнадцет, притулившыхся под убочом, над маленькым поточком, торопливо и якбы перестрашено вытікаючым з ліса.

Благообразный, сивобородый Петр, з невеселым взглядом сірых очей, починял діжку, вставляючи в ню дно; он выслухал нашу просьбу молчкы, а тлустый мужик, котрый призерался його роботі, покурюючи пипку, рюк:

— Он вас доставит аккуратно. То у нас путеводитель найліпший на цілу околицу. Он знає ліс, як свою бороду.

Борода у Петра была не велика, не густа, а сам он был по-мужицкы опрятный и дуже солидный, спокойный. Хороше, мягке и покорне лице.

— Ну, што-ж? — рюк он, отсунувши діжку долгом ногом в керпці. — Можно. Перекрестмеся и подме.. Полтину (пол рубля) — дате?

Тлустый мужик чому-си утішился, заговорил живійше:

— Полтинник — ціна дешева. Я бы вот за полтинник не пошол, ніт! А тот чоловік знає. Он вас под ноч доставит в самый Муром. Стежком поведеш?

— Стежком, — рюк Петро, вздохнувши.

Пошли. Петро, высокий и простый, з долгым кийом в рукі, крачал впереди нас и молчал, якбы го не было. На вопросы доктора он отзывался не озераючись, коротко и спокойно.

— Ничого. Привыкли. Як вам повісти? Розуміеся, што бідно жиеме.

Коли он рюк:

— И муряночка привычком жиє — доктора порушило; он вспомнил Вуда, Леббока, Брема и долго и восторженно говорил о интересном житю мурянок, о скромной мудрости русского народа и краснорічивой точности його языка.

Входячи в ліс, Петро знял кепку, перекрестился и объявил нам:

— Вот он, почался ліс!

Спочатку шли мы по дорогі меж отземками великых сосен, их корені перетинали глубокий пісок, розмятый колесами теліг. Перейшовши дас пол версты, путеводитель наш остановился, посмотріл на небо, постукал палком по отземку дерева и молчкы, круто повернул на стежку, майже незамітну меж маленькыми яличками; захрустіли под ногами сухы сосновы кокорудзы, нарушаючи важну тишину; она дуже напоминала тишину старинного храма, в котром давно уж не служат, но ище не иссяк теплый запах ладана и воска. В зеленоватом мраку, дакади пробитом острыми лучами солнца, в золотых лентах стояли бронзовы колонны сосен, покрыты зеленым лишайком, сивыми клочами моха.

Потом, коли вошли глубше в ліс, мі здалося, што весь он яко-си нараз и чудесно оживился. Вмісто Соловья-розбойника свистіли дрозды, было много багряных клестов, крючковаты носы их неутомимо шелушили сосновы шишкы, як сіра мыш бігал по отземкам поползень, мірно дзюбала кору жолна, тенькали суетливы синицы, рыжы вевюркы перебігали по воздуху з вершка на вершок, роспушивши хвосты. А єднако было так тихо, што даже доктор Полканов догадался: в той тишині наймудрійшы слова звучали бы неумістно.

— Заяц, — сказал наш путеводитель и вздохнул:

— Ех...

Я не замітил заяца. Стежка, — єсли лем она была, — удивляла мене своим капризным характером: часом, там, где бы она мала быти проста, она обходила вколо отдільных групп дерев, а там, где пред ньом стояли дерева густом стіном и у их кореньов росли густо яфиры, она просто лізла через приземкы сосен и, невидима, врізувалася в гущавину.

— Сейчас має быти поток, — рюк Петро дуже тихо.

Коли мы перешли дві версты я звідал го:

— А где тот поток?

— Видно, в сторону одышол, — рюк старый и, посмотрівши на небо, додал:

— Тот заяц... видите...

Доктор Полканов звідал:

— Мы не заблудили?

— Та чого? — спросил путеводитель.

Но коли почало темніти, а мы почувствовали себе дост змучены, нам стало ясно: заблудили. Доктор знов гречно вспомнул о том старому и получил певну отповідь:

— Таж я ту сорок раз ходил. Через версту часу буде вырубань, рубаньом выйдеме на лаз, обыйдеме го боком и знов в ліс, а там и Муром буде видно.

Бесідуючи, он спокойно отмірював палицом сажені и, не остановляючись, крачал, отступал перед якымиси мі невидимими перешкодами и не много звертал увагы на видимы перешкоды. Назначена ним "верста часу" ростягнулася на добру годину пути, рубань и лаз — тоже, здаєся, "одышли в сторону", не желаючи показатися нам. Но вот мы вышли на невелику поляну, серебряный місяц висіл над ньом, освічаючи купу обгорівшых дровен, и меж ними — чорный, розбуреный комин от розбуреного пеца.

— Я ту бывал, — объявил нам проводник, озераючись. — То — сторожка, лісный ту жил. Пьяница.

Доктор невесело, но твердо рюк:

— Заблудили.

— Може дакус и заблудили, — осторожно рюк старик, знявши кепку, глядячи на місячок. — Заяц нам дорогу перешол, — нарікал он. — Круто вліво мы скрутили. Днем — трудно ориентуватися, ночом звізда пути указує, а днем небо пусте.

И, тыкнувши концом кия в головню под ногами, он, вздохнувши, додал:

— На лысой голові и вош не водится.

Тот чудачный додаток показался мі непотребным. Рішили отдохнути, закусити, сіли на чорны, отшлифованы дощом дровна, запасливый доктор вынял с торбы хліб, колбасу, печены яйца, открутил бляшане начинько зо шийкы фляжкы, обшитой кожом, налял коняку и предложил:

— Путеводителю!

Старик перекрестился на місячок, выпил, — зачудовался:

— Дуже сильный напиток! На ладані настояный, ци як?

Потом он долго, молчкы и завзято жувал колбасу, іл яйца и послі третого пугарика россповіл нам:

— Скрыватися от вас не буду, господа ласкавы, што мы заблудили, куды тепер идти— я не знаю. Сами видите, який скушный ліс: сосна и сосна, и ніт помеж ней ниякой ріжницы. Правду повісти, не люблю я тот ліс. А што слава про мене пущена, якбы я мал быти первый знаток ліса, так то насмішку надомном зробили люде. А початок тому дала малпа. Ту, видите, под Елатьмом, жила на дачі одна пані вдова, из Москвы; з малпом жила, и окаянна звірюка тота утекла от ней. Сами розумієте: звір лісный, видит: — дерева, думає: — Господи, вот мене назад в Австрию привезли! И — махнула в окно, тай — в ліс, а пані почала плакати, за звіром, кричит: кто єй поймає, тому десять рублей! Было то давно, літ трідцет назад, в тоты часы десять рублей — корова, а не то, што звычайна малпа. Вызывался я меж другыми ловити малпу, и штыри добы блукал за ньом, стервом. Завзятый был и бідность пхала. Лісу того я тогды обышол не знаю сколько, може дас сотку верст. Своloч тоту, малпу, я скоро примітил, хожу за ньом, зову: ки-кис; Машка, Машка. А у ней свой характер, она скаче з дерева на дерево, морды корчит мі, дразнит, пищит, як лишка. Птичкы єй, подлу, интересуют; за птичками гонится, ну, розуміється, русску птичку малпі не поймати. При всей мойой завзятости надоїла она мі, та и голод морил, ягодом сытый не будеш, а то я день и ноч за ньом хожу, — не жарты! Бога молил: пошлий ты, господи, смерть на ню. Ну, вконец, она ослабла, подстерег я єй, пакость, на сучку невы-

соко, тай палицом и швырнул в ню, — звалилася, поползла недалеко, я єй в рукы боюся взяти, ударил ище раз, а она мяукнула и —готова! Ну, ладно, пес тебе дери, думаю; взял и понюс єй. С паньом діло моє зле вышло, дала она мі вмісто десяти рублей — 70 копійок: дохлу, говорит, мі єй не треба. А для мене от того часу почалася страдна жизнь: церков ограбят: ку мі приходят, сейчас мене за колнір: иди, Петре, глядай злодійов, ты ліс знаєш. Біглый появится, коней украдут — знов мене гонят: глядай! Полюваче приіхали — тоже я проводити их. Так, зиму и літо, и ходил и хожу. Так. А у мене своє господарство. А мене все за проводника: жандарм, урядник, всі кричат: ты ліс тот знаєш, дурак! Довели до того, што я сам обманулся, повірил, якбы направду, я знал ліс. Иду храбро, а войду и вижу: ничого я не знаю. А сказати людям, што не знаю — ганьба. Рахунку ніт, сколько я людей водил ту. Ученый єден из Москвы прибыл, назначили мене ку нему — показуй! Он для мене, ученый тот, показался тоже як малпа, хотя — солидный чоловік, з бородом. Ходит и ходит, а што му треба — не мож поняти. Травы нюхат, мычит. Ледво я його довпровадил до Карачарова села, откаль Илья Муромец родом, блукали мы тоже три добы. Проклинат. А мі тоже хочеся його палицом по голові, так мі надоіл! Ніт, дуже я не люблю тот ліс, великы неприятности я пережил при ньом...

Недружелюбно поглядівши на чорне огниво дерев, в котром сиділи мы, як на дні ямы, путеводитель наш дополнил свою анекдоту:

— И, до того, я от молодости далекозорный; вдаль, якбы, добри вижу, а близко — мгла. З ганьбы все на заяцов складам, што то заяцы збивают мя з дорогы.

— Зайцов я подаремниці обвиняю. Виноватый я пред ними.

Тяжкий путь науки

500 літ тому назад люде ище вірили, што Земля, то найбольше тіло во всесвіті, што Солнце, Місяц и Звізды ходят вколо Землі, а Земля стоит нерухомо на єдном місті. Так казала вірити людям церков. Так здавалося людям и на око.

Всі мы видиме, што каждого дня рано солнце всходит на всході, плавно поднимается до полудня и заходит вечером на заході с тым, штобы завтра рано знов выплысти на восток и зробити свою дорогу по небі на запад. Та и Місяц, и Звізды, плывут собі по небі из востока на запад. Якже иначе вірити, як не так, што Земля стоит, а всі другы тіла небесны обходят Землю доокола?

И так вірили люде дуже долго, покаль не появился ученый — **Николай Коперник,** котрый доказал, што то нич инше, лем обман, бо не другы небесны тіла ходят около землі, а земля обертатся найперше каждых 24 годин сама вколо свойой, воображенной оси, а за час єдного року робит огромный путь во всесвіті, вколо солнца. Што мы того не замічаме, то совсім природно, бо земля обертатся из запада на восток за єдну добу, як тоже обходит вколо солнца за час року, ровно, плавно, тихо, без ударов, без потрясень. И солнце, и місяц, и звізды, тоже не стоят на одном місті, всьо плыве в огромном всесвітном пространстві, по природному, математичному праву.

Николай Коперник

Коперник родился в 1473 року в місті Торун, в Польші. Послі смерти отца взял го на выхованя стрыко. Коперник ходил на университет в Кракові, потом в Италии выучил медицину и астрономию. В тоты часы вся наука в европейских университетах отбывалася на латинском языкі.

То были часы, коли студенты интересувалися надзвычай астрономиом, то єст науком о небесных тілах и их физичном праві, их

руху. Студентов не задоволяла церковна віра в нерухомость землі и туманны пояснения руху небесных тіл, солнца, місяца, планет, звізд. Бо то не было ясне, по той вірі немож было вытолкувати явлений природы, пор року. В старой греческой наукі вынайдено, што ище в 3-м віку в Греции астроном Аристарх учил, што Земля ходит вколо Солнца, и обертатся сама вколо свойой оси. Но и тот старинный греческий ученый думал, што другы небесны тіла стоят нерухомо.

Коперника дуже заинтересовала астрономия и он много думал над учением Аристарха, котрый на основі свойой теории, што земля ходит вколо солнца и обертатся сама вколо свойой оси, мог правильно объяснити поры року и ноч и день. Коперник переконался, што учение старинного греческого ученого правильне, а учение о нерухомости землі лем віра без ниякой основы. Треба было доказати людям научно, што то не правда, в што они вірят. И так Коперник посвятил своє житя на то, абы доказати научно тоту сегодня всім знану правду, што не солнце ходит вколо землі, а земля вколо солнца, и што земля обертатся вколо свойой оси.

В Кракові дотепер показуют туристам высоку башту, в якой сиділ Коперник и слідил за рухом небесных тіл. Там в той башті Коперник працував понад 30 літ, абы доказати людям велику правду. Тогды ище не был знаный телескоп, то єст научный приряд до убольшания небесных тіл для взору, и молодый ученый нераз просижувал цілыми ночами в свойой вежі и слідил за перемінами на небі при помочы простых инструментов.

Коперник знал, што солнце и звізды много раз большы от землі, и здаются маленькыми лем зато, бо находятся на огромном отдалению от землі. А єсли так, то ци не яснійше, што меньше тіло ходит вколо великого, а не велике тіло вколо малого тіла? Ци не розумнійше припустити, што земля обертатся раз на добу около свойой воображенной оси, и такым способом, на поверненой до солнца стороні земли маме день, а на другой стороні, отверненой от солнца маме ноч? А то значит, што солнце знаходится в центрі нашого світа, яко найбольше тіло, а всі меньшы тіла, до котрых належит и наша земля, стосуются до солнца?

Ясно, што и зміна пор року, весна, літо, осень и зима, приходит от того, што, коли земля обходит за час одного року солнце, то в свойом пути раз выставлена до солнца больше том частьом, другий раз другом, бо земна ось не змінят свого нахылу. "Лем тым єднаковым нахылом оси можно вытолкувати неровность дней и ночей и зміну пор року — рішил Коперник. — Коли бы земля не мала нахылу, то дни и ночы все были бы ровны."

В 1543 року была напечатана книга на латинском языкі, в якой было поміщене учение Коперника. Но сам Коперник был тогды уж при смерти. Он лем мог подержати книжку в холодных руках и помер. Але учение Коперника зробило го бессмертным на вічны часы.

Бруно и Галилей

Коли книжка Коперника досталася в рукы монахов и они прочитали єй, зробили крик:

"Таж то гріх, таж то єресь, єретичне учение!"

— То опасне вольнодумство, то против самого Бога — твердили другы.

"Як мож идти против наукы церкви, котра учит, што земля стоит, не рухатся, и находится в центрі світа"...

Почалися переслідования правдивого учения Коперника. Книжку заборонили печатати, а кто отважился обстати за учение Коперника, того переслідували.

Первый погиб ученый итальянец Джордано Бруно. Його спалили на огні в Римі в 1600 року.

Бруно был одным з великых мыслителей. В молодости он жил в монастыри и там учился. Треба знати, што в тоты часы не было нецерковных школ, кто хотіл учитися, мусіл идти до монахов. Вся наука была под контрольом церкви. Бруно не мог стерпіти той скованой монахами наукы, он горіл жаждом широкого свободного знания. "Прагнение истины — єдине занятие героя", — писал он потом.

Бруно скинул зо себе рясу монаха, утік з монастыря и почал ходити по містах и просвіщати молодеж в духі учения Коперника. До його рук попала книга Коперника. Он стал сторонником новой системы світа. Но он пошол дальше и дошол до того, што переконался, што весь наш сонечный світ,

значит Солнце, Земля, Місяц и другы планеты, што кружат вколо нашого солнца — то лем порошинка в огромном просторі всесвіта, што такых солнц, из котрых кажде має свои планеты, свои землі, незраховане число, их столько, сколько мы видиме звізд на неб', тоты звізды, то солнца, лем дуже далеко. А сколько мы звізд не видиме, што они так далеко, што даже через телескоп людске око не досягне. Єдны из тых світов творятся, другы пропадают, гинут. Тым світам ніт числа. Всесвіт бесконечный. За тото правильне учение о всесвіті Бруна почали переслідувати. Його хитростьом заманули в Рим, котрый был в тоты часы столицом папской державы. Ограничена папска держава была середина сегодняшной Италии. Не ограниченом папском державом были всі католицкы краи в Европі, римский папа, через своих заступников, кардиналов, епископов и духовенство мал такий вплыв на пануючых, што ниякий пануючий його волі не сміл спротивитися. В тот Рим привели Бруна и заточили в тяжку папску тюрьму. Спочатку требували от него, абы отрюкся свого учения. 8 літ Бруно сиділ в тюрьмі, не отрюкся правды, он завзято и сміло защищал своє учение.

Коли папский суд засудил Бруна на смерть в огні, тот муж не показал страху и заявил судьям:

— Вы з большым страхом объявляте свой присуд, як я го слухам.

Он твердым кроком вышол на стос приготовленого дерева и сказал:

— Я умираю мучеником за правду.

Каты подавали му крест, але он отвернулся от них.

В одной книгі казнь Бруно описуєся так:

"Незадолго казнь... Звонят звоны... Шумит и волнуєся огромна толпа народа... Раптом всьо утихат. Показалася процессия. Впереди повіват кроваво-червеный флаг. За ним идут священникы в блискучых ризах. Он иде повольно, на його руках и ногах звонят кайданы. Який он блідый! Але який спокойный и незахвійный! Ни тіни ваганя на його обличі, освітленому глубоков думов. Великы смутны очы нерухомо смотрят вперед. От чого в них столько жалю, чого они жаліют? Ци житя, з якым росстаєся, ци про сліпоту тлуму? Але тяжкий путь скончены. Настає хвиля мертвой тишины. Бруно повольно всходит на стос... Його привязуют ланцухом до столба. Ни скаргы, ни звуку... Вітер, што подул, зарушал його каштановыми волосами и повіял в лице ароматом весняных квітов: послідный привіт землі. Взор Бруно зверненый на небо. Як всьо то прекрасно: тоты квіты, тот блеск весняного дня, тота бездонна синява неба, весь тот світ. Бруно не видит катов, якы мечутся внизу и стараются запалити стос... Ище хвилька — занялося огнище, и столб поломени, што звился вгору, заслонил мыслителя от взоров толпы."

Тепер великому Бруно стоит памятник на місті спаления, як великому мыслителю и мученику наукы.

* * *

Через осем літ по смерти Бруно было вынайдено в Голландии побольшаюче шкло, приближаюча труба. Она наближала отдалены предметы. О том дознался итальянский астроном **Галилей** и створил первый телескоп.

Телескоп был малый и слабый, але он роскрыл великы тайны всесвіта, якы до того часу никому не были відомы. В перву звіздну ноч Галилей был зачудованый, коли увиділ в свой телескоп много тысяч звізд на небі, котрых он не мог видіти простым оком.

Перший телескоп Галилея увеличал лем в три разы, але он приготовил другий телескоп, котрый увеличал уж осем раз. Як он был зачудованый, коли замітил на великой кулі планеты Юпитер три темны точкы. Галилей з нетерпінием ждал ночы, штобы переконатися, ци одошол Юпитер от тых трьох точок. Так, одошол от тых точок. Выяснилося, што они трохи пересунулися на запад. Он жде четвертой ночы и переконуєся, што то сопутникы Юпитера, як наш Місяц — сопутник Землі. Потом нашолся ище сопутник, и Галилей вызначил час их обороту наоколо Юпитера. Тому астрономы не хотіли вірити и єден з них даже не хотіл смотріти в телескоп.

Галилея не смутило таке недовірие, и он продолжувал свои спостереженія. Місяц в телескопі оказался кульом з горами и западинами, подобными на дно моря. Яскрава планета Венера, што появлятся вечерами

на востоку перша от другых, в телескопі была подобна до невеликого серпа. Галилей почал призератися єй кажду ноч и установил, што при свойом обороті вколо Солнца Венеру видно из Землі, як и Місяц, то в формі серпа, то полколеса, то цілого колеса. Але простым оком того видіти не можна, хотя Коперник и предвиділ такы зміны. Они бывают от того, што Венера ближе Солнца, як Земля, и Солнце освічат єй то з єдной стороны, то з другой, як и Місяц.

"Яку правду мал Коперник!" — думал Галилей.

Он перенюс телескоп в Рим и продовжував спостерегати. На Солнці он замітил плямы, якы пересувалися все в єдну сторону, што показувало, што и Солнце обертатся вколо свойой оси. Всі дивувалися новым открытиям.

Но на Галилея ждала доля Бруно. Почали му загрожувати каром. Ученый не хотіл молчати и написал книгу о своих открытиях, котры блестяще потвержували учение Коперника. Тогды його обвинили, яко єретика, заточили в тюрьму и послі мук под загрозом смертной кары примусили отречися учения Коперника. 70 рочный старушок примушеный был пред толпом народа узнати за помылку то, в чом он был переконаный, яко научной истині. Повідали, што Галилей, послі отречения от правды, сказал:

— А все ж она (Земля) обертатся.

Отречение от правды уратувало житя Галилея, але його держали в тюрьмі ище рок послі того. Потом он прожил решту свого житя в свойом будинку, недалеко от Флоренции под строгым надзором власти. Незадолго он осліп и помер в 1642 року.

Так папа и духовенство жестоко росправлялися з учеными, котры осмілювалися говорити народу правду.

Як защищали и добывали кріпости в стародавны часы

Коли западно-европейскы експерты будували Линию Маннергейма на Карельском перешейкі, то были переконаны, што ніт такой силы, абы тоты модерны укріпления могла пробити. Увірены в силі тых своих укріплений, нагуцканы западными империалистами, финскы білогвардейцы спровокували свого великого сусіда. Бо то и была кріпость тота Линия Маннергейма! Обыйти не мож, бо з обох сторон вода, хотя и замерзнена зимом, но артиллерия може розбити леды и затопити людей. Ясно, што єсли бы западны експерты и финляндска команда предвидли, што тота их линия буде розгромлена, то они бы не будували єй собі на гибель. Бо треба знати, што тоты подземны форты и казаматы стали гробом для финляндской армии, а не єй обороном. Мощна совітска артиллерия заляла желізном лавом тоту линию подземных укріплений так, што для скрытой там финляндской армии не было спасения. Там, в тых кріпостях погибли найліпшы части финляндской білогвардейской армии, так што Финляндия была мушена капитулювати. Красна артиллерия доказала западным знатокам укріплений и стратегам, што ніт такой кріпости, котру бы не розгромила модерна совітска артиллерия.

Однако на западі не рішилися ни англо-французы добывати германскый Вествал, ни германцы Мажино. Германцы, корыстаючи зо зрады французскых генералов, обошли Мажино с сівера, через бельгийску территорию. Так што на западі не было рішено, ци модерны кріпости устоят против модерной артиллерии. То рішено было на сіверо-востокі. Там показалося, што совітска модерна артиллерия и механизована армия бере найліпшу модерну кріпость. А то значит, што

западны експерты и стратегы мушены придумувати ище модернійшы кріпости, абы они могли устояти.

* * *

В стары часы люде не знали такых подземных фортов и укріплений. Кріпостьом называлося місто оточене муром, а даже высокым кріпкым деревяным частоколом, єсли город был тымчасовый — осада, колония. Но мурованы, стары городы были дуже сильны кріпости против наіздников в стары часы, коли не была знана ище артиллерия. Звычайно таку кріпость не мож было добыти, треба єй было брати облогом, голодом. Грекы мали облягати Трою долгы рокы, аж, по преданию, взяли єй хитростьом. Побудували величезного деревяного коня, в котрого середіні покрылися греческы воякы. Потом грекы отступили из-под города и отплынули в море. Троянцы, думаючи, што неприятелі уж навсе отступили, пробили сами отвор в мурі и втягнули в город того деревяного коня. Ночном годином скрыты в том коню воякы вышли и запалили Трою. Грекы вернули, вошли в город и захватили го.

* * *

В 334 року до Христа греческы войска вдерлися в Персию под командом найславнійшого полководца старых часов, царя **Александра Македонского.** Над ріком Граник Александр розгромил огромну перску армию. Лем невеличка часть спаслася бігством из поля битвы, и замкнулася в укріпленом городі Галикарнассі.

Галикарнасс был перворядном кріпостьом на тоты часы, оточеный высокыми каменными мурами. Александр, хотячи закончити розгром перской армии, приказал взяти город приступом.

В темну ноч подошли войска Александра под город. Почался штурм. Быстро подступили грекы под мур, подставили драбины и почали дертися по них на мур. Но на мурах, заслонены муром, уж ждали на греков перскы воины, и хотя их было не много, але муры были их великом перевагом. Они могли разити греков из муров, котры их засланяли перед греками. Коли грекы дерлися по драбинах, персы тымчасом разили их каменями, стрілами и списами. Кто досягал верха мура, того встрічали мечами и спыхали вдолину.

Грекы мушены были отступити з великыми стратами.

Настало рано. Под мурами города видно было много греческых трупов и много раненых, котры стогнали, просячи ратунку. Страты были так великы, што Александр не осмілился повторити приступ. Здавалося, што город не може быти добытый, што покаль тоты муры цілы, то ніт такой армии, котра бы могла вступити в город.

Александр постановил перейти до осады города. Он рішил проломити муры кріпости. Треба розбити муры, бо лем так мож вдертися в город и поргнати його защитников. Лем так приступ може удатися.

Но мечами и копиями муру не пробьеш. Для пробитя муру потребны специальны машины. И вот, берутся грекы до роботы. Идут в ліс, рубают дерево, везут под город и ту майстры приступуют до будовы деревяных машин. На четвертый день машины побудованы.

Такы деревяны машины, из котрых мож метати великы скалы и колоды. Были то великы процы, котры натягали по шестьох и больше хлопов и выпускали на місто скалы по 40 и 50 килограмов вагы. Они ударяют в городскы муры и отбивают по фалатку з мура. Дакотры скалы пролітуют до міста, пробивают дахы домов, убивают людей.

Така метальна машина, як вспомнено, нагадує процу, рогатку, с котрой діти мечут каминчикы. Лем што вмісто тых рожков, то сильны столбы вкопаны в землю. Заміст гумкы, грубы канаты, якы скручены з воловых жил и кишок. Тоты канаты натягали за помочом дручка або колеса, а коли натягнули, закладали затримку и вкладали в обойму скалу або колоду. На даный знак всі машины выпускали скалы и колоды на город. То была єдна стародавна облогова машина. Она кидала скалу на 400 до 500 метров. Называлася тота машина —**балиста.**

Друга стародавна машина для метаня скал называлася **"катапульта".** Головна єй часть была подобна до великой ложкы выточеной в долгой и грубой колоді. Канатами из воловых кишок она была прикріплена до моцных грубых столбов закопаных глубоко в землю. За помочом корбы тоту ложку при-

гинали до самой землі. Коли лем натягнену ложку пустят, єй конец кинеся в гору, ударится о моцну перекладину — и кине свой каменный снаряд з великом силом; камень, зробивши круту, высоку дугу, летит до єдного километра далеко. Грекы не все метали скалы из катапульты. Вот раз они кинули из той машины в Галикарнасс бочку. Бочка, упавши в середину города розлетілася, а из ней заметалися на всі стороны ядовиты гады. Другым разом кинули смердячу падлину зо здохлого пса, потом ногу здохлого коня, штобы занечистити воздух в городі. То была артиллерия стародавных часов и єй "снаряды". Падлина, то были труючы "снаряды", котры заступали модерны газовы бомбы.

За тот час, коли иде бомбардуваня из тых деревяных машин Галикарнасса, грекы подвозят ку городским мурам купы землі и засыпуют ров перед городом. Бо стародавна кріпость была оточена не лем муром, але и ровом, звычайно тот ров был наполненый водом. Дармо персы кидают на головы греков каміня, ліют горячу смолу. Грекы крыются за тот час в приготовленых на колесах будах, потом выходят и продолжают роботу, аж удалося им зробити насып — 100 метров долгий, 25 метров широкий. Уж тягнут по насыпі на катульках дві величезны облоговы башты. В каждой башті по 5 поверхов.

Ледво башты подсунули ку мурам, уж починают росколысувати грубу, тяжку и тверду колоду, што висит на ланцухах в нижном поверху башты. Росколысавши колоду, с силом ударяют в муры. Сыплеся на всі боки мур фалатками.

Так працує **таран.** Он долбе мур до того часу, пока не продолбе го на другу сторону.

Персы усилуются запалити башту, ліют з муров горячу смолу. Але на верхних площадках вежы стоят легкы балисты и катапульты — меленькы сестры тых дальшых тяжкых. Канатами служат ту туго скручены воловы жилы. Тота "легка артиллерия" проганят персов зо стін кріпости, не дає им подпалити башту.

Пару неділь тягнеся осада. За тот час житя в Галикарнассі стає нестерпиме: камені летят градом и руйнуют будинкы, трупы людей и звірин роскладаются и роспространяют смрод и заразу. Городский мур поддаєся под ударами таранов.

Наконец грекы переходят до рішаючого штурму. Приготовлена для персов нова несподіванка. Катапульты кидают в город запалены бочкы зо смолом. То "запальны бомбы" греков. У Галикарнассі почалися велики пожары.

Ище залп. На місто сыпутся соткы тяжных скал. В тот сам час грекы с криком кидаются до штурму, лізут в город з осадных башт и в пробиты таранами проломы в мурах.

Персы не выдержали: Галикарнасс добытый.

Так добывали кріпости, и так их обороняли в стародавны часы, коли ище люде не знали и не употребляли стрільного пороху.

Стрільный порох

Переходит от осады и добытия Галикарнасса 16 соток літ. 1342 рок по Христі. Испанский король осадил город Алхесирас, занятый тогды арабами.

Испанскы войска уж готовятся до штурму. Раптом на мурах міста появляются якыси до сего часу невиданы машины: Долга труба, подставка — вот и вся машина. В трубу штоси закладают. Потом ку трубі подходит чоловік. Он не натягат канатов, бо их и ніт, як в старых машинах. Он лем подносит до трубы огонь — раптом чути гром, с трубы летят дым и поломень, а потом летит желізне ядро.

— Нич то инше, лем чары — в замішанию думают забабонны испанцы: кто може выкидати з машины ядро, як не накручуют, не натягают канаты. Никто инший, лем чорт. Ну и як боротися против силы дьявола?

И королевскы солдаты зо страхом утікали от муров Алхесираса. Молитвом они стараются прогнати "нечисту силу", махают крестом на городскы муры — и знов идут до штурму. Але "нечиста сила" не боится ничого. Знов ку чортовскым машинам подходит "чаровник", подносит до трубы розгречену паличку... Знов с трубы вырываются дым и огонь, в испанске войско знов летит ядро. И даже ранит тых, што молятся.

Боротися з невидимом силом здавалося

безнайдійным. Испанцы утікают дальше от муров города.

Быстро *ширятся по всей Европі тревожны* вісти "про невідому силу, яка с шумом и громом, з дымом и огнем мече ядра, не знає пощады и не боится даже креста."

Але купцы, — бывали люде, што обышли много крайов, — разъяснюют своим краянам: ніт ту ниякого чуда. Уж давно відомо мудрым китайцам, што коли змішати салитру, сірку и угля и до той мішанины приложити огонь, то тота мішанина в моменті вспыхне и быстро згорит, даст много дыма и зо силом откине всьо, што лежит в коло. Китайцы з давен-давна выробляют тоту мішанину и стріляют на потіху на свои праздникы. А воювничы арабы замкнули тоту мішанину в трубу и примусили єй выкидати ядра. Та уж и дакотры европейскы майстры знакомы з огненном стрільбом. Уж три рокы тому назад в Англии было приготовано таке орудие.

И вправді, европейскы майстры быстро овладіли новым вынаходом. В коротком часі послі осады Алхесираса, в бою при Кресі, во Франции, англичане огненном стрільбом, дымом и громом пугали коней вражых рыцарей, каменными ядрами перебивали коням ногы. В том бою англичане наголову розбили французскых рыцарей.

* * *

В 1453 року туркы осадили Цареград (Константинополь). Под муры города подвезли осадны арматы. Ту были и стары машины, што метали камені, и новы — огнепальны.

Почалася осада.

Вот працує метательна машина — франдибола. Франдибола — не дуже сильна машина: она мече каміня заледво на двіста метров.

З метательными машинами конкуровали новы огнепальны — бомбарды. Але з бомбардами трафлялися разны несчастны случаи. То єдна, то друга бомбарда розрывалася. При том она парила, ранила и убивала тых, што єй обслугували и окружали. Желізны стінкы бомбард не были сильны.

Турецкы воины боялися, сторонилися новых орудий. Говорили, што они больше небеспечны *для своих, як для ворога. Инша* річ — стара машина. Правда, ніт в ней дыму и грому, але до дыму и грому враг уж привык и його тым не настрашиш. А зо старом машином робота простійша и беспечнійша.

Най майстры, што выробляют такы немоцны бомбарды сами стріляют зо своих выробов.

И майстры возилися сами зо своими дітищами: годинами они наводили свои бомбарды, то вынимаючи, то подкладаючи деревяны клины, штобы подняти або спустити орудие. Мірком они отмірювали порох для єдного выстрела. Нарешті майстер подпалював гнот, а сам ховался в яму. То служило сигналом для осажденых. Они, видячи из муров, як крыється майстер, то и сами крылися за каменны зубы в мурах, и ядро не причиняло великой шкоды.

Гордостьом турецкого войска была велика мортира. Она выкидала чорны каменны ядра около 400 килограмов вагы. Падаючи, таке ядро от свойой вагы наполовину врізувалося в землю. Але, правду повісти, оно не робило великой шкоды осадженым. Та и не часто падали такы ядра: клопоту з мортиром было столько, што она робила заледво сім выстрілов на добу. Нарешті, єй розорвало.

До дня штурму туркы остали лем при старых машинах. Майже всі огнепальны розорвалися. Штурм провадился по старому: тысячы людей дерлися на муры города. У турков было 50 воинов на одного грека — и то рішило конец боя. Византия пала.

* * *

Счасом огнепальны орудия поправляются так, што выгісняют совсім деревяны машины. В нашы часы артиллерия доходит до великой силы, досконалости и математичной точности, засыпаючи кріпости желізным градом. Ніт такой кріпости, котра могла бы усто ти под огнем совітской артиллерии, як показалося на Карельском перешейкі. Правда, русскы воины славятся, што найліпшы артиллеристы.

В тропичных лісах Африкы

В Африкі в области екватора плыне могуча ріка Конго, друга найбольша ріка в світі послі Амазонкы богатством воды. Вся вода вливатся в Атлантичный океан. Постоянны вітры приносят из океана великы выпары, котры потом падают уливными тропикальными дощами на величезной области меж тропиками. Тропикальны зливы не похожы на нашы зливы. Там за три годины злива наліє воды на 10 см. Вода быстро сплыват поточками и річками в великанску ріку Конго.

Так кружит вода цілый рок: она выходит, яка пара из океана, живит землю Африкы и отплыват ріком Конго назад в океан. Беспрерывна вогкость в жарком климаті творит буйну рослинность на величезной ровнині, на котрой вырос тропикальный ліс.

То чудо рослинности, хаотична мішанина пальм, фигового дерева, великанских папортин, акаций, мимоз, лиян, орхидей, бананов, дикого винограда и много иншых рослин, котры сплітаются в непроходну гущавину. В таком лісі в день темно, солнца майже не видно. Дерева-великаны досягают 50 метров высокости и до трьох метров грубости.

Ліс росне якбы на три поверхы. Внизу в полтемряві застелюют землю мохы и такы травы, котры меньше потребуют світла. Над ними подносятся корчы и низкорослы дерева, обвиты лианами. Лияны звиваются, як канаты з зелени и квітов, перекидаются з дерева на дерево и висят гирляндами в воздухі. На высоті 20—30 метров поднимаются зелены конари лісных великанов, што вкрывают своим листьом, як дахом, нижны поверхы. Часами лияны звиваются по их приземках доверха и спадают вниз.

Земля покрыта гниючыми колодами, купами лиян, што тліют, чепкыми ползучыми рослинами, травом и мохом. Вогкий жаркий воздух помагат быстрому гнитю. То запричинят шкодливы выпары, тяжкы для дыхания. Вітер не може проникнути там, штобы освіжити воздух.

В часі страшных тропикальных бурок, коли блискавицы беспрестанно блискают и бют громы, ліс приходит в рух от вітров. Чути тріск, свист и скрип, падание вырваных с коріньом великанов. Починатся злива и всьо перетворюєся в хаос. Шум дощовой воды заглушат людский голос. Але заледво пронесеся буря, ліс знов стоит тихый, величавый и безлюдный.

В густом непроходимом лісу тяжко пробратися для каждого звіра. Лем часом можно встрітити стадо слонов, яке ходит на водопий в ріку. Трафляются буйволы и кабаны, коло рік бегемоты и носорогы, а в ріках крокодилы. Птахы дают знати о собі беспрерывным шумом и криками, але видіти их майже неможливо. В гущавинах живут людоподобны малпы — горилы и шинпанзе. На землі ползают змії и ящуркы.

Але найбольше в тропикальном лісі инсектов — мух, комаров всякого роду. Ту их царство серед вогкой гниючой рослинности. Коли приложити ухо до гнилого дерева, то чути бесперестанный шум в середині и цвірк инсектов, што роятся.

Найбольше нестерпимы невеличкы пчолы, котры стараются вжалити в око непрошеного гостя, залізают вам в ноздри и уха, лізут в рот. Оса бренчит над ухом, величезный чмель снує перед носом, цілый рой мурянок сыплеся з конарок на голову. Друга стая грызе ногы, залізат на шию. Армии термитов и жуков в день трафляются на ка-

ждом місци, а в ночи беспрестанно цвірчат коникы и цикады, ночны мотылькы и мушкы массами летят на огонь. Множество комаров, што ссут и жалят, не дают заснути.

В том страшном лісі ниякых дорожок и стежок не было прокладено, коли вандровник Стенли з великым караваном арабов и негров постановил перейти через него по берегу рікы Конго. Десят місяцов люде шли майже безпрерывно в вогком задушливом воздухі з болотными выпарами. З дерев капала роса, як дощ, долго ранами прокрывала землю мгла, одежа николи не высыхала, быстро тліючи от гнитя.

В лісі не встрічали поживных плодов, не удавалося убити звіра або птахов. Люде голодували и хворіли.

На початку подорожы Стенли писал:

"Мы полземе, хапамеся за што попало, протискуємеся через вогку гущу. Люде уж не не идут живо — каждый лем ся влече. Розмокла глина ховзатся под ногами, ногы грязнут в болоті. Всі цілковито змучены, а лісові и конца не видно. Послі полудня розложилися табором, цілковито змучены борьбом з лісом гущавином, стомлены страшном спеком".

Потом Стенли перешол с караваном через такий самый ліс по рікі Арувимі, што вплыват в Конго. Там всяди встрічали звалены дерева. Они в беспорядку завалили переходы, дакади лежали впоперек потоков, Люде падали с тых мостов, дерлися на рачках, поднималися по похилому дереву высоко в гору и перескакували с конари на конар. Цілы годины вытрачали на тоты нестерпимы переходы в роспеченой жарі и душном спертом воздухі.

З гущавины ліса вылітали часами затруты стрілы невидных ворогов, містных жителей.

Але найтяжше было, коли стратили стежку и шли по компасу, прорубуючи гущ. Часами за годину не проходили больше, як пол киломертра.

Часть людей загинула от той тяжкой подорожы, з голоду и от затрутых стріл місцевых жителей, котры боялися непрошеных гостей.

В такых тяжкых условиях был зробленый тот переход тропикальным лісом Африкы.

В когтяг льва

Было то в глубині далекой южной Африкы.

Над прекарсном долином Маботси быстро насувалася темна ноч. Яскраво блищали звізды на чорном небі. В селі негритянского племени бечуанов погасили огні. Жителі, утомлены денными роботами, заснули моцным сном. Близко хат в загородках з высокым плотом из колючой акации были коровы и овцы.

Затихло всьо в природі. Затихло житя в селах.

Раптом ночну тишину роздер рев льва, котрый приближался к одному из сел. Спочатку його рев короткий, урывистый, он поступово переходил в грозный рык, який потряс околицу, як гуркот грома. В ответ розлягалися з разных сторон иншы голосы. То страшны звіры збералися на ночне полюваня.

Заметалися в загородах коровы и овцы, выдаючи жалостны звукы, побудилися в хатинах діти и почали плакати, дорослы тремтіли от страху, боялися высунути за двери.

Кровожадны розбойникы газдували на волі без ниякых перешкод. Могучыми скоками львы перескакували колючы плоты в 2—3 метры высокы и нападали на безборонных коров и овец. И такой в загороді пажерны звіры справляли свой ночный банкет, не боячися людей.

Нарано, нажерты звіры тихо зникли в лісных зарослях.

Так штоночы нападала на тото або друге село зграя львов, яка появилася в той або другой місцевости. Не встрічаючи отпору, львы сміло нападали ночами, мордуючи скот, а часами осмілювалися нападати и на людей, што выходили с хижин на помоч скотині.

Єдного разу лютый звір вдерся в хижину за негром, што утікал, и зажер го на очах збожеволілой жены, яка встигла сховатися з дітми под шкуру убитого звіра. Другым разом на очах матери лев схопил с хижины хлопця літ 12 и зажер го в корчах. Мати даремно голосила и кликала помочи, никто єй не допомог и не погнался за пажерным звіром.

Беззащитны жителі часами днем устроювали вспольны облавы в заросляx. Але што они могли зробити без стрільб, лем зо старыми списами? Коли появилися львы, люде розбігалися на всі стороны и звіры зникали. Оставал им лем єден выход освободитися от страшных звіров — переселитися в иншу отдалену околицу.

Поблизко одного из сел жил молодый англичанин доктор Давид Ливингстон. Он купил кусок землі у начальника племени, побудувал будинок и почал жити в ньом с помочником Мебельве з бечуанов. Они засадили сад, завели школу, доктор лічил хворых, а Мебельве учил дітей.

Добрый доктор дуже жаліл бідных безпомочных жителей и задумал им помочи. Дознавшися, што львы покидали околицу, єсли там был убитый єден лев, он постановил з Мебельве идти на полюваня зо стрільбами и убити хотя бы одного звіра. З ними выбралися и негры.

Незадолго нашли сліды львов в гущавині среди горбов и оточили ліс, поступово съужаючи коло.

Раптом доктор замітил на скалі льва, але выстрілити не встиг. Мебельве выстрілил перше и не трафил, а звір зробил скок и зник в корчах. Бечуаны (негритянске племя) не отважилися напасти на него. Потом увиділи ище двох львов, але и они встигли скрытися, прорвавши ланцух полювачов, што розбігалися при появі грозных звіров. Послі той неудачы постановили вернути дому. Ливингстон, оминаючи вершины горба, увиділ великого льва кроков на тридцет на уламках скалы. Доктор старанно прицілил через корч и отразу выстрілил з обох люф.

Але звір не звалился зо скалы, як убитый, и не присіл, як смертельно пораненый, а люто махал хвостом и готовился напасти на доктора, котрый заряжал стрільбу. В єден момент лев скочил на него и вчепился зубами в плечо. Страшно рычучи над самым ухом, он тряс свою жертву, потом кинул на землю и наступил лапом на голову.

Лежачи под львом, Ливингстон замітил, што на 15 кроков Мебельве цілит в звіра зо стрільбы. Але стрільба у него была стара, ище с кремньом, заміст пистона. Рукы учителя тряслися зо страху. Он спустил курок — осічка, спустил другий — нова осічка.

Лев кинулся на Мебельве и впялся зубами в стегно. Тогды один храбрый бечуан напал на льва зо списом. Лев кинулся на него и схопил зубами за плечо. Але в тот сам момент он упал на землю без руху, от утраты крови. Обідві кулі доктора зробили своє.

Всьо сталося надзвычайно быстро. Величезный звір был пораненый майже смертельно, але боролся за своє житя и пред смертьом встиг покусати трьох людей.

У Ливингстона оказалося 11 ран, котры оставили рубцы на ціле його житя. Рука была поламана и зрослася не совсім правильно.

На слідуючий день бечуаны устроили бенкет коло трупа льва. Каждый старался добыти хоц малый кусок сердца, думаючи, што буде храбрійший, єсли зіст кусочок сердца льва.

Пострадавшы на полюваню поправилися от ран, а звіры перестали нападати и зникли з місцевости.

В тоты часы львы водилися во всей южной и центральной Африкі, але тепер в многых околицах они совсім вынищены колонистами. Прото єст місца, где они держатся до сего часу в заросляx на окраинах лісов и роблят ночны напады на травоідных животных, збераючися на таке ночне полюваня по 6 и больше штук.

Вожакы отшукуют в травах на ночовлі стада зебр, антилоп, жираф, буйволов и грозным ревом женут их на другых львов, што засіли в засаду. На буйвола нападают два и три львы, бо єден не порадит з буйволом.

На людей львы нападают рідко — лем як дуже голодны, стары, або в самооборонi. Але раз засмаковавши людского мяса, левлюдоід стає смілым и нападат на людей даже дньом, вдерается в село.

Приміров такых нападов єст много.

В одной колонии лев загрыз пару негров. Одного разу из громады людей в 40 чоловік в день лев схопил носильника, а вечером листоноша. Через пару дней нахальный лев вдерся в хижину и схопил солдата. Товариш оборонил го горящом головньом. Через два дни лев догнал под самым селом старшину и загрыз го, потом напал на роботника, што сиділ коло ідла с товаришами.

При будові Угандской желізной дорогы в 1899 року, два львы людоіды навели панику на роботников индусов, знищивши за єден місяц двадцет осем землекопов. Индусы покидали роботу и повтікали в місто Момбас. Лем через три неділи они повернули, коли инженеры убили львов.

В Южной Америкі

РІКА АМАЗОНКА

Ніт в світі рікы, яка несла бы в океан таку массу воды, як несе ріка Амазонка, што пропливат поперек Южной Америкы. Она начинатся в горах Андах и на отдалении 1000 километров тече з Анд по горскых ущелинах и потом вступат на ровнину.

Заледво Амазонка приняла первы свои притокы, она робится ширша от рікы Волгы, а тымчасом она має ище течи 450 километров и соєдинитися с многыми иншыми ріками.

Нарешті под самым екватором Амазонка розширяется в ціле море и вливат в Атлантик так много воды, што на 500 километров от єй в иву в море, далеко в морі, можна видіти коломутны річны фалі.

Ровнины Амазонкы жаркы и вогкы. То природна теплица величины ледво не в Европу. Але тота огромна ровнина мало ище знана людям. Проникнути в тоту теплицу майже неможливо по той причині, што она вся заросла густыми болотными лісами. Ліс складатся з высокых, як колонны, дерев, дуже грубых. Пару людей, взявшися за рукы, ледво можут обняти в приземку єдно таке дерево. А всі дерева разных пород: або з великыми сторяными блисчачыми листками, або з дробными ци пірястыми.

Лияны грубы и долгы, як морскы канаты, обвивают грубы дерева. Всьо то сплелося, перепутало в таку гущавину, через котру неможливо продертися, аж треба прорубуват дорогу сокиром.

Шобы хотя сколько-небудь ознайомитися с природом тых лісов, мы наняли великий човен и с проводниками индийцами пустилися вниз по Амазонкі на пару сот километров.

Вчас рано воздух над ріком свіжий и холоднуватый. З блисчачого листя величезных дерев и з даху нашого плаваючого будиночка капат ночна роса, якбы через ноч они были змочены дощом. Лем зрідка повіват слабенький вітрик. Ріка гладенька, як зеркало.

Помалы в лісі починатся бурне житя. Табуны качок злітаются на гладку воду, совсім не боятся людей. Цілы хмары чорноловых чайок с криком кружат над ріком. До берега подходят олені и дикы козы, а шелест в густой гущавині говорит о присутности малп. Незамітны в гущавині папугы разных видов сідают на плодоносны галузкы дерев и тогды градом сыплются вниз лузга и ягоды. Весь ліс наполнятся голосным стуком разнобарвных дятлей (жолн). Часами з лісной глушины, где земля вогкійша, роздаєся шум, якбы отряд кавалерии приближался быстрым галопом. То стадо водосвинок допче вогку землю, выганяючи з ней хробов и мух.

В лісах Амазонкы, в водах, воздухі — кипит житя. Правда, в темной глубині ліса коло кореньов дерев мало животных, але верхы дерев, якы купаются в солнечном світлі, обліплены инсектами и птахами.

В том царстві лиян (виючыхся рослин) звіры пользуются рослинными канатами, штобы взрапатися поближе солнца и свіжого воздуха. Большинство амазонскых звірей пристосовано до житя на деревах. Там начисляют тридцет осем видов малп, з якых всі лазуны, всі з долгыми и чепкыми хвостами, што допомагают роботі штырох рук. Амазонский медвідь тоже спрытно взбератся на дерева. Муряноіды, лінивцы, разны виды білок (вевюрок) майже не спускаются на землю. Треба додати до того, што много змій и иншых ползунов жиют лем на деревах. Коли величезный удав (уж дуситель) обвиєся наоколо суков и дримат нерухомо, його трудно отрижнити от лияны.

Але головне царство деревных верхов становлят птахы и мухы. Меж мухами єст много такых, сильне розмножение якых стає згубным. Так ночны москиты и денны мухы "піум" ділают даякы островы Амазонкы совсім недоступными — до них страшно и приближатися. Мурянка "сауба" отгрызат кускы листя и несе их в свои долгы под-

земны коридоры; кофейны плантации часто совсім нищатся ватагами тых розбойников. Друга мурянка — "огненна" — ище страшнійша; трафлялося, што тоты мурянкы примушали утікати цілы села индийцов.

* * *

Приближатся полудне. Солнце надто палюче, даже для жителей горячых крайов. Всьо спішит в найгустійшу тінь, много звірины и птаства засыпают. В природі настає спокой, німа тишина. Ниякой хмаркы не видно на небі. Листя величезных дерев блищит под прямовидными лучами солнца, ненарушный спокой панує внизу, где лем зрідка перелітают с квітка на квіток маленькы пташкы колібры або мотылькы. Не видно ни рыб, ни водяных птахов, лем на піщаных намуловых островках лежат величезны крокодилы.

З настаньом темноты мы остановлямеся дагде коло широкой піщаной намулины, старанно привянуєме човен и укладамеся на ноч. Старамеся выбрати даякий островец (выспу), бо отдаль от лісов и перешкода з воды забеспечуют нам спокой от дикых звіров.

Индийцы наберают дров для ватры, а по дрова итти недалеко: на вершку острова немало дров, принесеного водом. Розложивши огонь, индийцы берутся ловити рыбу. Рыбы подходят сами ку світлу, а индийцы надівают их на списы. Часами налапают черепах, якы выполязают на пісок зарывати свои яйца. Отже, вечеря нам приходит даром.

Коли зме повечеряли, индийцы долго хлюпалися в воді, притягли ище дерева на огонь и потом полягали спати єден коло другого под чорным плащем. Спокойне дыхание их указує, што они заснули. Зато не так легко заснути европейцу, зачарованому величавостью и торжественностью незвычайной обстановкы.

Тихо плещут фалі в піщаный берег, и ничий крик не порушує ночной німой тишины. В мертвой тишині чути лем шелест ползучой комахы, и ухо ловит плюск подскакуючой рыбы. И на небі панує такий самый спокой — ни одной хмаркы не видно. Раптом зашумит вдали вода, якбы налетали фалі на фалі, и здаєся якийси дивный рух на середині рікы. Пробудилися индийцы и шепчутся боязливо. Они думают, што даякий величезный водяный змій, даяка потвора робит тот незрозумілый шум.

Ополночи перший раз порушуєся спокой спячого ліса криками животных, и от того часу тоты крикы повторяются от часу до часу. Чым ближе до рана, то и частійше чути тоты крикы. Але незадолго до всходу солнца настає тишина, яка была и на початку ночи. Часами, з невідомой причины, фалювание в світі животных досягат такой силы, што весь ліс наполнятся тысячами розмаитых голосов, зойков и криков. Тота шумлива тревога не замолкає до того часу, покаль не блиснут солнечны лучи, якы розганяют страх.

* * *

Басейн Амазонкы занимає площадь понад 7 миллионов квадратных километров и незвычайно богатый на світло, тепло и житя. Грунт незвычайно урожайный, дощов поддостатком, стоит дуже сильна спека. Земля с чудесном силом выращує всьо, што на ней посіяно. Але ту уже вырастат много дикых рослин, што глушат посівы. Отже потребна постоянна борьба з лісом и густом рослинностьом вильготного жаркого климата. Потому население в лісах Амазонкы рідке и всі найліпшы місца захвачены иноземными колонистами под плантации. На тых плантациях колонисты примушуют працувати индийцов, як рабов и воєннополінных. На плантациях працуют тоже негры невольникы, привезены с Африкы.

В лісах по рікі Амазонкі ростут прекрасны каучуковы дерева и какао, якы притігают експлоататоров из крайов Европы. Они примушуют своих рабов зберати в лісі каучуковый сок и плоды какао, з якых выготовляют шоколаду. Робота зберания каучуку и какао дуже тяжка и небеспечна. Дикы звіры и комары задают великы шкоды роботникам, тропична малярия губит людей беспощадно.

С. Мяч.

ИНТЕРЕСНО ЗНАТИ

(ИЗ "СТО ТЫСЯЧ ПОЧЕМУ" — М. ИЛЬИНА)

ЦИ ДАВНО МЫЮТСЯ ЛЮДЕ?

Рідко в даяком місточку ніт сейчас водопровода. Каждый з нас тратит денно галонов 10—12 воды. А в стародавны часы житель великого міста употреблял лем єден галон. Так тепер подумайте, ци мог он часто мытися и сколько мог тратити воды на праня и мытя комнат.

Та и не чудно, што воды тратили мало: водопроводов тогды не было. Дагде на плящах были студні, и воду треба было волочити ведрами, як и тепер ище трафятся в маленькых місточках. В студнях часто находили здохлых котов и щуров, вода была воняча.

В стародавны часы людям недоставало не лем воды, им недоставало и почутя чистоты. Мытися люде почали совсім недавно. Літ триста тому назад даже королі не уважали за потребне мытися каждый день. В роскошной спальні французского короля вы нашли бы огромне ложе, таке велике, што його немож было постелити без помочы специального инструмента — "постельной палицы". Вы нашли бы там пышный балдахин на штырьох позолоченых колоннах, подобный до маленького храма. Вы нашли бы там великоліпны ковры (карпеты), венецианскы зеркала, годины роботы найліпшых годиняров. Но сколько бы вы не глядали, вы не нашли бы умывальника, ни даже простой мыйницы.

Кажде рано королю подавали мокрый ручник, котрым он вытерал лице и рукы. И всі думали, што того совсім достаточно.

На праня воды тоже росходували немного. Білизну хоц и носили, але смысла в том было мало. Даже богаты люде міняли кошелю раз на місяц, а часами раз на два місяцы. Тогды думали не о том, абы кошеля была чиста, а о том, штобы корунки на манжетах были дорожшы, и груди красше вышиты. На ноч кошелю знимали разом з другым одіньом и спали голо.

Лем двіста літ тому назад додумалися, што білизну треба міняти частійше.

Хустинка до носа тоже появилася не дуже давно. Єй всего лем двіста літ.

Спочатку таком хустинком пользовалися лем немногы. Меж богатыми и знатными людми находилися такы, котры уважали хустинку до носа непотребном роскошом.

Пышны балдахины над ложами устроювалися не так для красоты, як для того, штобы спастися от блощиц, котры падали с повалы. В стародавных палатах до сего часу сохранилися такы парасолі от блощиц. Блощиц и в богатых палатах было видимо-невидимо.

Балдахины мало помагали. Блощицы залізали и укладалися в их фалдах ище з ліпшом выгодом.

Канализации не было. Помыи выливалися прямо на улицу из окон. Брудна вода стікала в канаву, вырыту в середині улицы. Вонь от канавы была так моцна, што прохожы старалися проходити по-под стінами домов.

И не чудно, што в стародавны часы люде хворіли больше, як тепер. Никто не знал тогды, што где бруд, там и зараза. Бывало, што цілы міста вымерали от страшных хворот — чумы, чорной оспы. Из десяти дітей до десятлітного віку доживало лем пятеро. На каждом корнері мож было видіти много жебраков калік, подіравленых оспом и проказом.

Што зробило нас здоровшыми и кріпшыми по містах? Водопроводный кран, кусок мыла, чиста кошеля.

ЧОГО ВОДУ ПЬЮТ?

Вопрос, здаєся, такий простый, што и спрошувати ніт чого.

Але коли спросиш, то оказуєся, што из десяти людей лем єден знає, чого воду пьют.

Вы скажете: воду пьют потому, што хочеся.

А чом хочеся?

Тому, што без воды жити немож.

А жити немож потому, што мы воду цілый час росходуєме и нам треба єй запас дополняти.

Дыхнийте-ле на холодне шкло. Шкло запотіє, покрыєся капельками воды. Откаль взялася вода? Из вашого тіла.

Або, повічме, вы в жаркий день вспотіли. Откаль взялся пот? Знов отталь, из вашого тіла.

А раз вы воду росходуєте, тратите, вам треба от часу до часу запасатися новом.

На добу чоловік тратит цілых 12 шкянок воды. Значит, стилько и треба йому выпити або зісти.

Та ци воду ідят?

В том-то и діло, што ідят. В мясі, в яринах, в хлібі — во всякой іді воды далеко больше, як твердого материала. В мясі воды три раз больше, як твердого материала, а огурец, так тот майже цілый з воды.

Та и в вас самых воды майже стилько, скилько в зеленом огурку. Єсли вы важите 90 фунтов, то в вас близко 80 фунтов воды, а лем около 10 фунтов твердого материала. Тіло взрослого чоловіка содержит воды меньше, но тоже около трьох четвертых частей вагы.

— Чом же люде не розливаются по землі, як киселица?

Вся штука в том, што не так важно, из чого построєна річ. Головне — як она построєна.

Єсли мы россмотриме под микроскопом кусочок мяса або огурка, мы увидиме множество кліточок, наполненых соком. Сок тот не выливатся из кліточок зато, бо они со всіх сторон замкнены. В том цілый секрет. Значит, вода головный материал, из котрого побудуване наше тіло.

И зато не чудно, што чоловік може долго прожити без іды, а без воды не може прожити и пару дней.

ЦИ БЫВАТ НЕПРЕВИДНА ВОДА И ПРЕВИДНЕ ЖЕЛІЗО?

Каждый повіст, што вода превидна. А на самом ділі она превидна лем в тонком слою. На дні океанов ноч, потому што солнечны лучы не можут перейти глубоку воду.

Но не лем вода — каждый материал в тонком слою превидный, а в грубом — ніт. Возте, напримір, кусок білого и превидного шкла и посмотте на него з боку. Шкло окажеся и не білым и не превидным.

Недавно єден ученый из желіза зробил пластинку грубости в єдну тысячну часть миллиметра. Пластинка тота превидна як шкло и майже совсім безбарвна. Положивши єй на страницу книжкы, можна без трудности читати найдробнійший шрифт.

Такы самы превидны пластинкы ученый приготовил из золота и из другых металлов.

ЦИ ДАВНО ЛЮДЕ НАУЧИЛИСЯ ДОБЫВАТИ ОГОНЬ?

В стародавны часы люде думали, што в огню живут маленькы огненны ящуркы — духы огня. А были и такы, котры уважали огонь за бога и будували в його честь храмы. Соткы літ горіли в тых храмах світильникы, посвящены богу огня.

Обычай поддержувати неугасимый огонь — єден из самых стародавных на землі. Много десяток тысяч літ тому назад люде не знали добывати огонь. Они не добывали огонь, а **находили,** як тепер находят дорогоцінны камені. И не дивно, што огонь тогды хранили, як великий скарб. Єсли бы он погас, другого достати не было бы где, бо зробити огня люде не уміли.

Бывало, што перун запалял дерево. Люде зо страхом смотріли на огненного звіря, котрый пожерал дерево, с тріском ломаючи конари и злизуючи языком кору. Подойти ближе было страшно, а уходити не хотілося: в холодну ноч было тепло и весело коло горящого дерева.

Первобытный чоловік был смілом истотом. Он часто мушеный был боротися и с огромным косматым мамонтом, и с силачом пещерным медведьом. Нашлися наконец и такы смільчакы, котры не побоялися приближатися ку гаснущому огню от леруна.

Мы не знаме, кто первый осмілился схватити горящий сук и принести дому, в пещеру, тоту чудесну добычу. Може тото зробил не єден чоловік, а пару людей в разных місцах. Но як бы оно не было, а нашлися смілы, вынаходны люде, котры уласкавили огонь, як уласкавляют дикых звірей.

Вынаход Едисона, котрый зробил перву електричну лампочку, маленький вынаход в поровнанию з вынаходом тых покрытых волосом, долгорукых, косолапых людей. Не было бы огня, мы бы и сегодня были подобны до орангутанов або гориллов.

Яркий огонь освітил пещеры и землянкы первобытных людей. Но минуло ище много тысяч літ, покаль люде научилися добывати огонь.

Коли чоловік научился добывати огонь, он уж не боялся, што го може стратити. Єсли буря або злива гасили ватру, все было можно роспалити новый огонь.

Но ище долго в храмах горіли неугасимы світильникы, напоминаючи о том часі, коли огня не уміли робити, коли огонь был рідком и дорогоцінном находком.

Як то не дивно, але самый стародавный способ добывания огня сохранился до нашого часу. Первобытны люде добывали огонь тертьом одной деревяной палочкы о другу.

Мы тоже добываме огонь тертьом патичкы о пуделко.

Но разница єст, и дуже велика. Запалити нашу патичку справа єдного момента. А штобы запалити кусок дерева через тертя, хоцбы и дуже сухого, треба помучитися пять минут, або и больше. Та и знати треба. Нашу патичку каждый запалит, але пробуйте добыти огня первобытным способом!

ЧОМ ПАТИЧКЫ ЗАПАЛЮЮТСЯ?

У первобытного чоловіка не было такых прирядов, якы єст у нас. У него не было ни пилы, ни сокиры. Пилил он и стругал острым каменем або костьом. Робити такым инструментом было нелегко. Треба было так долго терти и скоблити, што дерево затлівалося и даже часами запалювалося. Тото, правдоподобно, заставило чоловіка догадатися, што огонь можно добывати тертьом. Для того, абы дерево запалилося, його треба сильно нагріти. Значит, и терти єдну палочку о другу треба дуже долго.

Друга справа — сірникы. Головка сірника зроблена из материала, котрый запалятся даже от маменького нагрітя. Дост доткнутися головком сірника до горячого желіза, напримір, приложити ку горячой печной дверкі, штобы сірник запалился. Но приложте другий конец, патичка не запалится.

ЦИ ДАВНО У ЛЮДЕЙ СІРНИКЫ?

Сірникы вынашли совсім недавно. В 1933 року мы празднували столітие первой фабрикы для выробу сірников. До того часу, то єст пред сто роками, огонь добывали другыми способами. Вміcто пуделка с патичками люде пред сто роками носили в кишени маленьку скриночку с трьома дивными предметами: кусочком стали, невеличкым каменчиком и кусочком чогоси подобного до губкы.

Єсли бы вы звідали, што то таке, вам сказали бы, што сталь — то огниво, каменчик — то кремень, а кусочок губкы — трут.

Ціла купа предметов заміст єдного патичка!

Як тогды добывали огонь?

В одной рукі чоловік держал огниво, в другой кремень и трут. Он ударял огнивом о кремень. Ниякого результата! Ище раз! Знов ничого! Ище раз! Из огнива выскочила искра, но губка, трут, не затлівается. Наконец, в четвертый и пятый раз губка затліват.

Правду повісти, то была теперішня наша запальничка. В запальничкі тоже єст кусочок стали — колечко, єст и трут — гнотик, промоченый бензином.

Выкресати огонь было не так-то просто. Коли европейскы путешественникы хотіли научити гренландскых ескимосов своим способом добывати огонь, ескимосы не хотіли. Они казали, што их старый способ тертя ліпший. Они обертали ременем палочку, поставлену на кусок сухого дерева.

Пробували и европейцы вынайти простійшы способы добывати огонь, и вынашли, но всі тоты способы невыгодны и дорого коштували.

Так продолжалося до того часу, покаль не вынашли фосфорны патичкы.

Фосфор — то материал, котрый запалятся при найслабшом нагрітю — всего до 60 градусов. Здавалося бы, што ліпшого материала для добывания огня и придумати немож. Но и фосфорны патичкы доничого в порованию до нашых.

Они были дуже ядовиты, а головно запалялися дуже легко. Штобы запалити патичку, дост было черкнути єй о стіну, або даже о холяву. Коли патычка запалялася, она тріскала и розлітувалася, як маленька бомба. Згорівши, патычка оставляла по собі скверну память смродливого сірчаного газу. Кромі фосфора, в головкі была ище сірка, котра, горівши, оберталася в сірчаный газ.

Літ 60 тому назад появилися наконец "безопасны" або "шведскы патычкы", котры мы употребляме тепер. В головках тых патычок фосфора совсім ніт, он заміненый другым материалом. Сіркы в них тоже ніт. Они безопасны и не так ядовиты.

ШТО ТАКЕ СУП

Многы думают, што бульон дуже поживный. А правду сказати от бульона поживы мало больше, як от чистой водичкы.

В тарелкі бульона девятнадцет ложок воды и лем єдна ложка всякых другых складников. Єсли бульон варити, покаль вся вода не выпарує, то на дні горчка майже ничого не останеся.

Єсли талерку супа отнести в лабораторию и зробити анализу, розобрати, то окажеся, што кромі 19 ложок воды в тарелкі супа ¼ ложкы толщу, ¼ ложкы клею (так, та, найзвычайнійшого столярского клею!), немного солей (не лем звычайной соли, но и других солей). А остальне — то "вкусовы складникы". Так называют тот складник мяса, котрый робит го вкусным, смачным, и котрый при варению роспущатся в воді.

Но не лем в супі, во всім, што мы іме, о много больше воды, як нам здаєся с первого взгляда.

В яринах воды так много, што они робятся легкыми, як пух, єсли их высушити. В фунті мяса — воды три чверти фунта. В картошкі так само.

ЧОМ МЫ ІМЕ МЯСО?

Мы покончили с супом, можно взятися за мясо. Єсли бы мы зробили анализу (розобрали) мясо, то мы бы дозналися, што в мясі, як и супі, єст вода, вкусовы складникы и соли. Но, кромі того, в мясі єст ище єден складник, котрого в супі дуже мало, — а то білко.

Коли мясо варят, часть білка выплыват зо шумовином. Газдыні знимают шумовину, штобы суп был красший, чистійший, — а робят то непотребно, бо отберают найпоживнійшу часть в супі.

Без білков нам не мож жити, потому што и наше власне мясо, як биф або телятина, складатся майже цілковито из воды и білков.

Єсли мы будеме живитися такыми потравами, в котрых много толщу, цукру, крохмалю, но ніт совсім білков, мы вчастнійше ци позднійше погибнеме от недостатку будовляного материала для нашого тіла.

Пожива, значит, бывat двох сортов: толщ, цукер, крохмаль — то єст топливо, котре огріват наше тіло и приводит в рух цілу нашу машину. А білкы — то головный будовляный материал, с котрого мы будуєме наше тіло. Розуміеся, коли ніт дров, приходится палити столкы, — коли ніт толщов, цукру, крохмалю, в чоловіку палятся білкы. Значит, білкы можут служити нам и будовляным материалом и топливом. И длятого білкы так конечно потребны для людского тіла.

МОЛОКО

Найліпша пожива в світі, то тота, котром звір кормит своих дітей, — молоко.

Из молока выростают мускулы, кожа, шерсть, кости, когти, зубы. Молоко претворят слабе львятко в мощного льва, рык котрого потрясат скалы. Огромный кит, як и маленька морска свинка, вскормлены молоком.

В молокі єст всьо, што потребно дитині: в нем єст и вода, и толщ, и цукер, и білок, и соли.

Толщ плават в молокі в виді множества дробненькых калелюк. Так як толщ лекший

В торжественны дни сыр ставят на стол. Сыр тот товаришит чоловіку от колыскы до гробу. Умераючи, властитель сыра оставлят го своим дітям.

Швейцарскы газеты писали о сырі, котрому минуло 120 літ. Того "діда" покраяли і зіли недавно. Был дуже смачный.

ШТО ІЛИ В СТАРОДАВНЫ ЧАСЫ?

Хліб

Были часы, коли люде не уміли обрабляти поля и живилися майже лем мясом. Люде іли не лем звірей и птахов, убитых на полювачкі, но и плінников, захваченных на войні.

Повідают, што воины одного африканского племени кидаются на врага с криками: "Мясо! Мясо!"

Який страх должен наводити тот крик на розбитого и утікаючого противника!

Один из первых американскых колонистов в Сіверной Америкі росповідал, як были зачудованы индийцы, увидівши хлібны поля білых. Вот яку бесіду выголосил вождь одного племени своим товаришам индийцам:

— Білы сильнійшы от нас, потому што они ідят зерна, а мы іме мясо. А о мясо дуже трудно. Мясу треба пару літ, штобы оно выросло. А кажде с тых чудесных зерен, котре білы люде кидают в землю, вертатся ку ним с сотком другых всього через пару місяцев. У мяса, котре мы іме, — штыри ногы, штобы утікати от нас. А у нас лем дві ногы, штобы го доганяти. А зерна остаются и роснут там, где их посіют. В зимі мы мерзнеме в лісах, бавиме по цілых днях на польовачкі, а білы отпочивают у себе дома. Я кажу каждому з вас, кто хоче мене слухати: Скорше, як упадут дерева, котры роснут у нашых жилищ, — люде, котры ідят зерна, вынищнт людей, котры ідят мясо.

Трудно сказати, коли перве зерно было кинене в землю руком чоловіка. На стародавных египетскых пирамидах мы находиме уже образы людей, котры ростерают зерно меж двома каменями.

Предок нашого хліба был мало подобный до нашого хліба. То была попросту каша из дробных зерен, розболтанных в воді.

от воды, он помалу выплыват наверх — творится слой сметанкы. Через колочение сметанкы получают масло: капелькы толщу от колочения збиваются разом и отділяются от воды.

ЧОМ МОЛОКО СКИСАТ?

Постоявши день або два, молоко скисат. Но можно го закиснути и обернути в творог не за два дни, а за дві секунды. Для того треба капнути в молоко немного оцту.

Творог — то молочный білок. Он в молокі роспущенный, як цукер в воді. Но додати до молока кислоты, штобы творог выділился, захвативши зо собом и толщ.

Но але єсли в молоко никто кислоты не вліє, а оно и так за даякий час скисат? Кто тому виноватый?

Виноваты тому маленькы грибкы вроді дрожжей, котры все носятся в воздухі. Попавши в молоко, они берутся за роботу и претворяют молочный цукер в молочну кислоту. А от кислоты молоко претворятся в творог.

Штобы молоко не скисало, треба го преварити. От кипячения грибкы погибают.

Бывat, што молоко претворятся в творог в часі варения. То от того, што до него грибкы уж загніздилися и наготовили кислоты.

ЧОМ В СЫРІ ДІРКЫ?

Єсли творог подержати дольше в пивниці, робота грибков буде продолжатися, и потом творог претворится в сыр. Дірочкы в сырі, як и дірочкы в хлібі, зроблены угле-кислым газом.

А откаль тот углекислый газ?

Його зробили грибкы.

ЧОМ СЫР ДОЛГО НЕ ПСУЄСЯ?

Потому, што он зверха покрытый корком, котра не дає йому засохнути и оборонят го от шкодливых грибков.

Повідают, што в Швейцарии єст такий обычай: В день рождения дитины робят великий сыр и пишут на нем имя новорожденного, день, місяц и рок.

Бывало, што каша тота засыхала. Кускы засохшой кашы заміняли людям хліб в тоты часы.

И тепер ище на Востокі печут кукурузны лепешкы (адзимку) из прісного тіста.

Нерідко бывало, што каша из зерен скисала и ставала от того рыхла и мягка. Тот, кто догадался замісити таку кислу кашу зо свіжо розмолотым зорном, первый вынашол хліб.

Отчого же каша скисала?

Оттого, што в ню попадали из воздуха дрожжовы и молочны грибкы. В воздухі носится много всякых невидимых грибков, в том числі и тоты.

И тепер ище пекари кладут в хліб не дрожжы, а кисле тісто.

Много літ прошло покаль люде научилися добри управляти почву и добри печи хліб. Всього лем пред двіста роками люде среднього достатку іли такий хліб, котрого бы тепер никто не хотіл істи.

КАРТОШКА

Звычайну нашу картошку не іли и богаты люде. Картошка появилася в Европі совсім недавно.

В часі французской революции картошка была ище новинком. Французска королева носила в петлиці квіты картошкы, а вареный картофель каждый день подавали к королевскому столу.

Родом картошка — из Перу и Чили. Можно точно назвати рок, коли картошка прибыла из Америкы в Европу: єй привезли из испанскых колоний разом з ладунком серебра и золота в 1534 року. Через пятдесят літ картошка перебралася из Испании в другы европейскы краи — спочатку в Англию и Австрию, а потом уж в Германию и Францию.

Спочатку к картошкі относилися недовірчиво, особливо дорослы люде, котры к ней не привыкли. Но діти, гварят, дораз полюбили картошку, котра здалася им смачнійша от каштанов.

Картошка принялася дуже добри в новой отчизні. Не прошло и пару десяток літ, як заморска новинка из потравы королей обернулася в страву бідаков.

ШТО ПИЛИ В СТАРОДАВНЫ ЧАСЫ?

Богаты люде пили вино и мед, бідны — воду, но ни богаты ни бідны не знали **чаю и кавы.**

Всего лем 300 літ тому назад до европейцев дошли первы слухы о чудесном напитку, котрый пьют китайцы и японцы. Говорили, што тот напиток дає людям долге житя.

Наконец в 1610 року первый раз привезли чай в Европу. Привезли чай в Европу голландскы купцы з далекого острова Явы. Як звычайно, купцы почали хвалити свой товар. Называли чай божественном травом, радили пити го по 40—50 горняток денно, во всякий час дня и ночы. Один голландский доктор заміст всіх лікарств и для всіх хворот прописувал чай.

А по правді чай совсім не трава. Робят го из листков чайного дерева. А потом чай совсім не лікарство. Кріпкий чай для здоровья даже шкодливый.

Но мимо такой рекламы зо стороны купцов, чай пили спочатку лем богаты люде, бо он был дуже дорогий.

Послі появления чаю появилася кава—кофе.

Французскы купцы, побывавшы в Турции и Египті, давно уж росповідали о чудесном дереві. Из сімян того дерева туркы робят напиток, котрый называтся не то "каова", не то "кофа" и котрый пьют вміcто вина в тавернах. Напиток тот прогонят смуток, укріплят жолудок, робит чоловіка сильным и здоровым.

Незадолго кава появилася на обіді у французского короля. За королем запровадили каву герцогы, за герцогами графы, виконты, за ними друга шляхта без титулов, а за ними другы богаты люде, купцы, докторы, адвокаты. Было открыто множество кавярен —кофеєн, в котрых люде просиджували по цілых днях. То, што было принято при дворах королей, отразу входило в моду всяди.

Были и врагы кавы. Дакотры казали, што пити турецкий напиток католикам не подобає. Другы запевняли, што министр Кольберг спалил собі кавом жолудок, што кава коротит житя, што от кавы колют колькы и робятся болякы в жолудку.

Одна принцесса прямо заявила, што она за нич в світі не буде пити "саджу з водом", як она называла каву, и што она волит добре старе пиво, як тот заморский напиток.

Чоколаду встрітили ище больше враждебно. Говорили, што чололадом треба кормити свиней, а не людей, што чоколада спалят кров и може даже убити чоловіка.

Правда, чоколада, привезена из Мексикы знаменитым путешественником Кортецом, не была подобна до теперішной. Мексиканцы робили чоколаду из мішанины какао, маиса и перцу и совсім без цукру. Аж потом почали готовити чоколаду по нашому способу. Для того бобы какао мелют, мішают с цукром, ванильом и другыми ароматными примішками и прессуют.

Кто-ж мал правду во всіх тых спорах о чаю, каві и чоколаді?

Чай и кава мало поживны и мают в собі, кромі того, складникы шкодливы для сердца и нервов.

Друге діло — чоколада и какао, особливо чоколада. В нем много толщу и білков. Недармо путешественникы, отправляючися в полярны краи, берут зо собом великий запас чоколады.

Какао меньше поживне, як чоколада. Його приготовляют так: бобы какао мелют, муку смажат и потом из ней выдушуют толщ. Длятого в какао меньше толщу, як в чоколаді.

ЧЫМ И ЯК ІЛИ?

На столі у богатых людей не было недостатку в дорогоцінных начинях — из золота и серебра.

Чого лем там не было. А одной річы и так было брак, а то самой звычайной вилкы (видельца).

Тогды іли руками. Не вязалися, а запускали всі пять пальцов во вспольну миску, хоц она была зо золота або серебра.

Та и ножей не было много — два-три на цілый стол. Треба было все в потребі звертатися к сусідам при столі с просьбом подати нож.

Талерок тоже не было. Их заміняли велікы округлы кусы хліба.

Послі обіда тоты кусы хліба, насякнены мясным сосом, кидали бідакам або собакам.

И тарелкы и вилкы появилися лем 300 літ тому назад, и то не в каждом домі, а лем в палатах.

Высокы каменны сходы ведут в велику темну галю, ледво освічену факелами (смольными світильниками). На окнах оконницы, хотя на дворі ище білый день. Но час зимушный, треба ощажати тепло, таж шкляны шибы ище не вынайдены.

Хотя тота комната — обідальня, обідального стола в ней не видно. Стол принесут, ци зробят, пред самым обідом.

Но вот появляются слугы в зеленых безрукавках из домотканного сукна, в долгых жолтых пончохах и червеных пантофлях с острыми носами. В моменті уставляются кобыличкы. На кобыличкы кладут доскы.

Уложеный такым способом стол покрывают білым обрусом з вышитыми на нем оленями, псами и полювачами, трубящыми в трубы.

На стол ставят солянку, кладут талеркы с хліба и два ножы. Остаєся присунути ку столу лавкы и звати гостей на обід.

Паны ввалюются с шумом и криком. Властитель замка, його сыны и гости — сусідны поміщикы — лем што вернулися с полювания на диков. То рослы бородаты люде, зо здоровым румянцом на щеках.

Разом з ними вбігают в комнату дві собакы хозяина — злы звіры, готовы на єден знак розорвати чоловіка. Найпозднійше входит жена рыцаря.

Компания засідат за стол. Аппетит у всіх волчий. Кравчий — слуга, подаючий мясо, — приносит из кухни, што стояла на дворі, огромну мису з дымящымся медвежым мясом. Розрізавши мясо на кускы, он подае го на концу великого ножа гостям. Мясо добри напопрене и пече горло. Чверт медведя счезат за чверт годины. За медведьом иде бок дикого вепра с такым самым паляным сосом, цілый упеченый олень, лебеді, павлины, розмаиты рыбы.

Купа костей и рыбных хребтов вырастат на столі пред каждым гостем. Под столом тоже иде робота: собакы обгрызают кости и варчат на себе.

Ідят долго и много. Іда — головна розрывка в той медвежой барлогі. Слугы ледво здоляют подавати все новы и новы мисы

— пирогы, яблока, оріхы, медовникы. Вина и меду выпивают за обідом мало не три цілы бочкы. Не дивно, коли под конец обіду тот або другий из гостей валится на подлогу и среди шума, хохота, лаю собак роздаєся мощный и протяжный храп.

ПЕРВА ВИЛКА В АНГЛИИ

В 1608 року побывал в Италии єден англичанин, котрого звали Томас Кориат. В часі подорожы он провадил дневник, в котрый он записував всьо, што його особливо интересувало. Описує он и великоліпие венецианских палат, стоячых серед воды, и красоту мраморных храмов Рима, и грозне величие вулкана Везувий. Но одна річ зачудувала Кориата больше, як Везувий и венецианскы палаты.

В його дневнику єст така запись: "Коли итальянцы ідят мясо, то помагают собі маленькыми вилами из желіза або стали, а часами зо серебра. Итальянцы не хотят істи руками. Они кажут, што істи руками непристойно, потому што не у всіх рукы чисты."

Кориат набыл собі такы "вилы". Вилка, котру он купил, была мало подобна до нашой вилкы. У тамтой вилкы были лем два зубы, дуже долгы, а ручка коротка. Взагалі тот инструмент напоминал больше камертом, як вилку.

Приіхавши дому, Кориат хотіл похвалитися перед приятелями и знакомыми свойом вилком. Запрошеный на обід, он вынял с кишені вилку и почал істи по-итальянскы.

Всі очы звернулися на него. А коли он объяснил, што то за штука у него в руках, всі хотіли посмотріти ближе тот итальянский инструмент для іды. Вилочка обышла цілый стол. Вилка всім подабалася, яко выроб, но для іды несуцый. Всі в єден голос ріши-ли, што итальянцы великы чудакы, што істи вилком дуже незграбно.

Томас Кориат пробував перечити, казал, што нехорошо брати мясо руками, потому што рукы не у всіх чисты. Всі погнівалися на Кориата, што он повідат таке на англичан, што у них нечисты рукы, што их не мыют пред обідом. Та ци нам не старчит 10 пальцов, даных нам природом, штобы мы глядали штучных пальцов для іды? Най он пока-же, як то выгодно істи штучными пальцами?

Кориат хотіл показати свою штуку. Но первый кусок мяса, взятый ним з мисы, упал з вилок на стол. Всі в сміх. Мусіл бідный сховати свою вилку назад в кишеню.

Перешло літ пятдесят, зачым вилкы вошли в моду в Англии.

Повідают, што вилкы почали употребляти тогды, коли паны почали носити великы корунковы колніры. Тоты колніры перешкаджали им істи: они подперали подбородок и не дозволяли схиляти голову. В таком колнірику было выгоднійше істи вилками, як руками.

Но то лем так повідают. А направду вилкы появилися тогды, як люде почали дбати больше за чистоту.

ЖЕЛІЗО

Всі мы думаме, што желізо найтревальший и найкріпший материал. Недармо грандиозны мосты, желізну дорогу будуют из желіза. Но тот найтревальший материал тоже и найслабший. Моцный желізнодорожный мост, котрый не подастся под тягаром сотен тяжкых вагонов, боится вогкости, дощу, мглы. Чым больше в воздухі вогкости, тым скорше погибає желізо от ржавчины. Ржа — то та хворота, котра незамітно нищит найтревальшы желізны будовы.

Ту причина, чом так мало дошло до нас стародавных желізных выробов. Лекше найти золотый перстень, котрый носил даякий египетский Фараон, як простый желізный серп одного из його многочисленных поданых.

Може быти, што через много літ среди розвалин нашых городов учены не найдут ани знаку нашых желізных будов; всі они пропадут от ржи, зотліют, як кости тых людей, котры их будували.

Но што то єст тота страшна хворота желіза, и ци ніт от ней спасения?

ЧОМ ЖЕЛІЗО РЖАВІЄ?

Што станеся з ножом або вилком, єсли их послі мытя не вытерти насухо?

Они заржавіют.

То знают всі газдыні.

Ясно, што желізо ржавіє — от вогкости.

Єдного разу водолазы натрафили на дні моря на корабель, котрый затонул полтора ста літ до того. На палубі корабля они нашли пару арматных куль. Кулі были так зіджены ржом, што их мож было краяти ножом. Вот што зробила зо желізом вода!

Як же спасти желізо от вогкости?

Треба го насухо вытерати.

Но але немож все вытерати. Єст предметы, котры немож держати все сухыми. Чайник, ванна, ведро хотячи-нехотячи должны быти мокрыми. А желізный дах ище труднійше спасти от вогкости: таж не будеш за каждым разом по дощу вытерати дах ручником. Та и в суху погоду желізо тоже ржавіє, хоц и помалы. Таж в воздухі все єст вогкость. Воздух всьо высушує, но сам сухым не бывat. Он з жадностьом высысує воду всяди: з лем што вымытой подлогы, из мокрой білизны, из мочар, оставшыхся послі дощу.

Єдиный способ спасти желізо от ржавчины — то покрыти го даяком мастьом, оливом.

Олива защитила бы желізо от воды и не дала бы му заржавіти.

Но звычайно поступают иначе. Вмісто оливы берут оливну фарбу и покрывают ньом желізо. Слой фарбы на желізі высыхат и робится твердым. Такий твердый слой буде, розуміеся, долше и ліпше держатися на желізі, як слой рідкой оливы.

ЧОМ БЛЯХА НЕ РЖАВІЄ ТАК СКОРО, ЯК ЗВЫЧАЙНЕ ЖЕЛІЗО?

Кромі фарбы, обороняют желізо от ржавчины оловом. Вытягнену из желіза бляху покрывают слойом олова, и так мы маме бляху, з якой вырабляют, приміром, бляшанкы для консервов, и т. п.

Олово дуже добри оборонят желізо от вогкости, а головно — от квасов. Квасы ище сильнійше нищат желізо, як вогкость. Коли вы розріжете лемон, нож чорніє. То квас въілся в желізо.

Лем невеликы желізны предметы єст смысл покрывати оловом. Но никто не покрыват оловом желізо на дах. Для того єст таньший материал — цинк. Оцинковане желізо ище ліпше хранится, як покрыте оловом.

Звідате, чом тогды не робят оцинкованых начинь, кен, баньок?

Потому што цинк, котрый совсім не боится воды, дуже боится квасов. Даже найслабший квас розъідат цинк. А при том выходят цинковы соли, котры дуже ядовиты. Готовити або хранити поживу в цинковой посуді опасно. Друге діло такы предметы, як ведра, ванны. Их дуже часто вырабляют из цинка або оцинкованого желіза.

Даже коло малюваного або покрытого другым металлом желіза треба ходити и пильнувати. Желізный дах треба от часу до часу наново малювати, а поржавлены місца замінити новыми кусками.

Чоловіку треба обходити желізо, як живу истоту, штобы защитити го от болізни — от ржавчины.

С ЧОГО ЗРОБЛЕНЫ ЖЕЛІЗНЫ ПРЕДМЕТЫ?

Як-то с чого? Ясно, што из желіза. Вот вы и помылилися. Всі предметы, котры мы называме желізными, — вилкы, гвозді, подковы, кочергы — на самом ділі зроблены не из желіза. Ліпше сказати, не зо самого желіза, а из мішанины желіза з углем або другыми материалами.

Чисте желізо без ниякых примішок, стоит так дорого, што проста кочерга, зроблена з него, стоила бы около 25 рублей.

Но тота кочерга была бы не лем дорога, а и горша от той, котра зроблена из мішанины.

Чисте желізо замягке. Кочерга из него погнулася бы, гвоздь не мож было бы вбити в стіну, ножом не вкроил бы ничого.

Чисте желізо так мягке и так легко мож го ростягнути, што из него можно зробити "желізный папер", лекший и тоньший от папиросной бибулкы.

Тото желізо, котре мы знаме, все с примішками. Найліпша примішка — уголь. Уголь в желізі єст майже все.

Як же уголь попадат в желізо?

А вот як.

Желізо добывают из руды, котру находят в землі. Штобы выплавити желізо из руды, треба класти руду разом з углем в великы пецы, слой угля и слой руды, напереміну,

Зверху насыпут руды и угля, а здолы вдувают воздух. В пец для выплавкы желіза дують сильным воздушным насосом.

Уголь роспалюєся до біла и спалюєся. А желізо выплавлятся из руды и стікат долу на дно пеца.

Но росплавлене, рідке желізо ростворят уголь — подобно, як горяча вода цукер. Потому из пеца выходит не чисте желізо, а кріпка мішанина угля в желізі — чугун. С первого дня свого житя желізо сплавлено с углем.

Часть угля мож выпалити, єсли вдувати в росплавленный чугун воздуха. Так и получают из чугуна сталь и желізо.

ЧОМ ЧУГУН НЕ ПОДОБНЫЙ ДО ЖЕЛІЗА, А ЖЕЛІЗО ДО СТАЛИ?

Всі прикметы желіза зависят от того, сколько в ньом угля.

Єсли зровнати желізну кочергу, стальный нож и чугунный котел, здаєся, што они выроблены з разных материалов — так они не подобны єдно на друге.

Желізный погрибач-кочерга: єй можно зогнути, а она сама не розогнеся. Она не зламеся от удару. Она не боится тяжкой роботы — погартати ньом в пецу, в огню, перевертати дрова або угля — єй нич не станеся.

Стальный нож — красивый, блестящий, острый. Єсли он зогнеся, то и сам выпростится. А єсли го зогнути сильнійше, он зламеся. Єсли бы го ужити до огня вміcто кочергы, из него скоро останутся лем обломкы. Зато в свойой роботі он майстер. Різати, стругати — тото он уміє.

Лятый, чугунный котел, аж чорный от примішаного к нему угля. Он крехкий: єсли ударити го молотком, он розобьеся. Зато он тоже придатный до свойой роботы. В нем мож варити обід.

Зроблены тоты предметы тоже не єдным способом.

Погрибач выкованый из куска роскаленного желіза. Роспечене до червена желізо робится такым мягкым и податливым, што його мож кувати — придавати му ударами молотка потребну форму.

Нож тоже выковали, но потом ище загартували: роспалили до червена и вложили в холодну воду. От того сталь стала ище больше твердом.

Чугун ковати не мож: от сильного нагріванія чугун плавится — робится плыном. Желізо и сталь перше стают мягкы. И в том розмягченом стані з ними можно робити, што хоче — ковати, штамповати, роскачувати в бляху и т. д.

Котел не выковали, а выляли: Вляли росплавленного чугуна в форму из сухой земли, и дали му стугнути.

И во всіх тых розличиях виноватый уголь, котрого в желізі мало, в стали больше, а в чугуні много.

Вы легко можете опредїлити, ци много угля в той стали, из котрой зробленый ваш нож.

Занесте го до ножовника выострити и призрийтеся, якы искры будут при острению вылітати з него, ци розголужено, ци як огненны линии. Єсли искры летят в виді огненных линий, ваш нож не из стали, а из желіза.

ШТО ВЫРАБЛЯЮТ ИЗ ГЛИНЫ КРОМІ ГОРШКОВ?

Як дивно здаєся, што всі тоты помалюваны горшкы и мискы, выроблены из самой звычайной глины. Из той глины, котру мы проклинаме, коли нам треба крачати по мягкой сельской дорозі.

Но не лем горшкы и мискы. Чого лем не выробляют из глины! Из ней выробляют цеглу и фарфоровы статуеткы, талеркы и синьку для білизны, цемент и фарбы. Но найинтереснійше, што в склад всякой глины входит **алюминий.**

О том легком білом металлі ище недавно знали лем учены, а тепер майже в каждой кухні мож найти алюминьову пательню. И не дино: таж алюмин не ржавіє так, як желізо, и не псуєся от квасных потрав. Правда, он боится мыла и соды, но то невелика біда.

Алюминий называют часто "глиняным серебром", но до серебра йому далеко. Його білый кольор скоро переходит в сірый, потому што на воздухі он покрывается тонкым

слойом окиси, котрый псує його вид, хотя и защищат го от сильнійшого окисления. Но тот окис совсім нешкодливый — не то, што окис міди.

Из алюминия не мож вырабляти такых предметов, котры все мают быти красивыми и блестящыми.

Но зато у него єст єдна прикмета, котрой ніт ни у серебра, ни у золота, ни у стали: он дуже легкий, три раз лекший от желіза. А то важно для будовы аеропланов, котры мают быти як найлекшы. З многыми металлами алюминий дає дуже цінны сплавы. Напримір, дюралюминий — сплав алюминия з магнием, мідьом и марганцем — три раз лекший от стали, а такой самой тревалости.

И лем подумати, што глина, по котрой мы ходиме и іздиме, то ище нерушена руда прекрасного цінного металла. Алюминий пока-што добывают из другых руд — боксита и криолита. Добывати го з глины невыгодно. А выгодного способу ище не придумали.

Фарфор тоже ділают не из той глины, котра у нас под ногами. Ділают го из каолина — самой чистой білой глины, котра встрічатся не часто.

КТО ПРИДУМАЛ ФАРФОР (ПОРЦЕЛЯНУ)?

Дакади в приморскых краях — в Дании, Швеции, Франции — тянутся по берегу долгы пласкы валы. Коли их попробовали роскопати, показалося, што то огромны купы всякых отпадков: рыбьих костей, огрызеных черепов, каменных ножей и скребков, костяных топориков из оленього рога. Видно, ту жили даколи первобытны люде, котры всі свои кухонны отпадкы звалювали на купу около свого жилища.

С часами тоты помыйны ямы взросли в цілы горбы, котры тянутся на соткы метров.

В тых "кухонных купах" нашли, меж иншым, и черепкы глиняных горшков. Горшкы первобытных людей были мало подобны на нашы: не были ани гладкы, поливаны, дно не было плоске, лем заострене, копцувате.

Но так не так, а то были правдивы горшкы.

Прошло много тысяч літ послі того, покаль появилася порцеляна, фарфор. И не дивно: таж зробити порцелянове горнятко далеко труднійше, як глиняный горшок.

Первыми научилися опалювати порцеляну китайцы — 1700 літ тому назад. Но правдивого успіха при том они добилися совсім недавно, в 15-м віку, при императорі из династии Мин.

Китайский фарфор цінили в Европі на вагу золота. Никто не знал, як они то робят, покаль наконец єдному алхимику не удалося розгадати секрета китайцев.

С фарфором повторилося то само, што было з другыми китайскыми вынаходами — порохом и книгопечатанием. Китайцы не хотіли никому чужому открыти свойой тайны, и европейцам треба было наново вынаходити их. Порох мал придумати Бертольд Шварц, книгопечатание — Гутенберг, а порцеляну (фарфор) — Бетгер.

Бетгер был придворным алхимиком короля Августа Сильного. Алхимикы думали, што такы металлы, як мідь, желізо, олово, мож обернути в золото, єсли стопити их с "философскым каменем". Десяткы літ глядали они того выдуманого ними каменя, котрого нигда не было. Но не лем алхимикы вірили в тоты часы в философский камень. Королі, котрым вічно бракувало грошей, брали алхимиков на службу ку собі, в надежді, што они придумают, як зробити золото. А штобы придворный алхимик не утік к другому королю, його звычайно держали замкнено, як плінника. Бывало, што королю надоіло ждати обіщанных богатств, и он приказувал усмертити несчастного ученого. Ци в насмішку, ци в знак особливого почтения к наукі, алхимиков вішали не на звычайной, а позолоченой шибениці.

Но при таком гляданию неистнуючого философского каменя алхимикы часто натыкалися на другы вынаходы. Так было и с Бетгером.

Йому было всього 14 літ, коли он случайно нашол рукопись о философском канени, в котрой повідалося о том, як робити золото. От того часу Бетгер о ничом другом не мог думати. Може быти, он бы и не стал алхимиком, єсли бы у него под руками не

было лаборатории: Он служил учеником в аптекі. Кажду ноч, коли аптекар Цорн ишол спати, його молодый ученик брался тайком за свои алхимичны пробы.

Якоси раз, коли он занурился в свою роботу, отвераются двери, и господин Цорн в халаті и ночном колпаку вошол в аптеку.

— Што ты ту робиш, ничгоде? Як ты сміл без дозволу взяти такы приряды? Цілой твойой платы не хватит, штобы заплатити за єдно начиня, єсли ты го розобьеш!

— Я робю золото, — отповіл покорно Йоганн.

— Золото? Ах ты, злодію! Ты бы ліпше научился як треба робити липкий пластыр. Мі непотребны алхимикы, а аптекарскы ученикы. Заберай свои манаткы и марш дому. Повіч отцу, штобы он выбил с тебе тоты глупости.

Смутно шол Бетгер дому, несучи на плечах мішок с паром залатаных порток и кошуль и дорогоцінном рукописьом, котра обіцувала му богатство и славу.

Дома встрітили го непривітливо. Хотя його отец был чеканщиком монет, в родині Йоганна рідко даколи мож было найти збыточный грош.

Не перешло и пару місяцев, як нужда заставила Бетгера вернутися к Цорну. Он мушеный был дати слово, што он николи больше не буде заниматися алхимиом. Но алхимика так тягло к алхимии, як картяра к картам.

Бетгер знов взялся за свои ночны опыты, но тепер ліпше стерегся. Але и Цорн го ліпше подстерегал. В одну несчастну для Бетгера ноч аптекар знов поймал го на місті проступка и, не слухаючи ниякых оправданий Бетгера, выгнал го з аптекы.

Бетгер был в роспукі. Вернутися дому он не хотіл.

Но ту судьба змилосердилася над бездомным алхимиком. Случайно он познакомился з богатым вельможом — князем фон Фюрстенбергом. Узнавши о алхимичных пробах шестнадцетлітного ученого, князь взял го ку собі в палату и устроил му правдиву лабораторию.

Бетгеру повезло. Його оділи в прекрасну одежу, дали му грошей, посадили в богату квартиру. Цорн, котрый довідался о том, оповідал всім, хвалился, што його ученик стал знаменитым алхимиком. А люде му отповідали, што у такого доброго учителя, як Цорн, не дивно научитися всякой премудрости.

Но рокы шли один за другым, у Бетгера почали пробиватися усы и борода, а из його опытов ничого не выходило. Князь, котрый спочатку был з ним ласкавый, почал подозрівати, што Бетгер просто ошуканец, крутар. А за таке крутарство тогды карали тяжко.

Бетгер пробувал утечи, но його поймали и силом примусили продолжати роботу. Коли он служил в аптекі, його карали за то, што он занимался опытами, а тепер йому грозили суровыми карами за то, што он не хотіл заниматися опытами.

В концу от Бетгера зажадали, штобы он на писмі выложил свой способ робити золото. Ту йому направду треба было стати ошуканцем. Он написал замысловате и дивне сочинение, котре от початку до конца была лем выдумка. Но йому не удалося одурачити князя. Обман был роскрытый и по велінию короля Бетгера посадили в тюрьму.

Тепер Цорн уж не хвалился своим учеником.

— Я все говорил, што Бетгер ошуканец и злодій и што он кончит на шибениці, — запевнял аптекар своих покупателей, котры ище недавно слышали от него похвалы для свого ученика.

Но, на счестья, Цорн знов помылился. Бетгеру знов повезло. У него нашолся новый покровитель — граф Чирнгаузен. По совіту графа, король предложил Бетгеру найти способ выробу порцеляны (фарфора), котра тогды цінилася дороже золота. Незадолго до того король Август отдал прусскому королю цілый полк войска за китайский порцеляновый сервиз из 48 кусов.

Пробы удалися. Бетгер выробил из мейсенской глины фарфор, правда, не білый, а барнястый.

Бетгер был щедро награжданный, но на свободу його не выпустили.

Способ выробу фарфора был объявленный державном тайном. Бетгера и його трьох помочников держали под стражом, як преступников.

Спочатку порцелянову посуду мож было видіти лем в палатах. Саксонский король посылал мейссенскы вазы в подарок другым королям. Но в 1707 року порцеляна появилася первый раз на маркеті — на Лейпцигском ярмаку. В замкі Альбрехтсбург в Мейссені была устроєна велика фарфорова мануфактура. Ту Бетгеру удалося наконец выробити білу порцеляну.

Мейссенска посуда, котру легко познати по заводскому знаку — двох скещенных мечов — прославилася скоро в цілом світі. Отружнити єй от правдивой китайской (чайны) было дуже трудно.

Много літ прожил Бетгер в Мейссені в замку, як плінник. Йому давали всьо, кромі свободы.

Он был уж немолодым чоловіком, коли знов хотіл утечи. Для того он начал тайны переговоры с прусским двором.

Біжати йому не удалося. Переговоры його с Пруссиом были открыты, он был арестованый и засужденый на смерть. Но ту знов його ждало счастье, уж послідне: он умер в тюрьмі и так вымкнулся от шибеницы.

ШКЛО

С чого вырабляют шкло? Шкло вырабляют с піску, из самого звычайного піску. Тоты шклянкы, бутылкы, котры вы видите, зроблены с піску. И не лем шклянкы и бутылкы. Тепер цілы великы будовы робят зо шкла и желіза. В Лондоні, напримір, єст огромный дом, котрый так и называтся: "Шклянный дом". Он так высокий и обширный, што віковы дерева в його галях выдаются, як на открытом місті. И тота огромна будова стоит и не россыпуєся, хотя она побудована на половину из піску.

Коли робят звычайне фляшкове шкло, пісок кладут в горнец, додают соды и креды и ставят в специальный пец. Горнец мусит быти из огнеотпорной глины, т. є. с такой, котра не плавится от сильного жара.

От высокого горяча всі три материалы — пісок, сода и креда — зварюются разом. Выходит в конці росплавлене, плынне, як вода, шкло.

Но шкло лем на око подобне на воду. Коли оно остыват, оно веде себе совсім не так, як вода.

Єсли воду охолоджувати, она буде оставатися плынном, покаль температура не упаде до нуля. А як лем ртуть в термометрі опустится до нуля, вода замерзне — оберне-ся в твердый лед.

Совсім не то дієся с плынным шклом. Охолоджуючись, оно густіє дуже помалы, при 800 степенях оно становится тягучым, потом оно стає, як мягке тісто, а потом аж твердне в шкло, яке мы привыкли видіти. Но определити, при якой жарі шкло плавится и кол оно твердне, не мож.

Вот потому дуже часто шкло называют "твердым плыном", хотя с первого взгляда тота назва здаєся так глупа, як біла саджа або горячий лед.

ФАБРИКЫ МЫДЛЯНЫХ БАНЬОК

Говорят: куй желізо, покаль горяче. Про шкло мож было бы сказати тото само: дуй шкло, покаль горяче, покаль оно не стало твердым и крехкым.

Но вы, може быти, и не знате, што большу часть шкляных выробов выдувают — так само выдувают, як діти выдувают мыдляны банькы. Лем заміст соломкы берут долгу трубку з деревяным мундштуком. Послі того, як зварене в горшку шкло простыне, роботник наберат кусок шклянного тіста на кончик трубкы и дує. Выходит шклянна банька.

Из той банькы мож зробити всьо, што хоче: шклянку, погарик, бутылку, даже плоску оконну шибу. Приміром, треба зробити бутылку. Робочий вкладує баньку в форму и дує в трубку до того часу, покаль банька не заполнит форму бутылкы. Коли бутылка остыне, єй легко выбрати; для того форма розъємна. Розуміеся, перше треба отрізати бутылку от выдувной трубкы. Штобы то зробити, старчит провести по горячой шийкі бутылкы холодным прутом.

Выдувание шкла — робота тяжка и шкодлива. Длятого на многых заводах, особливо для выдувания великых предметов, корыстуются не людскыми легкыми, а воздушным насосом — механизмом. Літ двадцет тому назад вынашли машину для выдувания бутылок. Тота машина, котром оперує двох робочых, працує за 80 роботников. Она вырабят 20,000 бутылок денно.

Штобы зробити шкло больше тревалым,

його долго выдержуют в специальном пецу, где оно остыват дуже поволи.

Дорожше шкло ище до того гранят, шлифуют и полируют. Часто, вмісто того, штобы выдувати предмет, потом гранити и полирувати, то отливают шклянный предмет, як с чугуна. Тоже пресуют, єсли шкло легко розмягчуєся при нагрітю. Лятый або прессованый шклянный предмет легко отрижнити от граненого — у первого всі углы тупы, а у граненого остры. Гранены шклянны предметы дорогы, ляты дешевы.

Великы зеркальны шкла тоже не выдувают, а отливают. Выходят великы и грубы пластины, котры потом шлифуют и полируют.

Шклянны предметы рижнятся не лем оброблением. Доброта шкла зависит и от материала.

Напримір, зелене фляжкове шкло вырабляют из простого жолтого піску, соды и креды. В звычайном піску много ржавчины, котра го забарвлює на жолто. В шкло-плавном пецу жолта барва переходит в зелену. Значит, зеленовата барва шкла — то знак, што в шклі желізо.

Для білого шкла треба білого піску. А для выробу найліпшого шкла треба чистого білого піску, а вмісто соды — поташу, вмісто креды — вапна або сурику. Из такого материала выходит тяжке, блестяче шкло, як диамент.

ШКЛО, КОТРЕ НЕ ТРІСНЕ

Из чого бы не робили шкло, без піску не обыйтися. Давно уж тото знали, но пісок нияк не могли росплавити. То удалося всего около 30 літ тому назад. Оказалося, што посуда из росплавленного піску, або кварцу, о много раз тревальша шклянной: єй мож роспечи до червена и потом класти в холодну воду — ничого єй не шкодит. Покаль тота кварцова посуда дуже дорога, бо для плавления кварцу потребны електричны пецы, котры берут много енергии.

Кварц — то шкло будущого.

ИСТОРИЯ ЗЕРКАЛА

В старину, коли шклянных зеркал ище не было, богаты люде взералися в металличных пластинках — из серебра або мішанины міди и олова. Но металличны зеркала на воздухі быстро тускніли и темніли.

Наконец догадалися, што металличный слой мож для защиты от воздуха скрыти под шкло — подобно, як мы тепер кладеме шкло на образы або фотографии.

Так вышло шклянне зеркало.

Долгий час зеркало робили так: на кусок шкла накладали лист оловяного папера и зверху наливали ртуть (живе серебро). Ртуть ростворяла олово и мішалася з ним, и тота мішанина кріпко прилипала до шкла.

Ученый Либих вынашол другий способ. На шкло наливают роствор серебра. Серебро постепенно осідат и за яке пол годины покрыват шкло блестящым налетом. Потом для тревалости задню сторону зеркала покрывают фарбом.

Серебро ліпше от ртути, бо раз зеркало выходит яснійше, а друге — ртуть ядовита.

Видиме, што выроб зеркал не так уж трудный, а меж тым літ триста тому назад зеркала знали вырабляти лем в одном місті — Венеции. И способ выробу зеркал венецианцы держали в тайні. По тамошным законам смерть грозила каждому, кто посміл бы открыти иностранцам секрет зеркального выробу. По приказу венецианского правительства всі зеркальны заводы были перенесены на остров Мурано, где иностранцев не пускали.

Даколи на том острові было сорок великых заводов, в котрых працувало пару тысяч роботников. Лем в єдну Францию вывозили 200 скринь зеркал каждого року. Ту вырабляли не лем зеркала, но и другы шклянны предметы, котры славилися в цілом світі.

Шклянны майстры с острова Мурано мали специальны привилегии в Венецианской республикі, подобно шляхті. Островом управлял совіт, избранный самыми шклянными роботниками. Полиция республикы, котрой боялися всі венецианцы, не мала никакой власти над жителями Мурано.

В одном только их свобода была урізана. Под страхом смерти им был забороненый выізд в чужы краи. Смерть грозила не лем біглецам, но и их фамилиям, оставшым в краю. Но и так венецианцам не удалося сохранити свойой тайны.

Якоси раз французский посол в Венеции получил из Паржа секретне писмо. Писмо

было от всемогущого министра Кольбера. Послу приказували найти дораз роботников для новой королевской зеркальной мануфактуры. Мануфактурами называли тогды великы мастерскы, котры рижнилися от маленькых лем числом роботников. Машин тогды не было.

Посол знал, як трудно было зманити робочых с зеркального завода в Мурано. Он знал венецианский закон: "Єсли шклянный роботник перенесе своє ремесло в другий край, то йому буде посланный приказ вернутися. Єсли он не послухат, то його родны будут заперты в тюрьму. Єсли он и тогды не захоче вернутися, будут посланы за ним люде, штобы го убити". А хотя бы и удалося заманити майстров, то як скрыти сліды? Таж послу не мож нарушити законы того краю, в котрый он посланый.

В тот сам вечер к будові французского посольства на берегу канала подплыла лодка-гондола. Из гондолы вышол чоловік, закутаный в чорный плащ. Он забавил пару годин у посла.

От того часу тот чоловік заходил тайно частійше во французске посольство. Был то дробный торговец из острова Мурано.

О чом говорили французский вельможа и дробный торговец — никто не знає.

Извістно лем, што через неділю-дві курьер французского посольства повез Кольберу писмо, в котром посол писал, што штыри майстры згодилися утечи во Францию и што всьо готове для утечы.

Прошло ище пару неділь. Была темна ноч, коли ку острову Мурано тихо пристала барка з 24 вооруженными от ног до головы людми. Из темноты вышли штыри люде, котрых провадил знаный уж нам торговец. Пару слов с той и другой стороны, штыри люде всіли и барка рушила, уносячи штырох венецианских майстров шкла в далеку Францию. А дробный торговец вернулся дому — з мішком 2000 ливров.

Коли в Венеции узнали о утечи зеркальных майстров, они уж были в Парижі и працували над выробом зеркал Дармо венецианский посол старался довідатися, где они находятся. Их скрыли так добри, што найти их было невозможно.

Но штырох майстров было мало. Прошло пару неділь, и друга партия майстров — знов штырох — утекла из Венеции под самым носом у береговой охраны.

Венецианске правительство, недовольне своим послом в Парижі, котрый нияк не мог дознатися, где находится королевска мануфактура, назначило нового посла — Гвистиниани.

Гвистиниани скоро нашол біглецов, котрых йому удалося призвати ку собі. Йому удалося дакотрых уговорити вернутися в Венецию.

Но Кольбер тоже не спал. Он старался всіми силами удержати майстров у себе. Их поселили в палаті. Грошы платили огромны. Оточили их выгодами. Их фамилиям, котрым грозила смерть, помогли утечи из Венеции.

Дармо Гвистиниани давал пребачение и по пят тысяч дукатов каждому майстру, абы лем вернули. Они не хотіли покинути Париж, где им жилося прекрасно. Майстры уж и забыли о страшном законі, котрый грозил им смертьом.

В январі 1667 року, через полтора рока послі приізда во Францию, помер несподівано найліпший з майстров. Через три неділи умер другий, котрый был специалистом в выробі зеркал. Докторы открыли, што они были отравлены.

Майже в тот сам час в Венеции были арестованы и убиты два майстры, котры хотіли біжати во Францию.

Страх охватил майстров на королевской мануфактурі в Парижі. Они почали проситися дому. Кольбер их не держал: всі их секреты по выробі шкла, специально зеркал, были уж знаны французам, а венецианским майстрам треба было много платити. На королевской мануфактурі робота шла без остановкы. В королевских палатах и в дворцах богатых французов появилися зеркала во Франции выроблены.

Придворны дамы пудрувалися пред новыми французскыми зеркалами. И ни єдной з них не привиділося в зеркалі лице венецианского майстра, котрый зробил зеркало и был зато отровленый...

ЗО СТАРОГО ЖИТЯ

СЕЛО ЯКУБЯНЫ

(СПИШ)

Село Якубяны на Спишу — далеко и широко знане, не лем на Спишу, не лем на Пряшевскоій Руси, але на Подкарпатскоій, и в Галичині, бо то єдно з найбольшых карпаторусскых сел. Якубяны числят поверх тысяч нумеров.

Село Якубяны лежит в котловині, як прекрасна дитина в прекрасноій природноій колыскі меж прекрасными богатыми природно верхами. От востока буковый и лісковый Мартинец, на полудне высока спичата Кичера. Пастух, штобы дознатися, ци уж полудне, то обернулся тварю до Кичеры. А як свою тінь легко прекрочил, то уж знал, што полудне. А кто вышол на верх спичатоій Кичеры, то увиділ в найбольшу літню спеку снігом покрыты высокы Татры, виділ прекрасны вічно зелены Карпаты, Стару Любовню, Камюнку, Орлов, Люботыню, Чирч, и гет далеко Попрадску долину, по котроій вилася чудесна ріка Попрад, єдина ріка в світі, котра пресікат хребет великых гор.

На запад солнца Лысинка, Яворинка и Чертиж. На сівєр ку Галичині прямо на Старе Місто (Старый Санч) долином Попрада, где якубянцы ходили коні купувати. Добра дорога веде том долином и чиста горска вода сходит зо всіх сторон до Попрада. Кол ві тер от Галичины подуват, чути клекотаня сельского млина с той стороны.

* * *

Яке старе село Якубяны, то я не знам, бо до документов я не заглядал. Я вышол на емиграцию, яко молодый сельский хлопец, где мі там тогды тото в голові было! Знам я о своіом родном селі лем тото, што єм запамятал з вечурок, што стары люде оповідали, або хлопи при роботі, пастухы при статку. Чом называтся наше село — Якубяны? Повідали, што заложили го на "св. Якуба", што на того святого польский пан там людей посадил. Бо даколи наша спишска земля належала до староій панскоій Польшы. Польский король с панами торгували том земльом и людми з мадьярскыми кралями и грофами.

Єст з давен-давна и фамилия Якубянскых в Якубянах. Видно, што того Якубянского польский пан, ци король солтысом зробил над своими панцизняными хлопами. То была найбогатша фамилия в Якубянах, и назвали єй Графиками, то єст, як бы маленькы грофы. Тот График владіл в Якубянах великым маєтком пред 100 роками.

За водом от Якубян, ку востоку, мало быти село Стефановцы, котре мало быти заложене на св. Стефана, певно мадьярскым паном. Але тото село пропало.

Тепер якубянскыми ялицовыми и смерековыми лісами владіє панска фамилия Пропснеров, німцы, што купили тот маєток от польскых панов, здаєся Замойскых.

В Якубянох копали даколи руду, но не в майнах, а так зверху. Повідают, што с тых там руд на Спишу выливали звоны. И якубянскы звоны мали быти выляты в Якубянох с той спишскоій руды, звоны по имени Адам, Осиф, Йоан и Ева. Но всі тоты звоны забрал потом австрийский кайзер на кононы в світову войну. Топили тоту руду в Якубянах, недалеко, где тепер стоит корчма и муры. Тото місце звалося Маса. Топлену лятину возили в Гамры, где тепер стоит машина до різаня дерева.

Чом перестали копати и топити руды, то я не знам, але думам, што не оплачалося

панам при модерной индустрии. Німцы Пропснеры, вміcто руды, взялися до ліса, бо панам почал оплачатися ліс ліпше. Модерна пила різала дерево на дошкы, котры отвозили ку желізной дорогі до Орлова, откаль везли в світ.

Угля на Спишу так само на верху, но не свободно никому рушити, бо то панске. Вы, якубянскы хлопцы, ідте далеко в Америку копати угля, а в Якубянах не руште, бо то панске.

Коли якубянцы отрабляли панщину, то мали и для себе дост добры поля и лукы. Они были панскы, но пан давал хлопам, абы могли жити и на панов робити. А коли панщину закасували, то паны страшно хлопов ошукали, дали им найгоршы поля, а собі взяли всьо, што добре и всі лісы. Инженеры так ділили, як паны хотіли. Лем два братя нашлися в Якубянох, што не дали ошукати себе, не уступилися с Чершлі, прекрасной лукы. Коли пришли панскы инженеры им отберати, то они оба с косами за нима, и не допустили на свою луку. Пан не хотіл с того робити клопоту, бо боялся, штобы другы газдове не взбунтувалися против него, но и так остало. Так што тым двом остала прекрасна лука, а другы газдове скрепталися по своих головах з долгым волосом, што далися пану так ганебно ошукати.

* * *

В 1903 року згоріла якубянска церков, и 25 газдом будинкы. А и на той згореной церкви, котра стояла 107 літ, якубянцы мали старый долг у пана. Пан был, як то водилося всяды, патроном церкви. Но то был такий патрон, што як селяне не мали грошей на будову, то он им пожичил, а взял в заклад от якубянцов прекрасну долину — Нижний Порач. Селяне вернути грошы не могли, так што тота прекрасна земля остала при пану. Такий то пан был патрон.

* * *

Якубянцы працували в лісі, возили дерево. Но пан платил дуже мизерно — от фуры дерева 80 грайцаров, а як заплатил папірка, то єст дві коруны, то уж мусіла быти паробска фура. Роботнику при пилі платил от 25 до 60 грайцоров, коли я был дома в 1903 року, треба было працувати от 4-ой годины рано до 8-ой вечера, то єст 16 годин. Потом пришло улекшиня — робили от шестой рана до шестой вечера, то єст 12 годин.

То было бідного народа житя. За 25 грайцаров, на американскы грошы 10 центов, треба было бідному чоловіку працувати 16 годин. Уменьшили годины на 12 годин аж тогды, коли народ почал горнутися в Америку на емиграцию.

Єдна бідна вдова носила 16 годин каждый день на плечох дырва до пеца при пилі, бо пила была парова, за 30 грайцаров. Дробных дітей у ней было четверо и они мушены были сидіти сами дома без материнской опікы, выходила она в ночи и приходила в ночи до дому о 9-ой годині. С тых 30 грайцаров єй треба было накормити и приодіти себе и діти. У пана миллионы, а бідна жена працує на него за 30 грайцаров.

Мали мы в селі "просвітительох", но тоты "просвітители" не дбали о бідный народ, они шпекулювали, якбы то с тых 30 грайцаров, што вдова заробила, хоц 15 для себе взяти. И вдова с тых 30 грайцаров ище занесла пану превелебному.

Коли я вспомнул за пана превелебного, то вспомну єдного, што помер, як я ходил перший рок до школы. Тот пан превелебный програл свою жену в карты, то потом обходился газдыньом. Який то был "побожный" поп на старость, то ту подам примір: Пришол до него сповідатися єден старик и повідат, што на Макавея напился молока. А поп як скочит на него: "Воліл єс чорта выпити, як молока в такий великий пост!" Потомо тот старик добри з розума не зышол, як он тяжко согрішил. Тот пан превелебный назывался Тизети. Такий был мадьярон, што и на мадьярске своє назвиско перемінил.

* * *

Мали мы в Якубянах и сельский кооператив-склеп. Говорили нам поп и учитель, што треба зо села выкурити жидов, котрых было пят фамилий и жили с торговлі. Но але може каждый знати, як кооператив може розвиватися под руководством панов, котры хотят быти капиталистами с працы народа. Найперше поп Криско и учитель Такач брали, сколько хотіли из того нашого кооператива, а не платили, ани записувати не казали, што взяли. Товар до склепу брали на кредит. А час иде, рок за роком,

приходит час, што мушено и платити за товар. "Гару-гару — ни пінязи, ни товару." Но пан превелебный не дармо ходил до школы. Он лем думат, якбы сам выйти з біды, як бык без рогов з ярма, а што буде з людми, то што його обходит.

Єдного дня казал пан превелебный закликати двох газдох, людей побожных, и гварит им так:

— Я вас ту закликал на добре діло. Пишут мі з Будапешту с краинского товарного складу, што єсли наш кооператив буде брати от них товары, то они нам дадут в дарунку прекрасны золотом вышиваны праздничны ризы...

Розуміеся, што набожны газдове на такий проєкт з радостьом пристали. Золотом вышиваны ризы! Та кто бы не пристал! А пан превелебный мал уж приготовены папери до подпису. Подставил газдам. Газдове подписали, бо то на ризы, и пошли дому барз задоволены.

Но ту о 6 місяцов приходит Янкови писмо зо шпаркассы, абы заплатил процент от 7 тысяч корун. Янко подумал, што то там в той шпаркассі ся им дашто поплело, тай писмо шмарил. Таж он ниякы тысячы зо шпаркассы не брал. Але ту приходит и позов до права, до орсацкого. О, як уж орсацкий кличе, то треба идти. Приходит Янко до орсацкого, а орсацкий звідуєся Янка:

— А вы, Янку, чом процент от пінязи не платите, што сте пожичили зо шпаркассы.

— Я не пожичал ниякы грошы — гварит Янко.

Орсацкий показує Янкови вексель:

— А то чий подпис, Янку?

— Та мой, пане велькоможный.

Тепер аж Янкови засвітило в голові, што то певно тогды он подписал, як подписувал на золотом вышиваны празничны ризы. Гварит Янко — так и так. Но Орсацкий повідат, што то нич не поможе, ту стоит чорне на білом, што вы сте поручили за вексель Миклоша Такача, учителя, на 7,000 корун, а за другых 7.000 ваш сусід. А што учитель не може платити, то вы оба 14,000 корун заплатите, а потом собі, як хочете, можете подати до суду учителя, што он вас скламал.

Пана превелебного ту нич тото не тычилося, бо його ни на векслю не было, ни нияко-го свідка. Так газдове мушены были заплатити. Подали до права учителя. Право тяглося долго, до войны не покончилося, аж по світовой войні за чешской влады. Газдове выграли. Учителю продали єдну велику луку и звернули газдам по 7,000 корун. Но то уж не тоты коруны были. Тамтых корун было 5 за доллара, а чешскых 100, а потом 35.

* * *

Ей, бо то добри было пану превелебному жити в Якубянах! Што мал найліпшой землі, лук, ліса! И то вшитко люде задармо обробили, заорали, посіяли и зобрали, привезли до стодолы. И не лем с попового поля, але привозили ище зо свого бідного урожаю. Двадцет газдовскых фамилий жило бы с того, што попу лем с поля привозили. А ту и плаца от державы, и доходы. В Якубянах каждый день похорон был, а крестины, а весіля. Лем пан превелебный крочнул, то собі казал добри платити.

А што до школы, то школа у нас, на таке велике село, была лем єдна. По 300 дітей приходило до єдной кляссы. Та хоцбы был и добрый учитель, то бы му трудно было научити дачого столько дітей в пятьох кляссах. Аж потом газдове зробили другу школу с корчмы, то уж было двох учителей, но тоты учителі были церковны, то больше пильнували умершых, як дітей в школі.

Коли пришла асентирка, то из Якубян по триста рекрутов брали. Як уж вертали с Подолинца, то страх было, на каждого нападали, корчмы рабували, жидов били. Но им всьо было пребачено, бо они уж были "діти Франца Осифа". То была тота панска мадьярска культура. Тоты нашы темны хлопці не розуміли того, што они идут оброняти того пана Пропснера, што платил по 25 грайцаров за 16 годин роботы. Тых нашых дітей учили так, што каждый з них має убити по 10 москалей.

Нич дивного, што паны старалися о то, штобы по нашых селах панувала якнайбольша темнота, кажде село отдали под диктатуру єдного пана превелебного мадьярона, а тот уж лем того ся учил, як народ в темноті держати. Народ вірил в чары и страхы. Коли люде посходилися, то не было другой бесіды, лем о попах, чарах и страхах.

Приходили люде на вечуркы, то як стары хлопы и жены почали росповідати о босор-

ках и страхах, то нам, дітям, аж волосы на голові ставали: єдна чула, як дитина плакала, што померла некрещена, як просила ксту, друга о босоркі, што на кочергі понад селом літат и заходит там, где ся має корова отелити, кому молоко отберат. Против такых чарох и страхох лем свячена вода и свячене зіля помагат, лем пан превелебный може помочи. Но и народ тому всьому вірил. А то всьо было в интересі панов, бо над такым темным перестрашеным народом они могли панувати и выкорыстувати го на всі стороны.

Припоминам собі не єдну пригоду с такыма страхами, но трудно всьо описувати. Але ту опишу єдну пригоду з великым страхом, што ходил зо світлом по Шамбронской горі. Тота гора належала до Якубян, але была при Шамбронском хотарі, то єй так назвали. Так єдного року в децембрі ночном пором почало на той горі появлятися світло, якбы даякий великан з ясным світлом по горі ходил. Были остры ясны морозы, чистый воздух, далеко было видно. Лем раз єдного вечера рознеслася по селі новина, што якийси великан ходит зо світлом по Шамбронской горі. Люде збіглися коло нашой хижы, бо от нашой хижы тоту гору было найліпше видно. Так, ходит ктоси по вершку горы зо світлом. И то ходил пару вечеров. Перше того страха николи не было. На штоси зле ворожит тот страх. Лем почало темніти, уж гурма народа коло нашой хижы. Люде спремерзали, лем им зубы звонили, но каждый хотіл того страшка видіти. Потом показалося, што то была ясна звізда, котрой на тот короткий час выпала небесна дорога понад Шамбронску гору.

Тоты, што жили в Якубянах послі світовой войны, то опвідают, што як якубянскы "воякы" повертали до дому, єдны з русской, другы с тальянской неволі, але особливо з русской, бо там их было найбольше, и то вельо з них вернуло чехословацкыми легионерами — то дораз взялися робити в селі "порядок" и свою "справедливост". От чого почали? А почали от того, што взялися судити жены, котры не были вірны своим мужам в часі войны. Кто там може знати, котры вірны не были, но але єдну знали, бо придбала потомка. Што з ньом зробити? Єдны радили, што треба єй повісити. Але другы кажут, што то была бы легка смерть, треба найперше жену мучити. Єден, што был в пліну в России, каже, што так треба з ньом зробити, як робили с таком женом за царя в России, бити єй корбачами. Другий каже, што ліпше буде замкнути єй до гарешту и не дати єй істи, най помре з голоду. Но єден нашолся меж ними розумнійший и каже, што найліпше буде почкати на єй мужа, мы не маме права, мы ся з ньом не женили. Так спас жену от смерти.

Пришла чехословацка власть и дораз з ньом пришли учителі, были росширены школы, всі діти обовязково мусіли ходити до школы, так што в том молодшом поколіню зашла уж велика зміна, молоды люде уж можут читати и писати.

* * *

Пред 80 роками житя в Якубянах было дуже трудне. Село было замкнене в собі, заробков не было ниякых, поле ділили и переділювали. Улекшало аж с открытием емиграции в Новый Світ, в Америку. Первым из Якубян осмілилися выіхати в Америку Раш. То было його друге мено, першого мена не памятам. Ціле село за тым чоловіком плакало. Но коли люде довідалися, што он уж в Америкі, почали по єдному емигрувати дальше. И мой старший брат выіхал пред 60 роками. А в 1900 року уж было веце якубянцов в Америкі, як в Якубянах.

От того часу уж ліпше было в Якубянах жити, бо раз поля для газдов оставало больше, уж не мушены были так ділити, а подруге з Америкы родны родным помагали, присылали грошы, люде позбывалися долгов.

* * *

Якубянцы жиют найбольше зо скотоводства. Выпасают грубый рогатый скот и овцы. Мало в селі такого газды, котрый бы не мал увечок. Літом всі овцы в селі бере бача. В Якубянах было двох такых бачов, котры брали на літо газдовскы увечкы на контракт. От каждой дойкы давали газдам по 13 до 14 фунтов сыра. Такий бача має до помочы по 5 и веце хлопов, котры помагают му ходити коло великого стада, пасти и доити.

Для бачы остає не лем часть сыра, але и добру отаву продає с кошарискох. Місце, где стадо ночує, бача часто, майже каждый день мінят, так што запрогноит великы лукы, и на тых луках росне прекрасна отава. Тоту отаву бача продає потом газдам за добры грошы.

Из увечок газдове мают не лем сыр, с котрого каждый выраблят бриндзу, але и волну, котру сами прядут и вырабляют домове сукно, с котрого шиют собі теплу одежу.

Хліб родится слабо, пшеницу дуже мало дакто посіє. Сіют жито, ярец, овес — садят грулі и капусту.

СМІШНЫ ПРИГОДЫ

В Якубянах так вірят, што як мертвого вынесут з Якубян через границу, то на село мусит придти даяке несчестя — град, злива, засуха. И потому з Якубян не позволят вынести мертвого.

Працувал єден роботник от Нового Санча из Галичины в панском лісі и встрітило го несчастя, дерево го привалило и он помер. Так привезли го до села, скочанілого, бо то была зима, то покойный замерз цалком. Внесли го до єдной хижы, положили на лавку лежати. В хижі было тепло, так што небощик загрілся, розмерся и упал з лавкы на землю. Якубянцы так ся пострашили, што всі с хижы поутікали, а небощика самого на землі охабили. Аж за даякий час успокоилися, што вернули дохиж.

Як якубянцы убили медведя

Якубянцы возили в зимі пану дерево до пилы. Двоме братя, Петро и Янко, приіхали до ліса, зложили дерево на сані и Янко поіхал з деревом, а Петро остал готовити на дерево, абы мали готове на другий день. Заганят Янко коні, смотрит, а ту на пути лежит медведь. Што робити? Выпряг Янко коні, сіл на єдного и вертат назад ку брату и другым фурманам, повідат им, што по дорозі встрітил. Коли уж шиткы фурмане мали дерево на санях, вйо, тай ідут разом. Приіхали, єст, лежит медведь. Што робити? "Кричме разом всі, може ся добровольно спряче!" — порадил єден. Почали кричати, гукати. И направду медведь встал и, затачаючися, пустился под дорогу до потока и вошол до воды, где вода была сперта, што в літі наносила всякого лому, то ся зробил банюр. Медведь перешол через тот банюр. Но што было морозно, то вода на медведю замерзла. Там за банюром были два дерева разом и медведь заложил ногу меж тоты два дерева так, што не мог вытягнути, а може зо слабости уж не мог крачати, бо знате, што в зимі медведь спит, а того ктоси збудил и так блукал наспаню. Коли то виділи фурмане, што медведь не може рушатися, позбивали сокиры с короткы топорискох, понакладали на долгы друкы и так медведя добили, бо и так мало живый был. Положили того медведя на фуру з деревом и привезли до села. Велика слава для села, хлопи медведя убили. На другий день положили того медведя на санкы и гайда до Старой Любовні, Гнязда, Подолинца, Кежмарку — показували світу, якы якубянцы добры хлопи, што медведя в лісі сокирами убили. Так заробили по пару дудков коло того медведя и славу для якубянскых хлопов, што медведя сокирами убили.

Петро Гузлей.

ДВА ВЫЗЫСКУВАЧЕ

(Село Білцарева, повіт Грибов)

Село Білцарева, грибовского повіта, єдно з найкрасшых лемковскых сел, славне своими садами и богатством садовины. Овочовы дерева так улюбили собі Білцареву, што и в лісі, в потоках вы могли найти солодкы черешні, а малин, черниц, ягод в ниякых лемковскых лісах столько не было, як в білцаревскых.

Из документов о Білцареві знаме, што в 1531 року Иван Трохановіч (сегодня Трохановский) купил от польского короля Жигмонта I солтыство Білцареву при помочы грибовского вийта Пеньонжка. Другий документ польского короля Яна III титулує фамилию Трохановичов уж Трохановскыми и шляхтичами.

На Лемковщині были великы королевскы и панскы лісы, королевскы послі первого розвалу Польшы перешли в австрийскы камеральны лісы, а панскы остали в руках поль-

ских панов. Такы лісы были и в нашой Білцареві. В 1820 року тоты лісы набыл даякий пан Гош, а по його смерти в 1886 року білцаревский панский ліс купили білцаревскы селяне. Но хотя ліс был уж их, громадский, а все ище го называют "панскым".

Того ліса єст за єдну четверту всей посілости села Білцаревы, и ліс прекрасный, богатый в дерево, паствиско, ягоды, малины, черниці и дику звірину, село може с того ліса мати великы доходы, но селяне не могли привести того маєтку до порядку и не знали так газдувати, абы вытягнути корысть для себе. Так што они оставалися лем все мизерно плачеными роботниками в свойом лісі, а корысти тягли вызыскуваче. Было их в Білцареві двох: торговщик-шпекулянт (єврей) и духовник. Тым людям в Білцареві жилося дуже добри, по-панскы, а селяне працували и бідували.

За примір возме малины. В громадском лісі мож было собрати тоны малин в сезонову пору, и жены, дівчата, діти зберали тоты малины. Но часто зберали до кошиков, вміcто до такого начиня, абы не протікало, так што часто найліпший сок подорозі до дому вытікал и малины тратили на вазі. Тоты малины они несли прямо до містного торговца, котрый им платил по 2 крайцари за фунт и сыпал до бочкы, а завюз до Грибова, то брал от 10 до 15 грайцари за фунт, то значит 5 до 8 раз брал больше, як сам платил. В часі сезону денно завюз до 400 фунтов малин, за котры заплатил 8 ринскых, а взял 40 ринскых и больше.

Так было и з деревом, з яйками, маслом, курятми, телятами, всьо то шло через рукы місцевого шпекулянта. Зато шпекулянт и його фамилия одівалися в шолкы и жили попанскы, діти ходили в місті до школы, а селяне и их діти ходили обдерты, босы и голодны, діти от маленкости працували и пасли, о школі ани мысли.

Другым вызыскувачом нашого села был місцевый духовник. Тот не лем вызыскувал, але и диктувал цілому селу, його єден голос значил больше не лем в церкви, але и в громаді, як голосы всіх газдов. Білцаровского "ксьондза" каждый знал на цілу околицу, бо он был не лем "ксьондз", але и великий "русский патриот", и адвокат, и з духами бесідувал, но и великий богач был, осмеро дітей мал, всіх вышколував, хоц и планно училися, а притом до банков капиталы зложил, десяткы тысяч, а всьо с того єдного села Білцаревы. И жили собі дуже по-панскы, на высоку ногу. Мене он крестил в 1888 року, а в 1913 року єм шол до Америкы, то мя послідный раз сповідал. Як на клебании жили, то я знам добри, бо наша хижа лем через воду от клебании была.

Он в Білцаревой был вшитко: настоятель духовный, начальник громады, жандарм, дорожник. Яко духовный настоятель сам в нич тото не вірил, што проповідал в церкви з религии. Он с того сміялся. Зато дер за похороны, весіля, крестины, службы божы, як ниякий другий поп на околицу. О каждом небощику знал, што ся з ним діє на другом світі, бо он выкликувал духов з другого світа. Так и кричал в церкви, што он знає, котрый білцаровян находится в небі, котрый в щистилищу, котрый в пеклі. Но переважно всі білцаровяне были в пеклі, лем єдного поляка душа, што ся повісил, мала быти спасена, бо полька ище екстра на службы божы приносила.

За похороны брал по 100 ринскых. Лем за похорон мого отца нич не взял, бо ся страшно на него заіл, што отец протестовал против несправедливости. Мого отца называл социалистом, и коли отец помер, то не позволил звонити, ани хоругви с церкви взяти, ани до церкви не впустил.

Коли молоды хотіли побратися, то мушены были идти на "науку" ко ксьондза. Но ниякой наукы им не давал, а казал робити на полю, або молотити.

Нияке засідание сельской рады або собрание громады не могло без ксьондза обыйтися, бо было неважне. Он уж знался добри с паном старостом и зо жандармами. Почту для села брал сам, отверал писма и читал, цензурувал.

Выбрали раз против його волі вийтом В. Горощака, молодого енергичного селянина, што знал своє право, порядок и дисциплину, и всю громадску власть от ксьондза одобрал. Гей, што то было! Выклинал го с церкви,

заклинал живым крестом, но нияк не мог с тым хлопом порадити.

Коли виділ, што дагде на людском труді може заробити побочно, то дораз ставал контрактором. Збурила вода дорогу, забрала мост, ксьондз уж голосился до староства, што он возме поправу на себе. Пришла комисия, отаксувала, тай дали ксьондзу грошы. А ксьондз нагнал до роботы своих парафиянов: Навозили каминя, дерева, поправили дорогу, а коли робота была зроблена, то єдного поклепал по плечах, другому всыпал до пригорщ кукурузы и повіл, што як тоту кукурузу посадити, то барз велика выросне, а грошы сховал сам, положил собі до банку.

На полі зробила вшитко громада. Селяне навоз вывезли, поорали, посіяли, покосили — жены позберали, компери посадили, окопали, выкопали. Так само дров навозили з громадского ліса, 12 сягов дров на опаль давала громада каждый рок. Нарубали, привезли, порубали на готове до пеца.

А кромі того в Білцаревой заховалася ище роковина, каждый газда приносил по пару снопов зерна, кажда газдыня великий роковый хліб, кромі тых хлібов, што газдыні носили в кажду неділю поста, в задушны суботы и на св. Николая. Носили хлібы з найкрасшого зерна, або с купчой мукы, бо то Богу на офіру. А у ксьондза іли тот хліб свині, коні, худоба.

Єдного року пришла на худобу в селі хворота, т. з, слинавка. Много худобы вымарнілося. Но ксьондз знал вытягнути и с того корысть. Почал кричати в церкви, што то божа кара зато, што люде мало на службы божы дают. Радил, штобы каждый газда приносил на службу божу перше теля от каждой коровы на хвалу божу, то слинавкы не буде. И подумайте, сколько то попу телят зо села пришло. И правда и то, што йому принесли, тото теля уж ся не слинило, бо го зарізали и зіли. То само было и с курами: абы ся куры несли, треба было носити яйка до церкви на молебен.

И "организации" в селі закладал: Заложил "братство" и "сестричество", каждый член платил по 5 корун членского рочно. За тоты грошы ксьóндз спроваджал свічкы, на котрых зараблял — а братчикы и сестричкы стояли с тыма свічками в часі отправы. З єдным мал клопот, бо хоц вступил до братства, але свічку тримати и стояти в ряді не хотіл, бо был дуже низкого росту, такий на звыш, як и свічка, то ся ганьбил.

"Єгомосць", "імосць" и их сынове грали великых аристократов, одежу для себе орде-рували аж в Кракові. Но зато єгомосць не мог смотріти, як селянин або селянка мали нову лаху. Коли на Матку-бижу посвячал коло церкви зіля, то лем позерал, где стоят жены в новых тыбетках, и змачал кропило аж по саму ручку, а шуст по новых тыбетках. Не-єдна жена зберала ціле літо грибы, малины, жебы си тыбетку купити, а єгомосць сплямил за єдну минуту брудном водом.

Сам себе и свою фамилию обложил всіма выгодами, взял село в свои рукы и сиділ в нем 35 літ, яко неограниченый никым диктатор. Бідны газдове были беспомочны, бо у него были ключы до земной и небесной власти. Наостатку приступил до будовы модерной мурованой плебании. Стара будова была ище добра, но он хотіл таку зо всіми выгодами. 23 тысячы мушено было бідне село зложити на тоту нову будову.

Раз мало я не стратил житя завдякы пустоті и легкомыслности попового сына и самого попа. Єден з його сынов здал який-си екзамен, тай мене выправил по него паром коней до поізду в Грибові. 'Панич" был пяный, взял от мене коні и гнал их так без милосердия. Звычайно з Грибова до Білцаревы треба іхати годину, а мы приіхали за 40 минут. Жене панич и через село и на мост, што провадил через воду на плебанию. Мост не вытримал. Коли зме были на середині, мост завалился, коні и брычка с паничом и зомном в воду. Вода у нас невелика, голый каминец в часі долшой погоды. Но на наше счестя тогды падал дощ и вода была больша, так што вмісто на каміня, мы упали до воды и не убилися. В чуда не вірю, но тогды сталося для нас чудо. Позднійше показалося, што мост был уж перегнитый. Так видите, село зложило попу 23 тысяч на нову модерну плебанию, а он не подбал столько, штобы поправити мост до той модерной плебании, што стояло бы парусто корун.

Поле в Білцареві не было таке планне, село было положене меж лісами, в котловині, ма-

ло поддостатком вогкости, лісы обороняли го от спеки и наводнения, а притом давали поддостатком подстілкы под худобу. Родилася озимина, овес, конич, а найліпше компери. Кромі того, як уж выше вспомнено, надзвычай родилася садовина. Люде з других сел, здалека с польских сел приходили в Білцареву за садовином. Но білцаревяне не знали с тым порядку, много садовины погнило. Не было кому поучити селян земледільства, садоводоства, лісоводства, скотоводства. Газдували так, як газдували діды прадіды. Правда, приходили до села поучны книжечкы О-ва им. М. Качковского членам того О-ва, но никто майже их не читал, бо старшы люде читали, и то лем дакотры, лем церковне писмо. Єгомосць нагварял, штобы стати членом О-ва Качковского, но не зато, абы люде просвітилися, лем абы он мог уходити за "патриота" во Львові. О то он не дбал, штобы селяне дашто знали, бо йому выгоднійше, як не знали нич: Темного легко вызыскати.

Итак, наше село Білцарева переживало ві-ками в темноті и нужді, найперше в старой панской Польші, потом под властьом австрийского кайзеризма, а 22 рокы тому назад попало знов под власть польских панов. Минувшого року попало под німецку фашистску оккупацию.

Много білцаревских селян выемигрувало за море, в Америку, подобно, як з других лемковских сел. В самой Білцаревой не было ани не буде добри жити, як долго она буде под чужом ненародном властьом, таком властьом, котра не буде дбати о народ, лем о то, як вызыскати тот народ, то єст така, котра даст народ в рукы такых вызысковачов и затемнителей, як тоты два, повыше описаны. Лем народна власть научит народ працувати для себе и жити по-людскы. И я твердо вірю, што в Білцареву, як и в цілу нашу Лемковщину приде така народна власть.

Я. А. Кобан.

КАЖДЫЙ РОДИТСЯ ЗО СВОИМ ТАЛАНТОМ

(Село Чорне, повіт Горлицы)

Каждый чоловік родится зо своим талантом, так и я родилася зо своим, лем не каждый чоловік має можность розвити свой талант, с котрым родился, и я належу до тых людей, што не мали можности покончити школы, абы розвити свой талант.

Хочу я вам оповісти пригоды из свого житя за дитинскых літ в краю, в мойом родном селі:

Запамятала я першу пригоду, коли мі было штыри рокы. Памятам, як пришол до нас старенький подорожный, и што он повідал. Было то в літі, як мои мама пришли с поля з роботы. Они варили вечерю, а я колысала дитину. Вошол до хыж старенький подорожный и сіл собі на лавці и почал на мене позерати. Но мама не любили, як чужы люде им на діти позерали, бо ся бояли, што дітом ся з очей стане. Я памятам, што коли до нас пришол даякий подорожный, то мя брал на рукы, а мои мама тото не любили. Так и тот подорожный смотріл на мене, як я бігала по хыжы, а потом мя взял за руку, коли я пришла близко него, и положил собі на коліна. Мама подошли и хотіли мя от него взяти, но он рюк:

— Успокойтеся, газдынь, я вам єй не возму, я вам лем хочу повісти, под яком планетом ваша дитина родилася и який має талант.

Погладил он мене по голові, попозерал по карку и гварит:

— Тота ваша дитина родилася под воєнном планетом. Коли бы она была хлопцом и покончила школы, то бы из ней был великий полководец, котрый бы выгравал битвы, где бы лем не воювал. Але же тота ваша дитина дівчатко, до высшой школы єй певно не дате, то она вам буде на доброй помочы на газдовстві дома, покаль не выіде в світ.

Итак, я была от самой маленкости на помочы мамі дома. А коли мі уж минуло осем літ, то мя брали на помоч и мои няньо, до поля до роботы.

Взяли мя перший рок зо собом ярувати. Они ходили за плугом, а я поганяла. И так ся им добри зомном орало, што ся не мог-

ли нахвалити. Повідали, што я так знам добри запровадити быкы, што нич им не треба плугом замітувати. Так мы весело поярували перший рок, што ани зме не знали коли, так нам легко яр перешла.

На другий рок няньо уж не хотят никого иншого поганяти, лем мене. Пришла яр, и я знов поганям.

А наш грунт был коло самой поповщины, и вышол поп посмотріти своє поле. Стал он коло нас и звідуєся, як ся нам оре. Няньо гварят, што барз добри, бо мают доброго погонича, што му так быкы ходят, як годинка. Поп посмотріл, як то мене быкы слухают и як мі ходят и покивал головом на мене.

На другий день поп вышол ку нам уж рано и гварит:

— Слухайте-ле, Василю, я мам два трирочны гачуры, котры ище не были запряганы, та я бы их хотіл выучити тягати, бо я их хочу до брычкы на выізд.

А няньо гварят:

— Та знате, єгомосць, што? Запряжте вы их найперше до плуга. Мате бандуркы садити, то их возте и запряжте до плуга и садте бандуркы.

И так зробил поп, як няньо му казали.

Запрягла я быкы до плуга и ореме з няньом, а за хвилю смотриме, везе и поп бандуркы зо слугом. Привезли бандуркы, а потом пошли по гачуры. Привели гачуры, запрягли до плуга, тай поп взял в рукы и кричит: вйо! Слуга тримат плуг в руках. Вйо и вйо, але гачуры ани руш. Вмісто вперед, та они взад. Взял их слуга в рукы, а поп за плугом: Вйо! Але гачуры як скочат, як торгнут попом, то поп на землі. Слуга выпустил плуг, а хватил за гачуры, и тримат их за вичкы, што силы. Успокоилися кус. Стал поп зо землі и знов зачинат поганяти, а слуга за плугом. Але гачуры як станут впацкы и шмарят собом, то аж вичкы поторгали и колечка поламали. Не можут собі нияк дати рады. Кухаркы стоят с кошиками, же будут бандуркы садити, а мусят дармувати. Поп шкрябе голову, и гварит, што тоты гачуры не будут робити.

Приходит поп ку мому няньови и гварит:

— Василю, тоты мои гачуры не хотят робити, и, як видно, то не будут робити. Повіч мі, што я з нима мам робити?

А пак каже поп жартом:

— Може ты, Василю, позволил бы мі твого погонича, може бы йому мои гачуры ходили в плузі, як єй быкы так добри ходят.

А няньо гварят:

— А вы, єгомосць, не смійтеся, бо и так може быти, што мому дівчату вашы гачуры будут ходити.

— Та но-ле спробуєме!

— Та спробуєме!

— Так я вам вышлю свою кухарку поганяти, а вы мі дайте свого дівчате — гварит поп.

— Най и так буде — гварят няньо.

И так няньо мя пустили. Слуга принюс другы колечка, подложил, дал мі гачуры в рукы. Я погладила гачуры по головах, поклепала по боках, и гварю: вйо Кася, вйо Маня просто бороздом. Идут просто. Дошли до конца, навертам, идут, як стары. И идут просто бороздом. А я лем бесідую до них, вйо Кася, вйо Маня. А они тото любят, слухают.

Не могли пречудуватися. Гварит поп:

— Но та лем посмотте, як той дитині коні ходят, а мене мало не убили!

И так мы зорали пару загонов. Коли пришло полудне, поп взял мя на обід и обідали мы обоє в його покою. Он барз был рад, што уж може тепер гачуры запрягати и до свойой брычкы на выізд.

А в неділю в церкви поп о той пригоді мал проповідь. Гварит, што каждый чоловік родится зо своим талантом. — Я, гварит, виділ того тыждня в єдной дитині такий чудесный талант. Мам я трирочны гачуры и я хотіл их научити робити. Запряг я их до плуга, но ни мі, ни мому слугі тоты гачуры в плугі ходити не хотіли, хоц мы их кормили, выховали, так што они нас знают. Цапкы нам ставали, вичкы поторгали, колечка поламали. А пришла осемрочна дитина и тоты мои дикы гачуры ходили єй, як діти. Ци не даный Богом великий дар, великий талант той дитині? Што бы с такой дитины могло быти, єсли она могла покончити школы и розвити свой талант?"

Так мя выславил в церкви. Але о то не старался, абы я могла покончити школу и розвити свой талант.

С. Т.

ПЕРША КОСА

(Село Баєровцы — Пряшевска Русь)

Коли мой отец вышол до Америкы, то я, його найстарший сын, мал 14 роков, и я остал уж, яко газда коло мамы и молодшых от мене пятеро дітей, двох братов и трох сестер. Было то в 1908 року, 2-го юня, як мой отец вышол в Америку, так што я уж мусіл думати, як ся до косы брати.

Так найперше треба было добру косу купити. Гварю я мамі:

— Мамо, мі треба добру косу купити, то я мушу идти до Плавец на ярмак выбрати собі косу, бо треба коничину косити.

Мати вывязала зо шматкы грошы, дала мі и я выбрался на ярмак купити добру косу. Пришол я на ярмак, позерам, где продают косы. Смотрю, а там хлопох купа, обступили кошы с косами и собі бренкают. Подхожу я ближе, стаю зо заду, бо наперед мя не пустили, тай призерамся, як они тоты косы выберают. Єден бренкат косом о камень, другий тягат свою по ногтю, третий тягне єй по своих зубах. Я иду ку тому, што косу по зубах тягне, думам, што тот певно найліпше знає выбрати косу, як он тягне по зубах, а не поріже собі язык або варгы. Думам собі, што того ся мі треба тримати, он мі добру косу выбере. А то ище и баровян был. Потягнул я го за рукав и гварю:

— Уйку, може вы бы мі косу выбрали...

А он каже:

— Та чом бы ніт, але мі мусиш паленкы купити.

— Най буде и так, уйку, вы мі выберте косу, а я вам кажу палюнкы.

Выберат уйко косу, тягат по ногтю и по зубох и о камин бренкат — выбрал.

— Тота для тебе буде — гварит.

Заплатил я косу и гварю:

— Но та тепер подте уйку до корчмы, то вам кажу палюнкы.

Пришли зме до корчмы, розказал я уйкови погарик палюнкы, але уйко пити не хоче, гварит, где моя палюнка. Мусіл и я собі палюнкы купити. Выпили зме, тай я звідуюся уйка, ци не иде ище дому. А он гварит, што цілый день ярмак, што он не иде, аж буде по ярмаку.

Иду я сам дому, тішуся свойой косі, тягам так по ногтю, як и уйко, бренкам по каминю, пробую и по зубах потягнути, але не можу вызнатися с того, як то мож познати косу, ци она добра, як потягнути по ногтю або по зубах, то лем уйко знає.

Пришол я дому, гварю матери, як то хлопи косы выберают и звідуюся, чом то косу по зубах тягнут. А мати повідат, што они так познают, ци коса мягка, ци тверда. Беру я зас косу, тай пробую зубами, ци она мягка, ци тверда. Мати на мя кричит, што собі гамбу поріжу, або язык отріжу. И правда, уж кров иде з гамбы. Але зато нич. Гварю, што я иду поклепати тоту косу. Мати гварит, што треба попросити даякого хлопа, абы мі косу поклепал, бо я не знам.

— Гей, не знам! Таж я нераз виділ, як няньо косу клепали.

Набил я косу на кися, взял на рамено и иду на поле косити коничину, а все ся озерам, ци то на мене дакто смотрит, што я уж такий хлоп, што иду косити. Вышол ку коничині, збил косу, нашол собі таке деревце, што єм забил до него бабку, збил косу с кисяте, сіл, тай клепу, и от часу до часу позерам, ци дакто не смотрит, як я уж и косу сам клепу.

Но але што ся стало. Я ту бю по той косі, а ту на косі сама лущка, остря покривлене, як несчестя. Взял, набил на кися, вытяг оселку, потягнул по косі, лем раз ся мі оселка зомкла с той покривеной косы, тай я пальцом по косі. Ліеся кров с пальца. Але и палец байка, лем жебы дакто не виділ. Озерамся, ци дакто не позерат на мя и не сміеся з мене, який я ту косар.

Збил я тоту нову косу, поламал и шмарил, а набил собі стару няньову косу. Аж том старом косом научился я косити, на ней научился клепати, бо стара коса так ся не лущкує, як нова.

Косил я коничину, а потом я ся лапил лукох косити. Пришло идти косити на горы. Вы знате, што на горах трава тверда, псярка, там треба мати силу и добру косу. Хлопи ся з мене сміют, кажут мі добри притискати. Я пристикам, што мам силы, а коса лем поверху втіче. Но помалу я и на горах привык и косил.

Пришло зерно косити. Ту уж было вельо лекше косити, а з вязаньом было тяжше. Гру-

лі копати зас лекше было. Але як пришло до ліса по дрова идти, то зас было барз тяжко.

Поіхал я раз з матірьом до ліса. Хотіли зме привезти єдного бучака. Но и не дай Боже го высадити на телігу. Пришол ку нам єден хлоп. Мати ся усміхат, што он нам поможе навалити того бучака, тай му гварит:

— Уєчку, мусіл вас ту сам панбог принести.

— Та є, — гварит.

— Но та лем нам поможте того бучака навалити на воз.

А хлоп гварит:

— Ты глупа, та то ани штырме хлопи того бучака не двигнут.

Я повідам матери, што он сам го може двигнути, якбы хотіл, но он не хоче помочи. Такы люде на світі сут, што вам не поможе, он тішится, як на другого біда. Тот хлоп был наймоцнійший в Баровцох. Но але зато нич, гварю, мы собі даяк порадиме. Мати росплакалася, што такий великий хлоп и не хоче помочи.

— Не плачте, мамо. Я виділ раз, як єден хлоп вытягнул дерево на воз с коньми. Спробуєме и мы так.

— Забьеш и коні и сам себе — гварит мама.

Но але я подставил друка под бучака, привадил коня и вытяг на воз. И от того часу уж и мама смотріла на мене, як на хлопа, уж ся так за мене не бояла.

Пришла зима. Но и в зимі было роботы дост, бо было дванаст кусов статку. Може дакто повісти, же чом отец шол до Америкы, як у нас было дванаст кусов статку. Та бо у нас не было урожайного поля, у нас люде лем зо статку жили.

Коли зима перешла, то треба было братися до плуга. Молодший брат поганял, а я ходил за плугом. Я прошу, лем помалы, Николай. А он нароком, як зажене коні, коні скочили, а мой плуг уж вонка. Николай мал с того сміх, што то я не знам за плугом ходити.

По яри пришла знов косьба. Но тот рок вельо ліпше шло, як перший. И так дале рок за роком, аж до 1911 року, коли я уж был тугий паробок.

Того року сталася така пригода зомном. Якоси раз в великом пості взяли хлопці єдному газдови воз, єдны посідали, а другы тягали, и так возилися. А газда пошол на скаргу до пана превелебного. Но он не знал, котры то хлопці. Але якы же иншы, як не тоты, што няньох в Америкі мают. Тай на мене. А мене тогды ани дома не было, бо я был в Липянох с учителем. Прихожу я дому, а мати мі гварит:

— Ци ты знаш, што маш идти на катехизм на фару? И то дораз.

— Та добри, можу идти, як мя треба.

Выпряг я коні з Николайом, тай иду на фару. Пришол на фару, знял калап и кажу: "Слава Исусу Христу". А мой пан превелебный нич не каже, лем вышол до сіней и вертат назад з бакульом, тай вымахнулся на мене. А я лап за бакульку и звідуюся:

— Пане, та то зашто?

А он кричит:

— А ты битанк таланк!

Потом мі каже, што я іздил того газды возом. Я попросил учителя, учитель посвідчил, высварилися оба по мадьярскы, но нич не помогло. Учитель мі повіл, абы я веце до него на катехизм не ходил. И я не ходил, але он мал все на мене око и все мене непокоил. Но в 1912 року пришли няньо з Америкы и уж мі дал спокой.

Хотіл я іхати до Америкы в 1913 року, но мя не пустили. В 1914 року я уж мал 20 літ. Уж мя до войска взяли. Пан превелебный каже в церкви, што тоты, што до войска идут, абы выступили наперед пред олтар. Но и як зме выступили, то он найперше ку мі и повідат мі при вшиткых, який я планный хлопчиско был, што тераз мене перша куля може убити. И каже дальше, штобы зме били добри тых москальох, бо они погане...

С. С. Кормош.

ЯК МЫ ВЫШЛИ НА КООПЕРАТИВІ

(Терново над Терешвом, Мармарош)

Наш карпаторусский народ в Мармарошу жил бідно, дуже бідно. Добре жилося у нас лем попам, євреям шпекулянтам и мадьярскым урядникам. Селяне были совсім в руках лихварей, задолжены по уха. А кто раз задолжился у єврея лихваря, тот уж не осво-

бодился з його пазур. Он и ціла його фамилия были мушены працувати на лихваря. Бо то по 20 процентов и больше лихвар собі рахувал от свойой пожичкы, так селянин нияк не мог выйти с той лихвы и счасом тот кусок його поля переходил на власность лихваря, и селянин был мушеный працувати на него.

Коли мні было 15 літ, у нас был єден учитель, по имени Иван Мигалко, котрый хотіл помочи нашому селу Терново выбавитися от лихвы и задумал он основати в селі взаимопомочну кооперативну кассу. Кто хотіл быти участником той кассы, то должен был каждый тыждень вкладати 10 грайцаров. А єсли у него не было 10 грейцаров, то приносил даякий свой сельский продукт, яйца або масла, або друге што, а тот кооператив продавал то, и так наш кооператив дошол до капиталу, што мог давати пожичкы селянам. Давал пожичкы на 8 процент. Розуміеся, што селянину было лекше платити 8 проц., як 20 процентов, то раз, а друге он был сам членом кооператива, он мал там свою участину, то и тот процент, што он платил от пожичкы, богатіл кооператив, то и його. Наша касса уж так взросла, што при єй помочы задолжены у лихварей селяне помалу освобождалися от них. И то за два рокы наш кооператив уж дошол до такой силы.

Наш духовник Александер Горзов спочатку был с кооперативом. Он, здаєся, думал, што для него самого с того буде велика корысть. Но йому так вышло, што он може мати от лихварей больше корысти, як от кооператива. И коли єврейскы лихвари и шторникы звернулися до него, абы он помог им убити нашу народну взаимопомочну кассу и торговлю, он перешол на сторону лихварей и спекулянтов, взял их партию и разом почали робити против нашого кооператива.

Но и поп почал вмішуватися учительові до торгового и кассового діла и почал переслідувати го в церкви. Бо треба знати, што учитель был церковный, то єст он подлежал епископской верхности. Так ишла у нас сварка и борьба в кооперативі дас 3—4 місяцы. Наостатку парафияне скликали громадский митинг, збунтувалися против попа и урадили выгнати го зо села. Єсли не одыйде сам до місяца, то треба го вынести силом из парафиального дома. Так ухвалила громада.

На другу неділю пришол в село служити службу в церкви епископ Фирцак из Ужгорода, и он нагрозил учителю, штобы ниякыми кооперативами, нияков торговльов не занимался, а абы смотріл церкви и церковной школы.

Но коли люде вышли с церкви, а потом поп с епископом, то люде пред церквом почали грозити попу и епископу, абы оставили учителя в спокою, а сами забералися зо села. Так што якоси поп и учитель погодилися и здавалося, што всьо утихло. Так было дас місяц. Но мы видиме, што поп штораз то больше пяный ходит, и пяный до церкви приходит, та и в церкви пье так, што часами хлопцям в середині вечерни треба было выводити пьяного попа из церкви на задны двери и вести го до дому, бо падал при олтарі. А то он так упивался вином, котре носили му лихваре и шпекулянты, абы он робил против нашого кооператива. Розуміеся, што не лем вино, але и грошы му носили.

Незадолго нашому учителю спалили стодолу и стайню, а в ней 7 учительовых коров, 4 безрогы, куры, и цілый господарский инвентар пропал в огню. А ничого не было ассекуровано.

От страху и жалю захворіла тяжко учительова жена и зажадала от свого мужа, абы он сейчас выносился зо села, бо она ту жити не буде.

Итак, учитель был мушеный забратися з нашого села, а кооператив оставил неграмотным селянам. Та и каждый урядник отрікался свого уряда, бо боялся, што и його так спалят, як спалили учителя. Ище рок держали кассу, но она уж упадала, бо люде боялися сами свойого кооператива. Поп провадил пропаганду против нашой кассы, казал людом, што то лем урядникы богатіют.

И так, народ лишил всьо, а сам попал назад в поповскы и лихвярскы рукы. Народ страшно роспился от того часу. Он ненавиділ попа и лихварей, але виділ, што он не може освободитися от их пазур. Люде меньше ходили в церков, а больше в корчму. Были такы, што як сіли в корчмі в неділю, то

просиділи до понеділка. Церков пустовала.

Я в тот час пошол до войска. А коли я вернул з войска, то моє родне село совсім змінилося. Головну улицу села заселили євреи лихвари и гандляри шпекулянты, а русскы газды росселилися в колибах-будах поза середину села.

Так жил наш карпаторусский народ под мадьярскыми панами в старой Мадьярии за Франц Осифа. То не єдно наше село было в таком рабстві попов и єврейскых лихварей шпекулянтов. В таком страшном рабстві, в страшной темноті и нужді жила вся наша Карпатска Русь. *И она попала назад в* мадьярску неволю и темноту. Она буде мучитися так долго, пока не освободится и не объєдинитися зо своими братами на Востоку.

Димитрий Церковник.

ШАРИШСКЕ ВЕСІЛЯ

(Село Поточкы, Маковица, Пряшевска Русь)

Моє весіля отбылося не так давно, бо лем 6 літ тому назад, в 1934 року. А было то так:

Мой теперішный муж был в Америкі пред тым нашым весільом, а пришол осмотріти край. Но и в краю он осмотріл и мене, и хотіл мя взяти за жену. Лем єдна біда нам стояла на заваді. Он хтіл, жебы зме присягали у нотара, а я хтіла у попа. Але наконец я пристала на його. Знате, як то єст: хлоп ся мі любит, та уж зробити так по його волі, идти до нотара и повінчатися. Но але ту знов біда, бо родиче не хтіли у нотара, лем у попа, Моя мама так плаче, лем гучит, што молодый не хоче идти ку попови, як даякий великий грішник. А ту уж весіля стоит, музыканте грают, сватове, дружбове, дружкы танцуют, треба идти под вінец, а младый лем все до нотара.

Уж и моя мама ся кус успокоила, уж нич о попа не вспоминат. Но але як посходилися на весіля стары бабы, як почали языками обертати, то ажи цыганску музыку заглушили. Єдна каже:

— Кумо, я бы свою дівку не дала так за хлопа, абы не была вінчана у попа.

Друга каже:

— Стрыно, я бы свою тыж не дала.

Третя каже:

— Тетко, то єст великий гріх, бо то так, як на віру, як лем у нотара повінчати.

А молодый лем все до нотара. А мама зас плаче и с плачом иде ку младому, тай гварит:

— Сыну мой, ид до попа, бо я ся барз ганьблю! Каждый кричит, што то гріх у нотара.

Но и так молодый рад-нерад мушеный был старым бабам уступити, уж пристал идти до попа. Та и мі уж лекше на сердці стало, уж єм рада, што вінчаня отбудеся у попа. Знате, я тыж радше повінчатися у попа, бо пип, то єст штоска. В краю попу дают, бо думают, што с попом все ліпше счестя. Молодому барз ся то не любило, но але кед уж каждый так на нього, то треба до попа идти.

Так уж сидиме на возі и ідеме до Бережничкы вінчатися ку попови. Попово мено Ян Лацко. Но та уж шитко добри, уж зме пришли на фару. Вышол поп Лацко ку молодому и звідує:

— Маш выпускный лист от свого попа з Ладимировы?

А молодый каже:

— Ніт!

— Та чом ніт?

— Та я не знал, што треба даякий выпускный лист — каже молодый.

— Так? Та я вас вінчати не буду!

А я уж ся трясу зо страху и сой думам:

"Та тепер уж наистні мусиме до нотара..."

Но але якоси инакше роздумали. Послали дружбу на коню до Ладимировы. А то было дас 20 километров драгы в єдну сторону. Дружба мал принести выпускный лист. Но але ладомирский поп не хоче дати выпускный лист, бо молодый не был в сповіди у него. Дружба иде назад, а лист не несе...

Но та тепер што зробити? Я кажу свому попови, ци я не можу от него достати свой выпускный лист, што тогды нас може поп молодого повінчат.

А мой пан каже:

— То гей, чом бы ніт, але мусите заплатити за тот выпускный лист так, як и за вінчание, бо преступуєте закон, котрый каже, што ты маш быти вінчана своим попом, не другым.

Но и так нам треба было двом попам за вінчание платити.

Но и тото людям нич не помогло, бо коли люде виділи, што мой муж не хотіл вінчатися у попа, то почали бесіду, што он в нич не вірит. И за столом, як зме ся гостили, то каждый на него смотріл, як на даякого звіра, ци ся буде крестити за столом, як гварили отченаш. Гварили, што он мусит быти даякий кальвин. А як виділи, што он то робит, што и другы, то повідали, што он вірит в Бога, лем в попа не вірит, то и так великий грішник. Но мой муж был ту в Америкі, то он знал, якы попи и он в попох не вірил ани не вірит, але в Бога вірит, акуратного Бога. Але кед в краю люде так думают, што як чловек в попа не вірит, то и в Бога не вірит. Так они фальшиво вірят в Бога. Кед я собі подумам, як в краю попи робят з людми, як их здерают, як их в темноті тримают, як выступают против просвіты и людского прогресса, як лем о себе дбают, о свои выгоды, то аж мі недобри ся робит. Та они горшы от поганох.

Правда, я тоже вірила попам в краю так, што я была за них свой живот дала, бо я думала, што они святы, як о собі сами повідают. В краю я попам рукы цілувала. А тепер, як бы мі дакотрый руку надставил, абы єй поцілувати, то я бы му наплювала. Они бы зос чловека скору здерли, кебы могли. Они знали, што мой муж пришол з Америкы, то принюс даякы грошы, то треба от него взяти. Єден хоче 60 корун за фалаток папера, а другий 65 за вінчанку, и взяли!

Но але люде ище все не были спокойны, зачали бесідувати, што мы не вінчаны. Так мой брат на другий день прибіг на коню до Ладимировы и звідує мене, же ци зме вінчаны. Я му кажу, же є! Но он не вірит и мі гварит, абы я ишла з ним назад ку мамі, што они мі не дадут так жити невінчаным. Я му кажу, абы он не мішался не в своє діло и ишол собі дому. Але он ани руш с хыжи, аж єм му мусіла показати шлюбный лист. А моя мама аж похворіла через тото моє весіля.

То так люде в краю твердо вірят в попох. Попові даст остатню коруну. Штобы мал дашто купити за тоту коруну своим дітьом, то єй даст бріхатому пану. Пан собі іст и пье найліпше, а народ ся морит на постной бандуркі з варом, а часом ани бандуркох ніт. Я бы рада была, жебы скоро Красна армия там пришла, то бы тых бріхатых панох повінчала, ани бы им выпускного листу не требало. Тогды не буде: "берте бідного!"— але будут брати бріхатого пана. Уж дост ся там натримали ярмо на нашом бідном народі. Лем што сами хтіли, то з народом робили, а ище и тепер што хотят, та робят прокляты мадьяроны и словацкы клебаны. Тепер на Словенску невольно по-русскы бесідувати.

Не думайте, дорогы краяне, што то єст даяка выдумка, то єст истина правда, бо то было зомнов, што ту написано. Велика баламута женитися в краю.

* * *

Два місяцы по весілю мой муж пошол назад до Америкы, а я остала дома коло мойой сестры, бо мужа родиче мене не хтіли ку собі, бо их сын не женился так, як они хтіли. Они хотіли, абы он взял собі жену богату, и таку му раіли. А я была бідна и сирота, без отца, то они не хтіли бідну невісту. То як мой муж пошол до Америкы, то мі было барз зле.

Люде до мене были барз неприємны. Я была з другого села, то на мене смотріли, як звіры на чужого звіра, як на даякого неприятеля. И зачали мя страшити, што уже веце я свого мужа не буду видіти нигда, што он мат другу жену в Америкі. Бесідували, што ани писма от него мати не буду, ани мя до Америкы не возме. А я глупа была, то єм тым байкам вірила и барз єм ся старала и плакала. И люде ся с того барз тішили, што я ся грызла и плакала, бо ся гнівали, же не взял собі жену зо села, але пошол за женов на друге село и то дост далеко. Я ся ганьбила дагде с хижи выйти, бо ся каждый сміял, што муж пошол, а я остала.

Я здня-наден чекам, же може писмо приде. И так пришло єдно, пришло и друге и третье. А ту уж почтар мі и рецеп принюс, што мам грошы на почті. Та то уж не так, як люде думали. Ту уж им было недобри, што муж о мі не забыл. Уж пак зачали повідати: "Та єй гроши пришли от него!"

За короткий час мі уж и шифкарта приходит, и муж пише, абы єм задала на пас. Подала я о пас, а ту зас дашто инше. Уж

повідают, што мя до Америкы не пустят. И знов людом радость, а мі смуток. Але ци пустят, ци ніт, то треба ся старати о пас.

Но пас достати у крайовых панков проклятых, у той сволочи, не так легко! Я пошла до Стропков на окресный уряд з додокументами, што мі выробил Ладомирский нотар и дала на пас, то мі повіли, што достану о місяц. О місяц єм пришла до Стропков, ци пас не пришол, то мі повіли, што пас єст на окресном суді в Свиднику. Пришла я до Свидника, а там мі повідают, што загнали пас назад до Стропков. И так мя преганяли за три місяцы, зо Свидника до Стропков и назад. А я то не похопила, што тота сволоч потребує платню окреме. Але встрічу єдного, што уж давал на пас, а он мі гварит:

— Ты, Олено, глупа. Як ты хочеш мати пас, то ты ид ку слєчной, што робит нам в канцелярни на окресном уряду и дай єй грошей!

Не пошла я до канцелярни, там где она робила, а там, где жила, и єм єй вопхала 100 корун. Та на другий день уж єм пас достала. А як был тот чловек мя не порадил, то ище до днеска бы-м чекала за пасом, бо я така глупа была, што єм не знала, што панам треба по двараз платити. Я раз им шитко поплатила за их роботу и за стамплі и за папери.

Так каждый може видіти, што шиткы крайовы панове єднакы, ци то чехы, ци словакы, ци полякы, ци русскы, шиткы лем бідного чловека здерают.

* * *

Так уж пас мам в руках, лем бы іхати ку мужови. Выбралася я в неділю, думам, треба идти по обіді. Але треба ище высповідатися на дорогу. Иду рано до сповіди. На сповіди поп мі барз наказувал, же як приду до Америкы, абы єм ходила до церкви, але лем до греко-католицкой, и жебым мужа наганяла до церкви, бо он знал, што мой муж в попох не вірит. И я уж тепер им не вірю, бо я ся преконала, што они правду не повідают. Та и каждый розумный чловік то може розуміти, може переконатися, што нашы попы мадьяроне, то найгоршы неприятелі нашого народа. Я не можу розуміти, чом то наш народ кормит такых своих неприятелей, уж был бы час всім нам порозуміти, кто наш приятель, а кто неприятель.

Выберамся до Америкы, а ту тилько люда ся сходит, што ніт ся где рушити, и каждый на мя смотрит, бо уж іду до Америкы. Єден до другого говорит:

— Она ище приде назад, бо тепер барз вертают...

Я и сама мала страх, што мя вернут. Пришла я до Прагы и чекам на американске визо. Смотрю, дост люда вертают назад. Которых вертают, то плачут. Найвеце было женох, што ишли ку мужом, так як и я. Я позерам, як они выходжали плачучи от конзуля, и аж ся трясу сама зо страху, што зомном буде. Чекам и чекам, а ту уж и мене кличут. Приду до офису ку консульови, и там ся мя вельо звідують. Консуль бесідує до дівкы, што была з ним в офисі, а она мі тлумачит. Перше ся мя звідує, ци знам читати и писати. Я кажу, што знам. А ту собі думам: "не барз добри..." Каже мі подписати своє мено. Я подписала. Вельо дост ся мя звідує, приміром: ци мі муж грошы посылат. От кого єм тоты грошы отберала, ци с почты, ци от нотара. Ци мя муж не бил. Ци єм ся з дакым не правотила або за свідка дакому не была. Што хлоп до пипкы кладе, як курит. И вельо другы вецы. А пак осмотріли мі очы и шитко, и потом взяли мя до другого руму и дали мі визо.

Та тепер уж знам, што поіду, и я достала велику радость. На другий день рано сідам на шифу, то єм собі заспівала:

Буд здрава капуро,
Не добре там було —
Робити казали —
А істи не дали...

* * *

А коли єм пришла до Америкы ку мужови до Детройт, Мичиган, в юню 1935 року, то моя мама в краю померла того самого року пред Кризмусом, а брат мі пише писма, што барз планный рок и не мают што істи, штобы йому даякы центы послати на хліб. Та мой муж му послал пару долларов. То як ся довідал о том бережницкий поп Лацко, што брату пришли грошы, то такой ку ньому пришол в неділю рано пред службом и гварит брату, што он чул, што брат достал грошы з Америкы, то най му заплатит от похорону мамы, бо он чекати не буде.

Брат му повідат, што мы му послали пару центов на зерно, бо не мают што істи, и му показує, же шитко порожне. А поп му гварит, што йому до того нич, он своє мусит достати за погреб.

И так долго ходил до брата и грозил му, страшил, што глупый брат дал му грошы, а сам с фамелийом голодовал.

То такы они християне, тоты нашы священникы мадьяроне, таку они христианску роботу сполняют. Та ци то Христова така робота?!

Елена Цупер,
родом зо села Поточкы.

СИРОТСКЕ ЖИТЯ

(Стебник, шаришска столица)

Коли моя мати померла, то я мала два тыжни житя, а мой старший брат мал два рокы. Остали мы з няньом, а сам наш няньо жил коло свойой мачохы. И так наш няньо, кади ходил, то Бога молил, абы нас Бог взял хоц єдно, але радше мене, бо зомном было веце біды, як з братом. Але Бог не хотіл брати ни брата, ни мене. И што мой няньо робит: Взял он мене на рукы и занюс мя ку мойой мамы мамі, то єст мойой бабкі, штобы бабка мене взяла хоц на єден тыждень:

— Возте єй, гварит, хоц на єден тыждень, штобы я ся выспал.

Но але и бабка сама не была, бо она жила зо своим молодшым братом, котрый был тыж женатый. Правда, братова дітей не мала. И коли мене няньо там принюс, то принюс зо собом и горівку, хоц бабка горівку не пила. Зато пил дідо, бабин брат и його жена. Як тоту горівку выпили, то дораз якоси помякли шиткы троє и казали бабі мене взяти. Повідали бабка, што я тот перший вечер была так тихо, як бы-м мала заборонено плакати.

И так, бабка казала мене зохабити на тыждень, а на другий тыждень уж мал няньо по мене придти и забрати дому. Але на другий тыждень няньо приходит и просит бабку, штобы мене ище на другий тыждень попестували. Бабка гварит — най буде ище другий тыждень. Перешол другий тыждень, уж и третий ся кончил, а няньо не приходит по мене, он так якбы призабыл. Але пришол на четвертый тыждень, принюс ище паленкы и гварит, ци бы бабка не взяли мя "за свою". Бабка каже: — Та най уж буде и так. Возму єй за свою...

Но але в краю на селі не робили нич чорне на білом, лем так на слово. И уж я была у бабкы своя, а няньови якбы великий тягар с плеч долу, дораз хлоп отмолод и давай женитися другий раз. Оженился. И Бог о них не забыл, зачал их з другом женом жегнати діточками. Та нич му Бог давал по єдному, то по єдному, а потом дал му двоє нараз. Коли тоты близнякы народилися, то я уж мала 12 роков. А вы знате, што в старом краю 12 роков, то уж рахуєся дівка до каждой роботы, на полю и дома. То не так як ту, што як дівка має 12 роков, то ище ся мама боит саму дома охабити. И тогды мой няньо здогадался, што он має у бабкы дівку уж 12 рочну, котра му тепер дуже ся придаст до роботы. Приходит до бабкы уж без паленкы и гварит:

— Пришол я по свою дівку, бо мі єй треба.

Бабка каже, што она не знат, ци я схочу идти. Але няньо гварит, што як не пиду, то он ся мене "отрече"... Тым словом он дуже настрашил мою бабку и она зачала мене сама просити, абы я ишла з отцом, бо як он ся мене отрече, то будеме мати великий гріх — и я, гварит, и ты дитино будеш мати гріх. А тото бабкі не пришло в голову, ци мой отец не має гріха, што он отрюкся мене, коли я мала два тыжни. И зо страху пред тым гріхом, котрый мал упасти на бабку и на мене, я была мушена идти з отцом.

Коли я пришла ку свому няньови, то я дораз дозналася, што коло няня буде моє житя тяжше, як коло бабкы. Ту треба было не лем дома и на полю робити, але треба было идти на заробок заробити для няня даякого цента. Лем згинул сніг и кус потепліло, треба было идти до панского ліса садити смерекы. Паны казали стинати старе дерево на продай, а на тото місце казали садити молоде. Садили зме тоты смерекы от свиту до змерку за 45 грайцаров денно. Але то треба садити скоро и добри, бо тот, што дозерал роботников, то он знал, як то треба обходитися з бідныма роботниками. Он шол

за роботниками и подтігал посаджены деревца, и коли таке деревце легко вышло, то он уж знал, што треба з вами зробити. Он подтігал тоты деревца аж вечером, штобы не заплатити за цілый день роботы. За таке єдно деревце он найперше наклял до "русского бога", бо он был мадьяр, — бухнул до той бідной роботницы, што аж мусіла упасти, та ище єй и набил, накопал и за денну роботу не заплатил.

А коли ся перешла уж тота робота, то трабало идти до другого пана робити коло сіна. В того другого пана уж зме не робили за пінязі, а робили зме за сіно, за двананасту копу. Пан брал 11 коп, а нам всім была дванаста копа. И то треба было скосити, высушити, зграбати и привезти пану до його стодолы и выложити там, где оно має быти. Коли перешла робота зо сіном, то треба было идти до того самого пана робити коло зерна. И тыж зме робили за 13-ый мандель, так што пан брал 12 мандлів, а мы всі тринастый. Треба было зерно скосити, зграбати, высушити, привезти пану до його двора и выложити там, где оно має быти.

Коли перешла робота зо зерном, то зме шли до того самого пана бандуры копати, и ту зме уж робили за пінязі, за 50 грайцаров на день. И ту тот панский слуга знал, як ся з бідными роботниками обходити. Коли пришол вечер, то он взял от роботницы мотику и почал копати за вами, и як нашол єдну бандурку, то он вас набил с том вашом мотиком, одогнал вас дому и не заплатил вам за вашу роботу ани цента. Так робили з бідным народом. Робили, што лем сами хотіли, бо на них ниякого права не было, бо то была панска держава и панске право...

* * *

Пришла несчастна світова война. Тогды бідному народу стало ище горше жити, бо уж тогды и того скапаного цента не было где заробити, не было зашто и што купити, бо шпекулянты всьо поховали. В дома в нашом краю в горах на том газдовстві для себе хліба брак, а и с того мушено было давати воякам. Насамперед пришли до села форшпаны, то они стояли в селі 6 тыжней, в каждой хижі было по 2—3 хлопов и объіли газдох. А коли уж тоты форшпаны одышли, то пришло до села войско, котре стояло 7 неділь. Тоже было по 2—3 воякы в каждой хижі. И так, перше нас добри выіли, а потом аж почалися бити. То билися в Стебнику за 6 неділь. За цілый час, як у нас стояли, то мадьяре нашых людей мучили. Не мож было зыйтися разом двом-тром людям, палити немож, світити немож, когута мати немож, штобы русске войско не пришло. Но русске войско и так пришло. А коли русске войско одышло, а вернули мадьяре, то они аж тогды здівалися над нами, што мы помагали русским. Нам уж немож было мати русску книжку в хижі ани до молитвы. Або як вынашли, што дакто был в Америкі православный, то уж му был конец. А до церкви за єден день 75 раз стрілили, бо думали, што там "мускы" сховалися.

Коли мадьяре вошли назад в село, то пришли двоме мадьярскы воякы до рихтара и казали собі дати двох хлопців, абы их перевели через Магуру до Тварошца. Но и так рихтар зашол до єдного газды за сыном и до мого отца за сыном, за моим братом, абы они перевели тых вояков через Магуру. И так тоты два хлопці выбралися вести тых двох воякох. Но подорозі тоты два воякы отдали хлопців другым воякам, яко шпионов, и тоты другы взяли их аж до Бардиова и там заперли до арешту. Мы чекали брата на обід, нема — чекаме на вечеру, нема. Дуже мы не старалися, бо мы мали в Тварошцу родину, то мы собі думали, што брат там заночувал.

Но приходит рано отец того другого хлопця и повідат, што он довідался, што тоты нашы хлопці не повели вояков до Тварошца, лем воякы казали хлопцям стояти на варті под Магуром и они там стоят планно загорнены и голодны. Урадили оба з няньом так, абы идти под Магуру и постояти за хлопців на варті, а хлопці най бы пришли дому, поіли собі, загрілися и загорнулися теплійше. Но и зобралися оба, идут под Магуру, а под Магуром хлопців ніт, лем сут воякы. И воякы их обох схватили, яко шпионов и обідвох заслали гет в мадьярский край и тримали на примусовой роботі два рокы. А хлопці пересиділи тыждень в арешті в Бардиові, а потом взяли их до войска, што уж мают рокы.

А мого отца и того другого газду там страшно мадьяре мучили и казали им робити найтяжшу роботу у мадьярского пана. Брат пошол за Франц Йошка кров проливати, отец в невольничой роботі у мадьярского пана, а діти остали сами дома. Та где дома, коли не мали даху над головами, бо хижа была розбита кулями, гранатами. Мы не мали нич што істи. Раз выдалося мадьярам, што русскы знов мают придти до села, то почали выбератися гет, але не хотіли охабити ани єдной хижи в селі и почали подпалювати запорядком. И то зробили тот огонь о самой полночы. Люде спали в пивницах, повыходили, што будут гасити свои хижи, бо товды перестали стріляти, то каждый хтіл ище дашто заварувати. Та думате, што мадьяры им дали загасити тот огонь? Не дали. Шмарилися на людей, як дикы звіры, били их и гнали гет зо села, голых, босых, мокрых — брали дітей без матерей, матерей без дітей. Єдна жена мала маленьку дитину в пивниці, таку што єй было місяц. И тота жена просила мадьяра пробога, штобы єй пустил до пивниці по тоту дитину. Но тот мадьяр не мал тельо милосердия, штобы пустил тоту маму взяти дитину, лем маму повлюк, а дитина сама в пивниці остала и была там сама аж до рана. На рано пришол газда на тото ватриско, смотрит, никого и ничого нигде. Слухат, чути, як бы гдеси маленька дитина плакала. Иде до пивницы, а там дитина сама. Так ся чоловік перестрашил, што ани не взял дитину, лем побіг ку свойой жені и його жена пришла и забрала тоту маленьку дитину. Я думам, што тота дитина до днеска жиє.

А друга жена не хотіла идти зо свого подвіря, уперлася, та мадьярский вояк єй пробил багнетом на смерть.

А тых людей, што забрали, то их гдеси загнали за Пряшов. Но тамты люде не хотіли нашых людей брати, били их и мучили. За пару неділь вернули тоты нашы люде назад до села на голы ватриска. Дакто бы може думал, што мадьяре хотіли заварувати наш народ от кульох, то их зато брали гет. Но, мадьярам не росходилося о нашых людей, они хотіли нас всіх вынищити, а село спалити, штобы не зостало про русскых. Из цілого села не остало лем седем хижох, а то решта вшитко лем ватриска. Но та ище где был даякий хлоп, то радил, як мог. А так, як мы были, што няня нам взяли до мадьярской неволі, старшого брата до войска, то была на нас велика біда. Лем ище с тым нам было добри, што нам сыпанец остал, што зме зерно и лахы тримали. Выгляду (окна) не было ниякого, зато дах был над головом. В том сыпанці мы бывали через два рокы. В сыпанці зме спали, а на ватриску зме істи варили.

Были такы часы, што не было нич што *зварити и не было причом зварити. Раз при*шло уж так, што зме ниякого дровна не мали, тай зме собі з моим молодшым братом побесідували, што было бы добри, як бы зме так скоро зрана вышли до панского ліса и привезли собі сухых конаров. В панском лісі было дост сухых конаров, котры там гнили. Як зме урадили, так зме и зробили: Встали мы вчас рано, пошли в панский ліс и назберали мы сухых конаров на фуру, запасали, загамували два колеса, бо то было дост з верха, тай я ся перекрестила и брат ся перекрестил, до того брат перекрестил и тото місце, с котрого зме мали рушати, и фуру з дровами, и уж ідеме с тыма дровами и тішимеся, што уж будеме мати при чом істи зварити. Переіхали зме пару кроков, а нашы дрова бабух в яругу и вывернулися. Мы жадно не знаме, што маме тепер с тым робити, откаль то ся треба того яти. И не двигаме, лем вадимеся. Брат кричит на мене, што я тому виновата, што ся звернуло, бо я ишла коло воза, а добри не тримала. Я знов кричу, што он виноватый, бо он добри не іхал, лем заіхал в яругу. Як уж зме ся так вывадили, то зме сіли и почали обоє плакати. Плачеме, а воза з дровами не двигаме. А ту лем раз зашелестіло в гущавині коло пути. Выбіг найперше панский пес, а за псом выходит мадьяр, панский слуга...

Ну, та уж зме тепер ту! Подходит тот мадьяр ку нам, тай звідує, кто нам то казал ту за дровами идти. А мы гвариме, што никто, што мы никого не маме, абы нам казал идти, мы сами пришли, бо не маме при чом істи зварити. А он дораз нам почал "русского бога" клясти:

— Басом вам русского бога, та вы не знате, што то панский ліс?! Двигайте тоты дрова дораз и везте их на моє подвіря!

И так мы зробили. Уж зме ся зо собом не вадили, лем взялися двигати и двигли з бідом тоты дрова и завезли на його обору. А на його оборі столько было дров, што ани місца не было для нашых, а ище и тоты нашы кирвачны там мусіли быти. А и кару заплатити треба. А як зме на нашу обору пришли, то така чиста была, як зеркало, без єдного дровенка. Но слугу мадьярского пана тото нич не обходило, што наш нянько уж другий рок мыє хвосты коровам у мадьярского пана далеко в Мадьярии, што поневинні мадьяре взяли от нас, а мы не маме при чом істи собі зварити, ани ніт што зварити.

Про панску войну ничого не было. Не было кому робити, не было што істи, не было зашто купити, ани не было што купити. От шпекулянта за грошы нич не мог достати, хоцбы умерал. Ище за масло, сыр, яйца мож было дашто достати, а за грошы нич. А воякы, што взяли з газдовства, то нибы платили часом, але за их грошы нич немож было купити.

Насамперед бракло соли. Немож было нигде соли купити, ни в Зборові, ни в Бардиові, аж требало было идти за сольом на Шомвар, там где єй выварювали. Но за пінязі и там не достал соли, лем тыж треба было мати масло, сыр, яйца. То так там люде стояли, як на "бредлайні". И тоты, што выдавали соль, то они добри позерали по той лайні, и як виділи, што вы мате масло, сыр, яйца, то хоц сте были на другом конці, то вас взяли наперед, а як сте были лем с пінязми, то сте там могли стояти в лайні и цілый тыждень, а соли сте не достали. Та дакотры ходили там в том Шомвару (місто певно назывался Сольвар, бо соль там варили, але мадьяре собі зробили "Шомвар" — прим. ред.) помеж хижы и просили людей, абы им соли продали. То люде брали пінязей, сколько хотіли за тоту соль, а ище вам велику ласку робил, як вам продал, так, якбы задармо дал.

Но потом якоси соль пустили, што мож было и в Зборові за пінязі купити, але зас зерна бракло. Не можна нигде зерна купити, хоцбы з голоду гмерал. Треба было идти за зерном аж коло Пряшова, бо там ся люде ліпше мали, там ліпше ся родило, як коло нас. Они там мали зерно, а нафты не мали и не могли там гайсу (нафты) нигде поблизку достати, а мы могли достати гайсу з галицкой стороны, за сыр, масло, яйца. Так мы брали нафту и шли зме з ньом аж ку Пряшову и там зме міняли нафту на зерно. Но але нафты немож было вельо набрати, бо треба єй было нести до трена, а потом зас от трена. Но раз мы не мали ни масла, ни сыра, ни яєц, то зме пришли за зерном с пінязми. Выбралося нас троє. То зме ходили за тым зерном от рана до вечера. Люде там мали зерна дост, але за пінязі никто не хотіл продати. Ку вечеру мы зашли до єдного газды и просили зме го так про Бога, абы нам зерна продал. И ледво мы го упросили, што кус нам продал. Взяло нам два дни, покаль мы пришли дому с тым зерном, а на тыждень го не старчило.

Потом зме зачали уж инакше робити: Ишли зме на жнива, до Червеницы, до Кукова, до Келемеша. Там зме робили за зерно. Єдны робили у богатых газдох, а другы робили у пана. Треба было робити цілый місяц за 100 кильо зерна. А спати треба было в стодолі, спало нас в єдной стодолі 100 людей. То як ище было сухо, то пол біды, але як пришли дощи, мокро, то уж не дуже бракувало и до холєры.

В 1920 року я уж ишла до Америкы. Подорож моя была не совсім добра, бо трены были наладуваны так, што рушитися не было где. В том року вертали воякы, певно с пліну, з легий. То они были дуже недобры, што они билися, кров проливали за Френц Йошка, а дома их чекала лем біда, нужда.

Но коли я уж пришла ту на землю Вашингтона, то я дораз познала, што ту народ уж ліпше цивилизованый, як в краю. Коли зме сходили с трена, то кондуктор брал от нас пакункы и помагал женам зыйти с трена. И я не могла с того выйти, ци то правда, ци ся мі лем сниє. И так само, коли я стала до роботы, то я дораз познала, што ту боссове инакше обходятся з робитниками, як панскы посіпакы в краю. Ту, як ся му ваша робота не сподабат, то вас не набье ани с плацы вам не стягне, як в старом краю, лем он вас файно отправит и скаже, што тепер му вас непотребно, але як му треба буде, то вас закличе. Хоц он вас уж и не думат покликати...

Миннеаполис, Минн. **Мария Лобанц**

В Краю и в Америкі

(Написала Ю. Р.)

НА СТАРЫ РОКЫ

(По старокрайовым писмам)

В низенькой хижкі над берегом річкы скрипнули остро двери и росхилилися. З них высунула голову жена в чорной хусткі, посмотріла на дорогу якраз против дверей. Дорога починалася от річкы и вела в панский ліс. Видно, когоси вызерала, но никого не взрівши, сховала голову назад и знов зо *скрипом, заперла двери.*

На дворі уж свитало. День заказувался погидный, лем холодняво было зрана. Пташкы цвіркотали беспрестанно на деревах кодорогы. С коминов дакотрых сельскых хиж уж дым выходил клубами. За хвилю выходит дым и з нашой низенькой хижы над річком, але не с комина, бо комина не было. Спочатком выходил дым єдном діром в даху, потом веце дірами, а на остатку по-под стріху.

Двер знов скрипнула, ище острійше; и ростворилася на-ростеж. Зо сін вышла старушка около літ сімдесят, схилена ку землі, боса, в той самой чорной хусткі на голові, в старой чорной полатаной сподниці и чорном полатаном кафтані. В запаскі што-си тримала єднов руков, а другов опералася о стіну. Кликнула пару раз:

— Цюп, цюп, цюпа, цюпа.

На тот голос из сіней вылетіли вітром куры, обступили бабцю и лакомо позерали на ню, просили істи. Бабці што-си не выходило так, як мало быти, бо закликала ище раз до сін: "цюп-цюп—цюпа-цюпа!"

— А где-ж то моя Явирничка? Та-ж то моя найліпша курка, найліпше ся несе — рекла вголос бабця и взяла костур в руку, який стоял коло двери и иде глядати Явирничку. А куры так и шли шнурком за нев.

Обышла бабка наоколо хижы кличучи, але Явирничку не нашла. Та не было и где дуже глядати, бо свого огорода не было, ани куска землі, лем што на змірку земяков собі посадила. Старушка россыпала овес зо запаскы по приспі под стіном хижины и сіла собі коло кур, тай позерала, як они лакомо зъідали зеренка. За хвилю знов посмотріла в сторону ліса и тяжко вздохнула. Потом спустила голову и задумалася, а штобы улекшати тоты тяжкы свои думкы, высказувала их голосно:

— *Пережила-м єдну войну, пережилам не* мало смутку и згрызу, натерпіли зме ся голоду з Євков. Єдного сына мі убили, другий пропал без вісти. А тепер мі хотят взяти остатню подпору и потіху на мои стары рокы, и знов хотят убити на войні мого дорогого внука. Ци не воліла я померти, як Євка, його мама? Ище така молода была. А як ей жаль было померати. Як она наказувала хлопцу пред свойом смертьом: "Дитино, слухай бабцю и помагай им..." Притискала його маленькы ручкы до своих роспаленых горячком уст, цілувала их. Ище счестя, што он не помер от той гишпанкы, бо она не єдного забрала на другий світ. Филип не памятат свойой матере, сирота моя. Тяжко я го ховала и тепер им го дай, дай го панам на войну...

Заплакала старушка горенько...

Уж долго так сиділа на приспі и плакала на свою долю. Уж єй и слез бракло, уж хотіла зобратися и встати. Двигнула голову, смотрит, а пред ньом Марта, што служила у попа, дочка Олены Филярской, заробницы, што коморує у бабкы. Дівчина была одіта по святочному, бо днеска Маткабижа.

— Лем сте сами, бабцю? — звідує Марта.

— Сама, Мартусь, сама, — рекла старушка тихо и посмотріла ласкаво на Марту. — Што там в селі чувати, Мартусь? Была-с в церкви?

— Но, днеска ніт службы в церкви, знате, час воєнный.

Бабця жила подальше от села, коло панского поля. Ище барз давно дідич дал єй дідови кусок поля под хижку зато, што дідо служил за него при войску.

— В селі, бабцю, великий смуток и плач. Хлопов заберают на войну. Люде цілу ноч не спали, лем плакали. Страх, што ся діє. За село немож ани кроком выйти. Я лем так крадком прилетіла ку вам звідатися, ци сте не чули дашто за Филипа...

— Чула-м, дитино. Был ту вчера Климко Ковалів, та гварил, што го виділ в лісі вчера, недалеко тартаку. Филип гварил му, штобы мі передал, абы я ся за него нич не грызла, бо он собі раду даст, єдно просил, абы му лахы через Климка передати и дакус хліба.

— Бабко! Я не вірю Климкови — рекла перестрашена Марта. — Он подлый чоловік, пияк, злодій! Та Филип го знає добри, який он єст, што он дораз жандармам донесе. Памятате, як он донюс жандадмам на Филипа, што он достал газету "Лемко" з Америкы? Я думам, што може он ани Филипа не виділ, лем так собі придумал сам. Та дали сте му одежу?

— Дала-м. И одежу и хліба и кусок солонины было, што Филип купил, як робил при тартаку, то єм му дала, — рекла зо слезами старушка.

Марта посмотріла смутно на бабцю, а потом всунула єй што-си завите в папері:

— Я вам ту кус принесла, бабцю, може сте ище не снідали. ..

— Та и не хочеся, дитино, снідати, не хочеся мі нияк істи, отколи Филипа нема дома. И уж так мі што-си бесідує, што я го уж певно веце не увижу, не дочекам, хоцбы и жил...

Марті стали слезы в очах Хотіла стриматися от плачу, не хотіла показати свои слезы старушкі, но не скрыла. Слезы, як нароком, потекли цюрком по лиці...

— Треба идти дому, бо там на мя ждут...

Марта служила у єгомосця уж пятый рок. А єй мама ходила на заробок на клебанию, прала білизну и помагала часами кухаркі, як треба было. И днеска Мартина мама помагат на клебании, ище от вчера там робит, бо імосць має гостей, то много роботы в кухни. Марта тыж помагала в кухни, але найвеце робила коло свин и коров. Ище не минуло єй двадцет літ, але уж немало горя пережила. От маленька все лем на службі и на служби...

— Та бывайте здоровы, бабцю. Мама гварили, што вечером придут дому, — рекла Марта и пустилася идти.

— Ид здорова, моя дівко красна. Най ти Бог заплатит за твоє добре сердце...

Марта скочила з єдного каменя на другий через річку, вышла на стежку и быстро пустилася ку селу.

Старушка тымчасом встала и вошла дохиж. Почала розвертати с паперя, што єй Марта принесла, але ище не успіла розвити, а ту отвераются двери и на порозі стают два польскы жандармы з гверами на раменах.

— Ту мєшка Филип Гуня? — звідує остро єден з них.

— Ту, — гварит старушка стиха.

— Муф глосьно, стара чаровніцо! — заворчал другий жандарм.

Сєржант вынял позолочене вічне перо и махат ним по маленькой книжечкі, звідуєся знов:

— Як сє называш?

— Мария Гуня, — отповіла.

— А тен Филіп, то твуй сын?

— Но, то мого сына сын, того, што го на войні убили.

— Нас то ніц нє обходзі, гдзє го забилі. Муф по-польску, бо ту Польска. Гдзє тен Филіп?

— Я не знам, пане. Як вышол вчера перед вечером до роботы, то го німа.

— А гдзє он робі?

— Та при тартаку, в лісі у Шлеймы.

— Бабо, муф правде, бо бендзємы шукаць!

И знял гвер з багнетом, тай шурнул ним по-под лужко, потом отворил пец и, хоц было добри видно, што пец поржный, але поштуркал и до пеца багнетом аж до самого заду. Больше ничого в хаті не было, то от пеца вернул ку постели и бах багнетом в подушку. Піря так и полетіло по хижи. Бабка стревожена позерала по панах, што они роблят. А панове, коли уж піря роспудили по хижи, пустилися до двери. При дверях ище наказали бабкі, што як Филип

верне, то абы дораз голосился на постерунок, бо як не зголосится, то буде смертьом караный, и вышли.

Бабка вздохнула тяжко, сіла на лавку и ждала, коли Олена верне с клебании, бо єй барз прикро было оставатися тепер самой в хижи. Жандармы пустилися дорогов ку панскому лісу. Виділа их бабка на окно. Просила Бога, абы лем Филипа там дагде не нашли.

* * *

Война роспалилася уж надобре. В селі страх, плач, аеропланы літают, як птахы понад село. Было слышно стрілянину и чути запах пороху. Зо села позаберали хлопов, котрых с коньми и возами, а котрых з лопатами, решта хлопи покрылися по лісах. Потом и жены з дітми утікали в ліс, заганяючи пред собом худобу, кто яку мал.

По селі літали кулі. Полякы даякий час отстрілювалися, но недолго. Лем раз, як бы дашто вдарило до них, почали утікати. Дакотры влітували до пустых хиж, глядаючи цивильной одежы. Котрый з них нашол даяку одежу, свою войскову скидал зо себе, а надівал цивильну и так утікал.

Утекли полякы, село опустіло, ани живой душы за хвильку не было в селі. Но скоро за слідами польскых вояков пришли німецкы. Люде почали вертати з ліса. Спочатку німцы не гварили людьом нич, абходилися з ними дост по-людску, так што руснакы аж тішилися, што німец их освободил от панской Польшы. Но, розуміеся, то лем спочатку так было, потом німец почал обдерати народ с послідного зеренка, с послідной живины, гнати молодеж на примусовы невольничы роботы...

Хлопы праві всі повертали, єдны з лісов, другы с польского войска, лем єдного, Клемця Ковалевого не было. Филип пришол дораз, лем польске войско утекло зо села. Бабка барз потішилася, што Филип жиє и здоровый. Та и Марта была барз рада. Дост за ним наплакалася, и то так, штобы никто не виділ.

Скончилася в селі война, но почалася страшна біда. Найперше, лем пришли німцы, уж нич немож было купити. Хлопи повертали сами, без коней и возов. Німцы брали зерно и картошку. А ту зима иде.

Но єдного дня вчасном зимом,—а зима почалася така тяжка, якой стары люде не запамятали, — пришла до села вість, што в повітовом місті засідат комиссия в справі переселения руснаков до Совітского Союза. Оголосили в селі, што кто хоче переселитися в Совітский Союз, то може идти до Кросна и записатися. Люде тому дуже рады. Повідают, што в другых повітах позаписувалися уж и цілы села. Но з другой стороны иде страшна пропаганда против того. Єгомосці в церкви аж ся пінят, так кричат, абы люде варувалися большевиков, бо там страшный голод, миллионы людей з голоду поумерало в Совітском Союзі, бо там бога выгнали, священников росстрілюют, церкви палят. Много людей отстрашили от переселения. А до того зо-за Сну приходили все новы "наочны свідкы", розмаиты украинскы панкы, котры осідали на нашых лемковскых селах и оповідали людьом страшны річы, як там народ мордуют. Почали люде хвіятися, кто того не розуміл, же чом то паны ненавидят так тоту державу.

Але такых, як наш Филип, никто не мог застрашити. Он розуміл добри, чом єгомосці и панкове так бесідуют. Филип их не слухал, та и всі такы як Филип, переважно молоды, шли записуватися на переселение. Филип взял зо собом Марту, тай до Кросна, и там дали записатися сами, и Мартину маму и бабку на выізд в Совітский Союз.

Коли вертали, Марта звідуеся Филипа:

— Як ты, думаш, Филипе? Ци нам там добри буде меж чужыма людми?

— То не чужы люде, Марто! То свои! Там аж нашы люде, а найважнійше, там наша власть, наше правительство и наша держава. Там роботник чоловіком, там найліпший гонор быти добрым и честным роботником. Школы там открыты для каждого, кто лем хоче учитися. Хліба нам там николи не буде бракувати. У єгомосця, ани у богача там служити не будеш, ани імосць здіватися над тобом не буде, на никого там працувати не будеш, лем для самой себе...

— Та откаль ты так шитко знаш, як там єст? — звідує Марта.

— Я знам, бо я доставал "Лемка" з Америкы, то в "Лемку" было всьо описано. А и при тартаку роботникы нераз бесідували...

Коли уж мали росходитися, позріл Филип на дівча, на єй румяны от морозу личка, на задертый носок, позріл в єй чорны очы,

котры, як дві великы теркы смотріли ласкаво на него. Филип взял дівча за обі рукы, притягнул єй ку собі и крепко, крепко обнял и поцілувал, а пак гварит ласкаво:

— Мы, Март, отднеска уж все разом будеме, уж николи я тебе от себе не отпущу. Разом будеме жити и працувати. Так, Мартусь?

— Так, Филипцю, — шепнула тихо Марта.

— И я от тебе нигде не пиду. С тобом я и на край світа готова идти.

Стояли бы ище так долго, але ктоси им перервал их сповідь.

Филип наказал Марті, абы нич о том імосці не гварила, што они записалися на выізд до России, бо імосць могла бы ище даякой біды наробити. И не повіла Марта ани слова никому.

Вернул Филип до дому уж вечером. Бабця праві свои куры до сін наганяла.

— Ноле, бабцю, влапме єдну куру, зотнийме, тай на завтра курятины зіме, — гварит Филип весело. —— Аж мі пахне, так бым зіл мяса, та и вы бабко бы сте зупы похлипали.

Такого ище не было, абы бабка курку про себе стяла. Но але про Филипа, хоц єй куркы яка шкода была, готова дораз и курку зварити, хоц лем сім их мала, тай гварит:

— Та уж выбер и зотний єдну, лем не выберай молоду, а стару.

— Бабцю! Та мы их шиткы выріжеме и зіме, бо уж вам их не треба буде.

— Што ты плетеш, Филипе?

— Нич не плету, а правду гварю. Днеска єм вас записал до России, и себе, и Марту, и Мартину маму. И то не лем мы ідеме, бабцю, іде много люда...

Бабця ростворила широко очы на Филипа, што он таке бесідує.

— Правда, бабцю, правда! Ідеме, може через місяц по нас приде. Ани грошей нам на дорогу не треба, повезут нас задармо, и землю нам дадут.

— Якы то тоты русскы люде добры, не забыли о своих, — рекла втішно бабка.

— И мы добры, бабцю, але нас не было кому оцінити, аж нашы братя нас оцінили...

* * *

Дочекали и того дня, што им пришли карткы и дата, коли выідут. Зима была тяжка в тот день, коли мали іхати, але никто нич собі зо зимы не робил, каждый ся зберал. Марта позбералася зараз зрана, абы быти готовом, як закличут. Імосць уж нарыхтувала праня велику купу и пришла до кухні ознаймити, абы пришла взяти. Смотрит, а Марта отдіта в найліпшу святочну одежу.

— А ты, дівче, где ся так прибрала? — звідуєся зло.

— До міста іду.

— А кто то тобі позволив роспоряжатися зо собов? А гдеж-ж то твоя мама, што так долго не приходит?

— И мама идут зомнов до міста.

— И мама иде? А кто-ж буде свині кормити и прати, коли вы так обі выбралися? — звідуєся зло імосць.

— Вы сами будете, імосць, и свині кормити, и прати, бо мы выізжаме до России...

— До России? Ци ты дівч ошаліла? Таж там большевикы!

— Та и мы до большевиков належиме, бо нас єст больше, а вы, меньшевикы, останте сами.

Імосць почала выкрикувати штоси, але Марта не слухала, взяла свой тлумачок и вышла с кухні...

На дорозі уж єй ждали мама, Филип, бабка и ціла гурма селян, переселенцев на новы землі Совітского Союза.

ДОРОБИЛИСЯ

Панько и Текля приіхали в Америку того самого літа, пред першов войнов. Товды Америка была ище Американов, роботы было дост, як лем чоловік мал добре здоровья и кріпкы рукы, то роботу все мог достати. Правда, мало за роботу платити, але як ощадно жил, то можно было ище пару долларов отложити.

Текля приіхала до єдного місточка в Нью Йорк стейті. Были там розмаиты фабрикы, але Теклю дали знайомы люде на плейз, на службу. Радили, што так буде для ней найліпше: поробит з рок на плейзі, то научится американской бесіды, розозрится, а потом може идти уж и до фабрикы, бо уж не буде "гринорком".

И зараз такой трафилася єй робота на плейзі. Миссис Брунштайн єно довідалася,

што приіхало дівча с краю, с того самого села, што и она, то дораз пришла сама за нев и такой забрала єй зо собом до свого гавзу. Гавз был на три поверхы. Миссис Брунштайн опровадила Теклю по цілом гавзі, всьо єй показала, а наостатку завела єй до кухні, котра была в бейсменті.

— Ту, — гварит, — єст кухня, ту ты будеш робити, а ту дораз маш свой рум, где будеш спати.

Отворила двери до того руму коло кухні, в котрой стояло желізне покривене лужко зо старым матрацом. Рум был без окна, лем што шклянны двери вели с кухні. Текля была рада, што може збесідуватися зо своїм "паньом", хоц в душі не была довольна ни бейсментом, ни своим румом. Здавалося єй, як арешт. Але роботу взяла. Треба было обыйти семеро людей и роботы было немало. Платили Теклі 8 дол. на місяц. Кажду неділю казали єй идти до церкви, бо и сама Миссис Брунштайн была дуже религийна жена. В субботу была николи істи не зварила, ани мечку в субботу не взяла до рукы. Зато кажду субботу шла дораз зрана з мужом до штору, бо в субботу продавали найбольше черевиков в свойом шторі. Але зато што ся тычило ідла, то трималися строго свого религийного закона. Боже заваруй было помішати мясны мискы и горчкы з молочныма. Навет пятрочный Сали знал, што до чого было. С тым Салим Теклі было спочатку барз добри, бо она сама не могла роспознати горчкы и мискы, и помішала бы на свою біду, а Миссис была бы ся барз злостила и была бы може и горнец або миску выкинула, якбы так Текля помішала. А помішати было легко, бо написано на горчках не было. Но малый Сали все ходил по кухни и заглядал, ци Текля не мішат мясных гратов з молочныма, и барз был задоволеный, што и он уж може дачого поучити другого.

Текля працувала тяжко. Але зато и она мала утіху, бо коли собі по роботі сіла, то все рахувала доллары на австрийскы коруны. На місяц 8 дол., то за пят місяцов буде 40 дол., а 40 дол., то уж ціла стара стивка, то єст двіста корун. "Та где бы я в краю заробила стилько? Там треба бы было пят літ робити на сотку... Одошлю за дорогу, а потом собі буду складати до банку. А як зложу пару соток, то поіду до краю и там выйду замуж, за кого схочу. И уж буду газдыньов, може таков богатов, што другых буду брати на службу, а не я буду служити у дакого..."

За крайом цлося єй барз, за своим родным селом, за мамов и за родинов взагалі. Робота на полю здавалася єй о много лекша и весельша, як ту в том бейсменті. Ту так чоловік, як скованый, ани босо немож ходити, як привыкла в краю, ногы болят, а скучно так цілыми днями, як в арешті, неє до кого слова речи, ани кому пожалуватися, все єдна и тота сама нудна робота. Часами ся єй здавало, што кебы лем за дорогу отдала, то бы зараз тоту роботу шмарила и до фабрикы шла. Там бы хоц зо своима людми могла жити. Але знов єй отгваряли знакомы, гварили, што во фабрикі спочатку нич не заробит, покаль роботу ся не научит, а борд мусит платити. И розмаиті думала и робила дальше у миссис Брунштайн.

Праві што неділя Текля ходила до церкви. Уж и єгомосць єй зауважили нераз, але ище єй не записали. Но єдной неділи гварят:

— Днесь по службі божой отбудеся парафиальный митинг, прошу всіх до галі под церквою...

Церковник дораз выходны на двор двери замкнул, а отворил двери до пивницы, под церков, и так мушены были всі идти под церков, на митинг. Объявили митинг открытым. Перша справа на программі, то церковна колекта:

— Кто ище не платит колекту, то має ту вписатися. Кто вписаный, а долгує колекту, то має долг выровнати, бо то єст обовязково, в Америкі, то шеста заповідь церковна.

Теклі шкода было дати 6 дол., бо як порахувати на австрийскы грошы, то выходило тридцет корун. Но але виділа, што другы платят, то и она не буде остатня. Вписалася, заплатила отразу, дали єй книжечку и конец.

По митингу вышли на улицу, поставали. Каждый єден з другым знакомый, бесідуют, а Текля никого ту ище не знала, тай пустилася дораз идти гет. Але слухат, а ктоси єй доганят, стукат за нев обцасами по тротуарі. Текля оглянулася, а за ньом молодый паробок, здоровый хлоп, як риджик:

— Чом ся так понагляш? Ани тя догнати не можу, — гварит.

— Та бо єм забавила долго и в церкви и на митингу, — рекла несміло Текля и почервеніла.

— Та днеска не робиш, бо неділя. Шкода, абы таке шумне дівча так вчас до дому шло. Знаш што? Я мам два тикеты на пикник на фарму — музыка старокрайова, потанцуєме...

— Гей, а кто знає, який ты? Ани-м тя николи не виділа...

— Але мя чуєш, по бесіді можеме познати єдно друге, же зме краяне. Як твоє мено?

— Текля. Текля Филяр.

— А моє Панько Штельма. Та уж ся знаме, — рюк весело Панько и взял Теклю под руку, по-американскы.

Постояли хвильку, побесідували, вывідалися, котре з якого села, а же были з недалекых собі сел, з єдного повіту, то ище ліпше осмілилися єдно к другому.

Были и на пикнику, и Теклі от того часу лекше на сердці стало. Сходилися кажду неділю и все дагде разом вышли. До себе Текля го не кликала, бо боялася, абы миссис Брунштайн не мала дашто против того.

Обоє были ище барз молоды. Панькови заледво минуло 20 літ, а Теклі 18. Панько робил дуже тяжко, во фандри, лял желізо, горяче, біленькоє, як молоко, до формы. Робота тяжка и опасна, не мало роботников там попарилися, навет на смерть. Панько был хлоп працовитый, молодый и сильный, недбал, што тяжко працує, абы лем заробити и отложити долларов, то даколи собі даяку фарму купит ту, або до краю поіде, то и там може загаздуватися добри. Часом наробился так тяжко, што як сіл істи, то ся му рукы трясли, як старушкови. Часами рукы и плечы боліли до невытриманя. Але Панько нич не дбал, абы лем робота была, то робил.

Текля уж перешло рок выслужила на том самом плейзі. Но єдного дня гварит свойой газдыні, што єй оставит, бо думат выходити замуж. Миссис Брунштайн аж прослезилася зо жалю за Текльом. Но ничого не помогло, бо Текля и Панько уж зговорилися, коли поберутся.

Побрали ся и добрались. Обоє были трудолюбивы, трезвы и надзвычай ощадны, лем кебы им Бог помог, дал здоровья, то они доробятся дачого. Тепер уж разом працували, доведна грошы складали на єдну книжку до банку. Уж за дорогу вернули и наскладали пару соток и думали выбератися до краю, аж ту война в краю выбухла и запалила цілу Европу. Ждали нетерпеливо, коли покончится война, но война не кончилася, мало не пять літ затягла. А по войні знов даякий час не пускали до краю. Но и робота шла под конец войны добри, Панько зараблял втроє тилько, што пред войном. Уж почали собі бесідувати обоє, ци не ліпше в Америкі остати. Та и сын им росне. Панько ничым не интересувался, лем своим домом и свойом фамилийом. В нияку организацию не належал, нигде не ходил, довольный был тым, што має роботу, добру жену и сына. Тішила го його фамилия.

Так минали дни за днями, а навет рокы минали за роками, а Штельмы собі жили и ничого не зауважили, што дієся во світі и коло них. Газеты ниякой не выписували, не читали и нич таке их не интересувало. Хоц часом им дакто дал газету, то єй не прочитали, они думали, што газеты лем про панов.

— Што то мі може газета помочи? — гварил нераз Панько. — Як не буду робити, то не буду мати ничого. А як будеме робити, то ся дачого доробиме и будеме спокойнійше на стары рокы жити.

Но якоси раз Панько зауважил, што босс сквитувал пару роботников, и то добрых. Але собі подумал, што може их не любил, може дашто даколи му отрекли, як не треба, або што. Та и до юнии нагваряли, а босс дознался. А юнии босс страшно не любит. Таку юнию он не любит, што йому за плечами роботникы организуют. Он лем таку любит, што сам организує, в той и Панько стоит, то йому нич не грозит.

Но раз якоси и Панька босс на офис закликал, усміхнулся до него ласкаво, бо Панько робил ту уж 20 літ, тай гварит до него, што тепер ніт надост роботы, то най он на даякий час остане дома, а як робота появится, то он дораз по него напише...

Панько свято вірил свому боссови. Почкати пару тыжнів, а хоцбы и пару місяц, Панько може, бо центы сут. Но жде тыждень, другий, місяц, пять, рок, а босс не пи-

ше ани слова. Текля гварит, што она иде глядати роботы, бо и як обоим дома сидіти. С трудом нашла — чистити офисы от 10 в ночы до 8 рана за 40 дол. на місяц. Робота тяжка и брудна, але што робити? Робила так Текля два рокы, тай єдного разу закликала єй форлейди до офису и просится, ци Текля ситизин? Текля гварит, што но.

— Так ты ту не можеш робити, бо мы тепер лем про ситизенов роботу маме, а другы мусят идти преч...

Жде Панько того листу от босса уж десят літ. Уж посивіл добри, и грошы уж давно вышли гет. Текля ище часом дакому праня возме, але не може уж тыж и прати, бо має в руках ревматизм. Сын вырос на великого хлопа, и школу має, здоров, та и ту родженый ситизин и тоже жде на роботу. Но сынови уж никто ани не обіцує роботу, лем му отразу гварят, што ніт ничого до роботы...

Так доробилися нашы краяне, Панько и Текля.

"ПИСАТЕЛЬ" И "СЧЕСТЯ"

Артур Ключ покончил калледж, начитался розмайтых мудростей, видит світ ясніє от другых звычайных людей. Задумал собі быти писателем, перворядным, такым, абы го читали всі, кому лем попаде його книжка до рук, абы о нем писали всі газеты. А особливо, абы го читали народны массы и училися з його творов нового погляду на світ и житя. А Артур Ключ дуже ясно смотрит на світ и житя, коли бы так всі смотрілі, то всі мали бы грошы, то єст всім всім поводилося бы барз добри. Артур Ключ постановил быти благодітелем людства, переляти свои погляды на папер для всіх людей, показати массам на несправедливости, невзгоды, ошуканства, причины терпіния людей и на выход с того всього, як роспутати тот запутаный світ.

Жил Артур Ключ в Нью Йорку на Авни Б., на третом поверху, жил зо женом, бо скончивши калледж, оженился зо своим свитгартом. Мали три румы: єден цілком темный, то была спальня, — другий от улицы, "ливинг-рум", маленка кухня и "батрум". Комбинация всього потребного на початок. А дальше лем счестя, та буде ліпше и ліпше — каждый же в Америкі має полне право на "пирсут оф геппинесс".

Писатель Артур Ключ пересиджувал, розуміеся, во фронт-румі, где зрана на даякы два метры падало світла солнечного. То была його писательска канцелярия, пахло сильно папером.

Сидит Артур коло окна при столику, пише, потом ходит и думат, то знов читат написане, перемазує и дописує, потом переписує, а все гуму жує, што, видно, додає му енергии и фантазии. Карток записаных полно на столі и под столом.

Мери, то єст молода жена молодого писателя, ани не приходила до фронт-руму, боялася, абы не спугнути писательской фантазии, не помішати мысли. Она же дуже добри розуміє, што значит писатель. Навет істи му немож было дати на час. Коли го Мери кликала істи, то або воркнул як лев, або цілком не чул. Нераз принесла му істи, *поставила скраю на столику*, то так стояло, покаль совсім не выстыло. Но йому было всьо ровно, лем жебы му горяче не дати, бо собі рот попарил. Часом до зупы насыпал цукру, а до кавы соли, бо мысли його ходили далеко по світу.

Днеска Артур не пише, а свои мысли сосредочил на одном, видно, бо ходит беспрестанно по румі и заглядат через окно на улицу. Пару дней тому выслал свою знаменито написану "тру стори" в єдну широко знану издательску фирму, и як приймут для напечатания, то Артур получит 500 долларов. А як не як, доллары головна справа. Хоцбы чоловік и наймудрійше написал, а як не приймут, то єст не дадут за написане доллары, то на чорта здастся всьо.

Иде листонош, уж єст в сусідном домі, уж иде в наш коридор. Єдным скоком злетіл Артур надолину, открыл баксу, вынял пару писем. Розорвал перший зверху. Пишут с корреспонденцийной школы, с такой школы, што каждого можут выучити на писателя. Великыма червеныма буквами выписаный заголовок:

"Хочеш быти писателем? Хочеш быти артистом и зарабляти легко великы грошы? Мы тебе научиме, як уж зме тысячы другых научили. Напиш нам сегодня за подробностями. Мы знаме, што ты великий талант..."

Тот лист Артур зараз вложил до бочкы.

То не был первый такий лист от них. Они уж зробили з него писателя.

Ту єст другий, гладенький, с "Поблишинг Гауз". Аж му сердце затрепетало. Открыл, читат. Писмо было дуже коротеньке. Хотіл зараз роздерти и до бочкы кинути, але роздумал. Вышол на улицу, купил газету и жвачкы и вышол помаленьку горі сходами. В кухні Мери уж зварила каву и довнац принесла. Артур сіл за стол снідати, тай гварит:

— Кримпаф, — так называл Меру, коли хотіл пожалуватися або дашто порадитися.— Кримпаф, смот, што они мі ту пишут, — и подал єй лист.

А писали вот што:

"Дорогий Пане, нам дуже жаль, што мы не можеме печатати вашу "тру стори", бо мы праві подобну печатаме якраз в том нумері. Пробуйте знов, желаєме вам лучшого успіха на другий раз ... Ваш вірный..." и т. д.

Видиш Мери? Пишут, што мают таку саму стори. Та-ж я от никого свою не отписал...

—Зато нич, што трафилося раз так, што и другий тото само написал. На другий раз уж таке не трафится, лем пиш, а знам, што ты можеш добри писати — потішала го жена.

— Так, буду писати, драму буду писати,— рюк твердо Артур, выхилил остаток кавы, встал, вынял с папера жвачку, вложил до гамбы, перешолся пару раз жуваючи завзято, потом заперся в румі, сіл за стол и почал писати знов отпочатку. И так само писал и перекреслял, переписувал, ходил и думал, ажи до себе часом бесідувал. Писал до полудня, ціле пополудни, писал в ночи, но не знати, як долго писал в ночи, бо рано Мери го нашла спати на креслі, з головом на столику, под котру подложил собі рукы.

И чудесный сон мал Артур. Снилося му, што його штука докончена, куплена театралистом мистером Вулфом, и уж выучена акторами, уж мают грати на Бродвею, уж Артур сидит в первом ряді, абы смотріти на сцені свою штуку. Людей полно в театрі, а ище все приходят. Куртина подносится помалу. Артур выставил голову, починают грати, грают, уж конец первого акту, куртина падат. А ту люде починают бучати, свистати. Зачинают грати другий акт, а люде не перестают бучати, свистати, тупкати, мечут штоси на сцену, кричат, бурятся и выходят гет. Не остал в театрі, лем Артур, а на сцені акторы позерают по собі, што ся стало, а за хвильку зникают и акторы. Навет и Мери го лишила. Слышит голос: "автор, автор!" То мистер Вулф го кличе. Артур хоче скрытися, но не може встати с кресла... Бореся против той невидимой силы, што го приковала до кресла, хоче утікати, але не може...

Мери с кухні зауважила, што муж рушатся штоси, тай кличе:

— Артур, поле-гев! Я мам сюрпрайз для тебе! Пришла картка з "Доблью Пи Ей", завтра до роботы!

— Што ты кажеш, Мерцю? Што за счестя! — крикнул Артур Ключ и обнял жену. — Спаль вшитко тото папіря ище днеска.

(Юркова, Нью Гайд Парк, Н. Й.)

ЛЮДЕ И ЗЕМЛЯ

От Карпатского хребта до холмов Бессарабии роскинулася Сіверна Буковина. Машина іде горском дорогом, омытом дождями, выкручат поза яругы, напоминаючы яругы Южного Кавказа и несеся по лісам, такым самым густым, як тайга, потом вырывается в долины, подобны на кубанскы и донскы, открыты оку на много километров.

И всяди — в горскых, лісных и степных селах — кипит бурне житя. Десяткы и соткы тысяч людей покинули свои хижи, вышли под открыте небо, на травникы, в тінь дерев, на берегы рік, в паркы панскых фольварков, штобы поговорити, обсудити, рішити — як, с чого начинати нове житя.

Неділя 7-го юля. Крайова, то єст найголовнійша державна дорога Черновцы—Яссы—Бухарест. Узенька смужка землі, посыпана чорными не впрессоваными каменчиками. Ямы. Гнилы, присівшы мосты. По обом бокам крайовой дорогы розложилося село Горбатово. Стаєме. Біліют хаткы, крыты соломом. Чорнохвосты, червеноногы боцаны на жолтых коминах. Рідкы, бідны садикы, огороджены высокыми штучными плетнями. Студні пред порогом. Дворы посыпаны каменцями з берегов Прута, котрый виднієся сквозь сады. Поля подроблены на кусочкы, — кусок благодатной, всеспасаючой кукурузы, меньший кусок жита, ище меньший — фасолі, а уж совсім маленький кусочок — подсолнечника.

У "примарии" — сельского уряду — собралося ціле село. Надзвычай много чорного — и в одежі селян, и в лицах. Молдаване.

Ніт и в помині ціломудренной чистоты, чистоты в одежи украинскых селян Буковины. Крисоваты чорны капелюхы. Чорны старомодны сурдуты сорокалітной давности, доставшыся, очевидно, в спадку. Чорны твари. Босы, предчасом постарівшыся селянкы, физично здушены нуждом, отіды майже во всьо чорне. Чорнонога, опалена дітвора несміло тулится к отцовскым и материнскым ногам.

Сколько столітий из покоління в покоління треба было бити людей, морити голодом, штобы они выглядали вот такыми жалкыми, не радувалися радости, не чули счастья, держачи його в руках. Сколько треба было румынскым боярам и поміщикам кламати, хитрувати и крутити, штобы посіяти в душах трудениковв зневіру в свои власны силы.

— Чия тота земля? — просится совітский чоловік, вглядуючись на юг, запад, восток.

— Поміщика Михаила Опря, поміщика Сегала, поміщика Пирложана.

— А кто на ней працувал, на той землі?

— Мы, — в єден голос отповіли селяне.

— А вашы отцы, діды, прадіды?

— Нашы отцы, діды и прадіды тоже на ней працували.

— А што робил поміщик?

— Зберал урожай и продавал.

— Так чия то земля — ваша, ци панска? Кто на ню має больше права — вы, котры єй віками обрабляте, ци дармоід поміщик?

Совітский чоловік ждал, што селяне дружно в єден голос крикнут, што лем они, и никто другий, мают право на землю. Йому было дивно, коли селяне не отповідали.

— Так чия же то земля, полята потом и кровью дідов и отцов, вашой власной, вашых дітей?

— Наша земля, — отповіло пару селян.

— Раз земля ваша, то што з ньом треба робити?

Селяне молчали. Ни шопоту, ни шороху, ни вздоху. Знойне полудневе солнце пекло с самой середины неба. Селяне хмурилися и молчали, не глядячи на солнце, ни на совітскых людей.

Им дуже хотілося сказати тото, о чым они могли лем снити — земля наша, мы єй газ-

дове, аж тепер мы будеме обрабляти єй, аж тепер мы будеме зберати свой урожай. Но было страшно выговорити тоты смертельно заборонены слова. Віками приучали селян, што панска и понастырска земля — то дар божий. Што на том и світ стоит: єдны мают быти бідными, а другы богатыми. Што по божому закону и по людской судьбі селяне мают жити в голоді и холоді, поливати землю кровью и потом.

Молчал и совітский чоловік, добри понимаючи, што происходит в сердцах селян. З великом радостьом смотріл он на своих братов, чувствуючи, из якой беспросвітной темноты подносится світла радость жизни, через якы двери зневіры пробиватся віра в своє счастье.

10—20 секунд прошло — селяне молчали.

Из задных рядов собрания протолкался босый, чорноногий, опаленый солнцем селянин — літ 40. Суха, жиляста шия. Впавшы очы. Узкы згорблены груди. Долгы худы рукы зо зграбилыма пальцами. Опустивши очы в землю, селянин рюк:

— Я хочу жити так, як я жил все.

Никому не треба было поясняти, як жил чорноногий селянин все. Громкым, бурным, недовольным шумом собрание заявило, што оно не згодно з його желанием.

— Оставити землю на 5 літ таком, яком она была до тепер, — чути новый голос.

И на тот голос селяне отповіли бурно и недовольно.

— Што-ж тогды робити с панском земльом? — повторил совітский чоловік свои слова.

Селянин в старом соломяном капелюху, тяжкых солдатскых боканчах, зношеном сердачку, смуглолицый и беззубый — Дмитро Мизунский воскликнул, звертаючись к селянам:

— Так што-ж нам робити с панском земльом? Чого-ж мы так долго думаме? Розділити! Розділити!!

Вот оно сказано рішающе, завітне слово, котре снилося им віками. Розділити. Отразу народ ожил. Без остатку роздоптаный страх, покорность судьбі.

— А єсли вернеся пан!? — роздался голос з задных рядов.

— Там, где вступила нога Красной Армии, николи уж не буде поміщика.

Селяне радостным говором и усміхами потвердили: так, то правильно, таку армию немож побідити.

— Значит, розділити панскы землі? — звідуєся совітский чоловік.

— Розділити!!!

— Як розділити — поровні меж всіми селянами?

Громогласный протест. Ніт, в нияком случаю, треба дати землю найперше тым, што цілком не мают землі, и тым, што мают мало. А як с овцами, коровами, коньми, и инвентаром, панскымин будиками? Худобу и зерно треба роздати найбіднійшым. Панскы будинкы — два под школы, третий под кооператив, а в четвертом устроити клуб.

Высока худа жена в теплой волняной хустинкі, зо сурового полотна сорочкі, боса, мати великой фамилии — Мария Кицук, котра николи перше не посміла бы подати свой голос меж мужчинами, внесла предложение, штобы при розділі землі взяти на увагу число дітей бідных людей. Столітный Харламп Андроник порадил розділити уж засіяну землю так, штобы жито, кукуруза достались тым, котры сидят без хліба.

И о кормі для панскых коров, котры попадут в рукы бідняков и выробников, и о запрягу для вічно без робочой худобины селян — о всім уже успіли подумати селяне.

Просто-напросто оказалося, што великы жизненны вопросы селяне обдумували давным-давно.

А. Авдиєнко.

БІДА С ТАЛАНТОМ

Демко Гарайда, сын коморника Максима, рос коло свого отца и от дитинства показував рідкы способности. Люде говорили, што Демко родился с талантом. Та и його отец мал талант. Робил скрипкы, басы и знал на них грати, так што коли цыгане складали музыку, то Максима все брали до бас. А коли подрос Демко, то воліли Демка, як старого Максима. С часом и скрипку Демко зробил ліпшу, як Максим, т. є. перевысшил свого учителя отца. Всі говорили, што Демко ліпший майстер и ліпше грає от Максима.

Демко, хлопцом, пас чуже стадо, и все дашто стругал, и выстругував ножиком таке, што школеный різбяр, абы таке выстругати, послугувался розмайтыма прирядами. Каждый мусіл признати, што Демко талант. Ажи духовник, єдина учено-музыкальна особа на околицу, виділ што-си в Демку. Єгомосць, приміром, без камертона не мог найти голосу настроити скрипку, а Демко напамять настроил всі струны.

Свою чудну музыку на скрипках брал Демко не з готовых нот, котрых не знал, а просто з натуры. Прислухувался вітрам в дебрях, шуму поточка, співу птиц и людей и передавал звукы натуры на свойой скрипкі.

Но природному таланту потребна школа, котра бы розвила талант и направила го по правильному пути. Иначе талант загине бесслідно, як загинул в нашых горах неєден.

Всі знаме, што кто в краю из нашой молодежы был живший, способнійший, талантливший, тот шол в Америку глядати ліпшой долі. Нич дивного, што и наш Демко выбрался в Америку. Пожичил грошей на дорогу и поіхал.

В Америкі роботу дораз Демко нашол, хоц и тяжку и не так добри платили, но але при свойом музыкальном таланті дорабял суботами и неділями. Ходил грати по весілях краянов и по малых забавах. А притом и дівча нашол и оженился. Працувал через тыждень и пак дашто доробил при музыкі, так што устроил свою фамилию, як належится. Бо уж и троє діточок им Бог дал с часом. На всьо старчило иіце и отложити мож было на чорну годину пару долларов. Бо знате, як то єст: захворіє дакто с фамилии, або даякий другий выпадок... Дост, што житя укладалося Гарайдам так, як треба.

Но лем раз штоси сталося в Америкі, настало безроботя. Миллионы народа остало без роботы. От чого, никто не знал. В церкви говорили иначе, в школі иначе, в клубі иначе и на улиці иначе. И Демко остал без роботы. Лем што суботами и неділями музыком пару долларов заробил, но и весіль и забав стало меньше. Хлопці шотраз меньше женилися, люде меньше на забавы ходили и меньше забав справляли. Што Демко откладал на чорну годину, проіли давно.

За цілый тот час Демко ходил за роботом по Нью Йорку, но нигде для него роботы не было. Порадили му походити по 6-ой евни, што там ище мож роботу найти до ресторану. Ходил долго по 6-ой евни от офису до офису, от ресторану до ресторану, и наконец роботу нашол. Взяли го за помыйника. Та знате, яка то робота, як платят. Но але и то робота, як ніт другой:

— Доллара денно, и істи — гварит агент.

Демко смотрит на агента, ци не жартує. Што-ж он з долларом зробит для свойой фамилии, для жены и дітей.

— Береш роботу? Бо я не мам часу. Доллар днеска добра плаца, а ище и істи. Миллион дней, миллион долларов. Всі нашы великы американскы люде, миллионеры, не от долларов, а от центов починали, а днеска миллионеры, — поучує агент Демка.

Итак, почал Демко наново от доллара. И якже был зачудуваный, коли за помыйным столом встрітил старого русского генерала, доктора, инженера, норсу, студентов. А меж учеными американцами звычайного словака. Всіх разом зогнала ту людска судьба и поставила за помыйным столом.

Вот, где починали нашы американскы милионеры! Выходит, што они певно дуже стары, почали таку роботу от центов певно ище пред Христом.

Якоси по пару місяц той роботы за по-

мыйным столом в ресторані подходит старший и звідуєся, кто с чым, з якым талантом мог бы похвалитися, бо великий босс так старатся о своих роботников, што им хоче устроити концерт-баль. А в концерті должны выступати выбраны таланты из його роботников соток його ресторанов. Подходит старший и ку Демкови и звідує, ци не має даякого таланту, ци не співат, або танцує, або грає. Демко гварит, што он грає на скрипкі.

— Гуд! — гварит старший и записал му "точку"...

В субботу в великой галі собралося три тысяч роботников компании на концерт. Танцували, співали, грали, як кто знал и мог.

Пришло на Демка. Кличут:

— Демко Гарайда, "дишвашер" 45-го штора заграє нам на скрипкі старокрайовы карпатскы мелодии...

Вышол Демко зо свойом скрипком, вклонился и заграл. Грал, як найліпше мог, свою крайову музыку. Такой чудной музыкы тоты люде ище не слышали, тот "дишвашер" не так грає, як другы грали. Тота його скрипка говорит до душы, штоси оповідат за далекий край, за його природу, историю, житя людей. В галі утихло, якбы маком сіял. У дакотрых показалися слезы в очах. Може то у тых, што знают тот край, тот народ, тоту природу, о котрой Демко грал. Но уж друге што-си грає Демко, уж його скрипка оповідат о Америкі, о єй машинах, о безроботю, о природі богатой, промышленной Америкы, о Нью Йорку.

— Таж тот "дишвашер" великий талант, лем неученый, — шептали єдны другым. А коли Демко покончил грати, вся галя забурилася от восторга. Дакотры выскочили на сцену, подняли Демка на рукы. Нашлися и квіты, полну бочку квітов принесли. Демко стал первым чоловіком того концерта. Обнимали го и цілували дівчата и жены. Навет сам "биг босс" подошол до него, подал му руку и поздравил с талантом. Спору ниякого не было, перву нагороду получил Демко...

Даколи, коли был ище хлопцом в краю, оласка цыганка ворожила му, што субота його счестливый день. Припомнул собі Демко тепер и тоту ворожбу старой цыганкы. "Правду стара мала!" Бо Демко уж был того певный, што тепер уж веце помыйником не буде, тепер напевно го назначат до компанийной музыкы. Сам "биг босс" звернул на него увагу. Раз пришла тота счестлива субота, о котрой цыганка ворожила...

На другий день, в неділю, Демко приходит до роботы, як звычайно. Но ище не взялся до роботы, як го кличут до офису.

На столі увиділ Демко коперту для выплаты и документ, подписаный ним при принятию на роботу.

Старший посмотріл на Демка через окуляры и звідує:

— Ты музыкант?

— Як видите...

— И ты не мал желания стати "дишвашером"? Профессиональным "дишвашером"?

— Николи.

— А вот ту ты подписал документ, што ты был "дишвашером" и маш желание ним быти.

— Я задоволеный и таком роботом.

— Але мы не задоволены. Воз-же свой калап и ковт и ид дому, поглядай собі роботы по свойой профессии. Ту твоя выплата.

— Але-ж мистер, я мам жену и діти, я по свойой профессии роботы не найду. Я хочу быти помыйником...

— Но, ты талант, музыкальный талант, и мы не можеме взяти на себе такий великий гріх, абы мы погубили такий талант при помыйном столі. Мы звольняме тя з роботы и даєме ти свободу глядати возможности быти тым, для чого ты рожденный...

* * *

Днеска уж Демка при помыйном столі не было.

— А где Демко? — звідуют товаришы помыйникы старшого.

— Демко музыкант, — отповідат тот. — Пред ним велика будучность. Його місце не за помыйным столом. Сквитувал и глядат роботы по свойой профессии.

Помыйникы, — инженеры, докторы, студенты, норсы, — порозуміли справу и ище ліпше причулилися за помыйников, абы старший виділ, што они всі профессиональны "дишвашеры", а не даякы иншы таланты, як, приміром, Демко музыкант. Никто, ани єден другому не признатся, чым он был, або яку школу, який талант має ...

Н. А. Цисляк.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

(СОВІТСКА НОВЕЛЛА)

Што ни день, то все прибавлялося роботы листоношу. Його торба не вміщала и половины почты в село Бондари. Треба было класти писма в кишені широкого сірого сурдута, а цілу вязанку газет влечи на плечах.

Но в тот день, несмотрячи на переладунок, Панько *шол легко и быстро. То, што он дознался* про Стефана, глубоко взрушило листоноша. Лем бы скорше в Бондари. Вот порадує Панько колхозников! Найперше треба буде повісти Харитону Васильевичу. То-то новость буде для старика. Лем бы го дома застати. На ноч уходит Харитон Васильевич ку стаду.

Сім літ служил Панько листоношом, но односельчане каждый раз встрічают го так, якбы не виділися з ним долгы рокы. Именно за тото само и любит Панько свою роботу. Он розуміє, што захворуй Паньку хоц на єдну добу, житя в Бондарях стане немиле. Ніт, Панько не може хворіти, он должен раненько покидати село, штобы ку вечеру принести му массу новостей.

Роздаючи газеты и письма, Панько каждому загадочно вспоминал о якой-си важной новости, котру он выложит аж за годину.

— Нашы Бондари поднялися ище на ступеньку вверх, — многозначно поднявши палец, говорил Панько... Розуміеся, што тоты слова роспалювали цікавость. Колхозникы рушали плечами и ище сильнійше переконувалися в том, што Панько дуже важный чоловік для села.

Пастух Харитон, глухий на ліве ухо, мало згорбленный сивый старик, был ище дома. Коло ворот встрітился с Паньком. Старик держал в руках мериндю и флягу з водом.

— Витайте, Харитон Васильович, витаю и поздоровляю сердечно.

Дідо повернул ку листоношу ліве ухо, штобы ліпше чути.

— Новости єст, Харитон Васильевич. Стефана вашого генерал-майором именували. Портрет в газетах отпечатаный.

Панько вынял газету, розвернул. Направду, меж генералами был и Стефан, сын Харитона. Старик посмотріл на лице сына и широко усміхнулся. Такым самым выглядал Стефан минувшого року, коли в Бондари приізжал.

Листонош был особливо рад не лем тому, што первый дознался о генералі Стефані, но и потому, што Стефан друг дітства. Замітивши приближаючогося предсідателя колхоза Никиту Григорьевича, Панько крикнул му навстрічу:

— Читали? Вот, прошу любуватися. Стефан — генералом. Тот самый Стефан, котрый в Бендарях родился и вырос! Взагалі, Бондари...

Послідню мысль Панько высказувал и в районі, где виділся з листоношами. Он говорил им, што такы люде, як Стефан, могли вырости лем в Бондарях. Взагалі Панько был твердо переконаный, што ліпшого села не найти нигде. И сад отличный, и став замічательный, и хор прайз получил в Киеві.

Предсідатель розвернул газету. Стефан смотріл на него мудрыми очами. Енергично затяты губы, высоке чело, кріпка шия, простый нос — всьо говорило о сильной волі характері генерала. Никита Григорьевич ровесник генералу, они знают єден другого от маленькости, разом добровольно пошли в Красну Армию, разом навіщали чорноярских дівчат. А потом розышлися: Никита любил поле, к агронотехникі мал склонность, а Стефан стремился к воєнному ділу. Бывало, приізжал Стефан в село. Никита брал го с собом в поле и з видом знатока звідувал го о травах, о сівооборотах. Стефан дакус отставал в земледілию, зато он росповідал Никиті такы чудеса о воєнной штукі, што Никита часами забывал, што перед ним Стефан. Як профессор розберался он в воєнном ділі. И оба были дуже довольны, што каждый на свойом місци.

Дораз на другий день было рішено послати делегацию к свому знатному односельчану. Колхозницы напекли пирогов, приготовили два ведра черешен, поймали в ставі карпов и припражили. Никита Григорьевич не хотіл заганьбитися. Кто знає, може як

раз у Стефана Харитоновича буде дакто з Москвы.

Труднійше было зо складом делегации. О собі Никита Григорьевич и не думал: он при всякых условиях должен поіхати. Само собом розуміеся, што поіде в гости к генерал-майору и Харитон Васильевич. Треба буде взяти и бригадира Васюту, орденоносца.

На засідании правления оказалося, што делегацию треба росширити. Єсли включити Васюту, то чом же не взяти Марию Безверху. Два рокы єден за другым Мария — участница выставкы в Москві, медаль получила. Рішено было включити и Марию.

Коли погодилися о складі делегации, несподіванно попросил слово сторож Савва:

— Єсли правду повісти, то я должен непремінно поіхати и притом первым в списку быти, — сказал он.

— Длячого?

Савва рюк:

— Найперше, Стефан мой крестный сын, штобы вы знали. А головно, што коли я в партизанах ходил, я все Стефана зо собом брал. Єсли не вірите, най Харитон скаже. Вот и россудте: Може Стефан именно через мене и полюбил воєнне діло.

Согласилися з доводами Саввы, включили и його в склад делегации. Ктоси предложил кандидатуру Панька, но тот сам заявил, што служба не дозвалят. Зато, єсли не забуде пресідатель, то найперше має передати привіт от листоноша.

В город колхозникы прибыли раненько. Город ище спал. Постовой милиционер росповіл, як найти потребну улицу. Колхозникы поспішили єй найти.

Харитон Васильевич всмотрювался в лица воєнных. Йому здавалося, што вот-вот встрітится зо сыном. Єдного он уж хотіл остановити, так был подобный на Стефана.

Улица, котру глядала делегация, была на другом концу города. У великой будовы встрітил делегацию пост. Харитон Васильевич жмурил очы, якбы солнце сліпило го, и позерал на окна. Дежурный по штабу запросил колхозников в невелику комнату. Никита Григорьевич вошол первый, Харитон Васильевич за ним. Мария Безверха замітно непокоилася: черешни в кошику чогоси змокли.

— Мы бы хотіли видіти генерал-майора Стефана Харитоновича, — рюк, сідаючи, пресідатель колхоза.

— То мой сын, — додал старик.

— Так? — звідал дежурный. — Дуже приятно. Значит вы, видно, односельчане генерал-майора. Дуже рад. Но . . . генерал-майор куды-то уіхал. Сегодня його не буде.

Тоты слова совсім огорошили колхозников. В єден миг рухнули надежды. Добру сотку километров проіхали они поіздом, каждый уж приготовил найтеплійшы и найсердечнійшы слова поздравления и нараз...

— Якже то так? — звідал страченый Харитон Васильевич. — Може он уж вернулся?

— Ніт. Я точно знаю, што уіхал. Но вы не смуттеся. Я заведу вас в садик, отдохнете, чайом угощу.

— Ніт, ніт, як так, то нам треба спішити дому, — рюк пресідатель.

Делегация оставила подарункы у дежурного, попросила го передати генералу поздравление от цілого колхоза и сказати, што был ту и отец Стефана, и його товаришы. Он знає каждого.

Всю дорогу до самой свойой станции колхозникы майже не бесідували. У каждого было якеси чувство обиды, хотя и понимали, што найменьше тому был винен генерал-майор. Вот єсли бы послали му телеграмму. Никита Григорьевич не мог собі того пребачити. Панько вспоминал му про телеграмму, но пресідатель не послухал. Вот и вышло, што вернутся они не солено івши.

Но як лем зышли с поізда и пошли полями, каждому полекшало. Рано выдалося незвычайно приятным и ласкавым. Жаворонкы заливалися звонкыми піснями. Колхозникы шли мимо ощетинившогося ячменя. Ранна роса блестіла на буйных зернах. Говорили колхозникы про урожай, о том, якы зерна красшы — чорноярскы ци бондаривскы. О генералі забыли...

Коли делегация повернула направо, пред ньом открылася широка долина. Ту починалися колхозны лукы. Откаль-си доносился мелодичный мягкий звон кос.

— Таж то нашы косят,—воскликнул пресідатель. — Завчасу вышли.

Колхозникы повеселіли. Увидівши своих, косари нараз кинули косы, подняли крик, дакотры чого-си почали хохотати. Лем єден

косарь, выпередивший другых, продолжал косити.

Никита Григорьевич знал каждого колхозника по походкі, по руху в роботі. Косаря в попелястой сорочкі он не мог признати своим.

Когда делегаты подошли ближе, косар обернулся к ним лицом и, усміхнувшися, пустился ку дорогі.

— Таж то Стефан!

Никита Григорьевич подбіжал ку нему и кріпко го обнял. Стефан нашол среди делегатов отца и тоже росцілувался з ним. И так запорядком с каждым односельчаном из делегации.

— Якже то так вышло? — зачудуваный звідал предсідатель.

— Дуже просто. Выходный день, — дай думаю махну в Бондари. А ту, оказуєся, сінокос не законченый. Ну, и я рішил припомнути собі. Треба же заробити на обід? Як не як, а трудодень ты мі записати должен.

Коли покончили сінокос, всі гуртом пустилися в село. Генерал-майор шол рядом с отцом, слухаючи його бесіду о стаді, котре уж н'т где помістити — треба будувати новый кошар. Солнце щедро поливало зелены поля теплом и осліпительным світлом. Колхозникы росповідали гостю новости. А гость шол рядом з ними с косом на плечу — загорілый, простый, звычайный Стефан, сын чабана Харитона.

Направду, Бондари замічательне село!

(Ал. Носенко, "Советская Украина").

МИХАИЛ ЗОЩЕНКО.

КАЛОШЫ И МОРОЖЕНЕ

Коли я был маленький, я дуже любил морожене (айскрим).

Розуміеся, я його и сейчас люблю. Но тогды то штоси было особливе — так я любил морожене.

И коли, наприм'р, іхал по улиці мороженщик зо свойов колясков, то у мене прямо починался заворот в голові: до того мі хотілося покушати то, што продавал мороженщик.

И моя сестричка Льоля тоже страшно любила морожене.

И мы с ней мечтали, што вот, коли мы выроснеме великы, будеме істи морожене не меньше, як три або штыри раз в день.

Но в тоты часы мы дуже рідко іли морожене. Наша мама не позволяла нам його істи. Она боялася, што мы простудимеся и захворіеме. И по той причині она не давала нам на морожене грошей.

И вот єдного разу літом мы з Льольом гуляли в нашом саду. И Льоля нашла в корчах калошу. Звычайну гумову калошу. И притом дуже выношену и подерту. Певно дакто выкинул єй, як больше несуцу.

Вот Льоля нашла тоту калошу и для потіхы наділа єй на палку. И ходит по саду, махат том палком над головом.

Як раз по улиці иде шматяр. И кричит: "Купую фляжкы, банькы, шматы и всьо, што вы мі продасте."

И тот шматяр, увид'вши, што Льоля держит на палиці калошу, говорит Льолі:

— Ей, дівчатко, продаеш калошу?

Льоля думала, што то така гра, и отповідат шматяру:

— Так, продаю. Сто рублей стоит тота калоша.

Шматяр засм'ялся и говорит:

— Ніт, сто рублей — то задуже дорого за тоту калошу. Але єсли хочеш, дівчатко, то я тобі дам за ню дві коп'йкы, и мы с тобом росстанемеся друзьями.

И с тыма словами шматяр выбрал с кишені мішочок, дал Льолі дві копійкы и сунул нашу подерту калошу в свой міх.

Мы с Льольом поняли, што то не гра, а направду. И дуже мы зачудувалися.

Шматяр уж давно ушол, а мы стоиме и смотриме на нашу монету.

А ту лем раз по улиці иде мороженщик и кричит:

— А вот продаю земляничное мороженое (""строберри айскрим").

Мы с Льольом поб'жали к мороженщику, купили у него дві кульочкы по копійкі, мо-

ментально их зіли и почали жалувати, што мы так таньо продали калошу.

На другий день Льоля мі говорит:

— Миньку, сегодня я рішила продати шматяру ище одну даяку калошу.

Я обрадовался и гварю:

— Льоля, а ци ты знов нашла в корчах калошу?

Льоля говорит:

— В корчах больше ничого ніт. Но у нас в сінях стоит напевно, я думаю, дас пятнадцет калош. Єсли мы єдну продаме, то нам тото нич не пошкодит.

И с тыма словами Льоля побіжала до дому и скоро появилася в саду с одном, довольно хорошом и майже новеньком калошом.

Льоля рекла:

— Єсли шматяр купил у нас за дві копійкы таку рвань, яку мы йому продали в прошлый раз, то за тоту, майже новеньку калошу он, напевно, даст нам найменьше рубль. Представ собі, сколько мороженого буде мож купити на такы грошы! Минька, на сей раз ты продавай калошу. Ты мужчина, и ты зо шматяром бесідуй. А то он мі знов лем дві копійкы даст. А то нам, для нас двоих, задуже мало.

Я зділ на палицу калошу и почал махати палицом над головом.

Шматяр подошол и звідался:

— На продай?

Шматяр осмотріл калошу и рюк:

— Як жаль, діти, што вы все по одной калоші продаєте. За тоту єдну калошу я вам дам пятачок. А єсли бы вы продали мі отразу дві калошы, то получили бы двадцет або и тридцет копійок. А то зато, бо дві калошы больше потребны людям. И от того они подскакуют в ціні.

Льоля мі сказала:

— Минька, полет-ле на дачу и принес зо сін ище єдну калошу.

Я полетіл дому и принюс якуси калошу дуже великых розміров.

Шматяр поставил на траву тоты дві калошы обок себе и, смутно вздохнувши, рюк:

— Ніт, діти, вы мене вконец ростроюєте свойом торговльом. Одна калоша дамска, друга — с мужской ногы, розсудте сами: нашто мі такы калошы? Я вам хотіл за одну калошу дати пятачок, но, сложивши разом дві калошы, вижу, што то не може быти, так от того стратила в ціні кажда калоша. Нате за обі калошы штыри копійкы, и мы розыйдемеся приятелями.

Льоля хотіла летіти дому, штобы принести ище дашто с тых калош, но в тот час роздался гдеси мамин голос. То мама нас кликала дому, так як с нами хотіли попращатися мамины гости. Шматяр, видячи наше замішание, рюк:

— Итак, друзья, за дві калошы вы могли бы получити штыри копійкы, но вмісто того вы получите три копійкы, бо єдну копійку я вам мушеный отрахувати за то, што даремно час трачу на пусту бесіду з дітми.

Шматяр дал Льолі три монеткы по копійкі и спрятавши калошы в мішок, пошол собі.

Мы с Льольом моментально побіжали дому и почали прощатися с мамиными гостями: с тетом Ольом и уйком Кольом, котры одівалися в сінях.

Лем раз тета рекла:

— Што за чудо. Одна моя калоша ту, под вішалком, а другой чогоси ніт.

Мы с Льольом поблідніли. И стояли анируш.

Тета Оля рекла:

— Я дуже добри памятам, што я пришла в двох калошах. А ту сейчас лем єдна, а где друга, незнати.

Уйко Коля, котрый тоже глядал свои калошы, рюк:

— Што за чудасия в решеті! Я тоже дуже добри памятам, што пришол в двох калошах, тым не меньше другой мойой калошы тоже ніт.

Услышавши тоты слова, Льоля от страху розжала пяст, в котрой у ней находилися грошы, и три моненткы з бренком упали на подлогу.

Папа, котрый тоже отпроваджал гостей, звідал:

— Льоля, откаль у тебе тоты грошы?

Льоля начала штоси брехати. Но папа сказал:

— Што може быти горше от брехни!

Тогды Льоля заплакала. И я тоже заплакал. И мы сказали:

— Мы продали шматяру дві калошы, штобы купити морожене.

— Горше от брехни — тото, што вы зробили.

Услышавши, што калошы проданы шматяру, тета Оля поблідніла и захвіялася. И уйко Коля тоже захвіялся и хватился руком за сердце. Но папа им сказал:

— Не турбуйтеся, тето Оля и уйку Коля, я знаю, як нам треба поступити, штобы не остались без калош. Я возму всі льолины и минькины игрушкы, продам их шматяру, и за выручены грошы мы набудеме вам новы калошы.

Мы с Льольом заревіли, услышавши тот приговор. Но папа сказал:

— То ище не всьо. За час двох літ я забороняю Льолі и Минькі кушати морожене. А по двох роках они можут його кушати, но всякий раз, кушаючи морожене, най вспоминают тоту печальну историю, и каждый раз най они думают, ци заслужили они тото сладке.

В тот самый день папа собрал всі нашы игрушкы, позвал шматяра и продал йому всьо, што мы мали. И за получены грошы наш отец купил калошы тетi Олі и дяді Колі.

И вот, діти, от того часу перешло много літ.

Первы два рокы мы с Льольом направду ни раз не іли морожене. А потом почали го істи и каждый раз, кушаючи, нехотячи вспоминали о том, што было с нами.

И даже тепер, діти, коли я стал совсім взрослый и даже немножко старый, даже и тепер часами, кушаючи морожене, я чую в горлі який-си тиск и якуси ганьбливость. И при том каждый раз по дітской привычкі, думаю: "Ци я заслужил тото сладке, не збрехал я и не ошукал я дакого?"

Сейчас, діти, дуже много людей кушают морожене, потому што у нас тепер цілы огромны фабрикы, в котрых выробляют тоту приятну страву.

Тысячы людей и даже миллионы кушают морожене, и я бы, діти, дуже хотіл, штобы всі люде, коли кушают морожене, думали о том, о чом я думаю, коли ім тото сладке.

ВАСЯ ОРЕШКИН

(Рассказ совітского учителя)

Мене давно звідували діти, а частійше всіх — Орешкин:

— А чом вам, Григорий Степанович, ордена не дают?

Они, діти, всегда так, — кого любят, тому орден и давай. Усміхнешся, отповіш:

— Значит, я не заслужил. Вот заслужу, так дадут.

Но Орешкин недоволен.

— Як же то, — говорит, — не заслужил. Вы вот всіх учите, учите, — учителей — и тых учите.

— Та где я их учу?

Прижмурил єдно око, смотрит на мене лукаво.

— Думате, я не знаю. А вот собрания бывают.

— Ну, — гварю, — я найстарший, вот и учу. Видиш, у мене голова сива.

Орешкин задумался на минутку.

— А они вас слухают?

— Слухают. Ліпше, як ты слухаш.

Орешкин любил красти. Без матери рос, отец — пьяница, закрывал білый світ своїому сыну. Хлопці у нас, в Новшині, боялися го, як огня. Собрал шайку, набили, ограбили. Рыбакам сіти порвали. Всі говорят мі: "Ты с ним не связуйся, он тебе окраде и утече. Негодный он". А я знаю: житя го зробило негодным; коли я — учитель, то я должен го направити. Зробил я його своим помочником, — ключ дал му от шафы, от библиотеки.

Он товаришам гварит (мі тото повідали):

— Ох, я бы мог сколько книжок украсти. Лем Григорию Степановичу платити бы треба.

Ну, думаю, ничого собі. Може, як выросне, не буде красти, скаже: "Был у мене учитель, Григорий Степанович, мене красти отучил."

Трудно, однако. Иду селом, а мі повідают:

— А ваш Вася Орешкин когута украл.

— А ваш Вася Орешкин мому Сенькі голову розвалил.

Звідую:

— Чого ты Сенькі голову розвалил?

— Наіжился, очами блиснул.

— А што мі з ним робити. "Таинственный Остров" — перву и третю книжку вернул, а другой не несе и не несе.

Што му повісти? Он о добре старатся, а вышло зле. Так у дітей бывает.

— А когута украл? — звідую.

А он спустил голову, не смотрит на мене.

— Украл, Григорий Степанович.

Ну, стыжу я його: мі, гварю, прикро дуже. Другий рок учу. Приду до склепу — мене ганьблят. В робочий комитет приду — мене ганьблят. А ту я— до тебе привык. И порозумій ты, мі тяжко.

Стоит, молчит.

Нараз як выпалит ни с чого, ни с того:

— Єй-богу, Григорий Степанович, не буду красти больше.

— Ты бы, Вася, другых дітей ганьбился.

— А я другых не ганьблюся, лем вас.

Я розумію: он ласкы не виділ. Никто його не любит, никто не сварит. И ни страхом, ни стыдом його не возмеш.

А принес му новы пончохы — он обдертый ходит — поможе. И то не подкуп, — он старунок чувствує, ласку. И перестає свои выбрыкы.

Мі совхоз купил хорошой материи, а я Васі дал ушити костюм. Прихожу в комитет, гварю: "С той материи я дал ушити шаты Орешкину, дайте тепер для мене другу." В комитеті недовольны, журят мене: "столько труда положено, а ваш Орешкин не поправлятся."

Оно понятно. Комитет не обовязаный го утримувати, його отца, пьяницу, уж выгнали из совхоза. Я объясняю: не пропадати же хлопцу. Мы за него отповідаме, штобы не вырос из него планный чоловік. Воспитание — то война.

На войні житя отдают. Вот и ту треба житя отдавати. На то я и учитель.

Оно так, людям не видно, а діло у нас починат идти на лад.

Дал я Орешкину пять рублей за молоко заплатити. Приходит вечером. Я пишу, он обок вертится.

— Вы мене будете сварити, Григорий Степанович.

— За што я тя мам сварити?

— Та-ж я за молоко не заплатил. Я патронов купил за тоты грошы.

Я помолчал, нароком подольше помолчал. Потом гварю му тихо:

— Ты же знаш, што у мене грошей ніт.

Вижу, губы у него дрожат. А сам радуюся, як маленький.

— Ну, ничого, думам.

— А я меньше істи буду, — гварит.

Мі го жаль стало.

— Ладно. Ты уж іч, лем патронов не росстрат.

— Я, — гварит, — лучше вам их дам, на схованку, Григорий Степанович.

Я йому руку на плечо положил. Мокрый цілый, взмок от волнения.

— Вот тото ты правильно придумал. Мы ище ку патронам стрільбу купиме. Літом в експедицию пидеме, возмеме зо собом.

Експедиция у нас давно была задумана. Геологиом мои діти заинтересувалися, а Вася Орешкин — больше всіх.

Один раз желізну руду нашли — бігут ку мі всі, кричат, а Орешкин далеко отстал. За пять километров скалу привлюк дас пуд тяжку. Потом мы з ним цілу зиму училися. Мі сказали, што то не магнитный желізняк, а камень такий, базальт, котрый в великой массі може притягувати магнитну стрілку. Сколько раз подойде ку скалі Орешкин, погласкат єй.

— Григорий Степанович, ци то направду буде не руда, а базальт?

Руда-то оказалася рудом, и добром — сімдесят процентов желіза. Уголь нашли, сім метровый пласт угля. Магнезит нашли, цілу гору, — не гору, а горы. Спочатку думали, што то вапно. Взяли на квас — не шипит. Взяли опалювати — не опалюєся, я в кузню побіжал, дул, дул, мало міх не спалил. Не опалюєся. Чистый магнезит. А магнетизова цегла — велике діло. Огнеупорна цегла.

И учителей нашых мы розохотили — по всему району. Шлют камені, руду.

Яка-си женщина остановила Орешкина, звідує:

— Ты из Новшина? Передай Григорию Степановичу оловяну руду.

Орешкин схватил кусок руды и біжит. Прибежал, нашол мене. Выпалил:

— Руду... одна ... женщина.

А больше не може, дух заперло. Яка женщина, откаль руда — того мы не знали. Где

глядати єй? Так и не нашли.

Мы с Орешкиным все мечтаме: пошлеме нашы находы в край, дадут нам нагороду, дас десят тысяч. Купиме приряды всякы, што нам треба.

А до експедиции готовимеся: оловяну руду треба найти, котру Вася стратил, и горный хрусталь, и кальцит — то єст чисте вапно. Цілу зиму грошы складали. Тепер у Орешкина причинилося роботы. Библиотека — одно діло, квитанции выдавати и грошей пильнувати — друге. По пять, по десять, по пятнадцет копійок діти приносили. Так и писали на квитанциях: принято от Наді, скажеме, Лыковой пять копійок на екскурсию. Квитанция для родителей, значит. А подписувал всі квитанции Вася. И много назберали: сто двадцет рублей. Як рубль набереся, Орешкин иде в шпаркассу, кладе на книжку. И все радуєся, што там проценты роснут.

— Уже, — говорит, — Григорий Степанович, три с половином наросло.

Мішков на сухари нашили, — тым Таня Глєбова завідувала.

— Сухари — то каждый у себе дома сушил.

И нараз пришла телеграмма.

Мене так совість мучит, што я з дітми не поіхал в екскурсию. Таж я их обманул, моих геологов, — так серьозно выбералися!

Ученье-то у нас уже кончилось, взяли мы собі кляссу, всі камені розложили, ціле царство получилося. Орешкин слышал про телеграмму, кусок угля выронил.

— Скоре ідте, Григорий Степанович. Што там екскурсия, скоре привезте орден. Біда, як хочеся вас с орденом посмотріти.

Шило взял, котрым мы минералы выскрябували, почал мі в отвороті сурдута дюрочку вертіти, а у самого рукы так ходуном ходят. Очы мокры — и то первый раз я у него мокры очы виділ.

Ну, ту уж больше и нѣт што оповідати. Вернулся я из Москвы, от Михаила Ивановича (Калинина). Орешкин як виділ мене, біжит через кропиву, через ров, на зламаня карку.

— Дали? Дали? Покажте, Григорий Степанович.

Ну, йому я первому и показал.

А потом сіли діти в ряд, выкрутил я орден, *вынял из той самой дюрочкы, што мі Вася* провертіл, и пошол орден из рук в рукы, зарядом. Та-ж то діти, каждый обовязково хоче в руках подержати, потрогати, погласкати.

Они мі пребачили, што я не повюз их в екскурсию. ("Юный пионер").

ВОПРОСЫ

(Из литовского)

Прилетел аист (боцан) с большим клювом.

— Аист, аист, что у тебя в клюве?
— Ксендзовы деньги.
— Начто деньги?
— Косу купить.
— Начто коса?
— Травку косить.
— Начто травка?
— Коровок кормить.
— Начто коровки?
— Молочко доить.
— Начто молочко?
— Пастушков поить.
— Начто пастушки?
— Свиней пасти.
— Начто свиньи?
— Поле рыть.
— Начто поле?
— Ячмень сеять.
— Начто ячмень?
— Баранки печь.
— Начто баранки?
— Баб кормить.
— Начто бабы?
— Порох тереть.
— Начто порох?
— Зайцев стрелять.
— Начто зайцы?
— Господ (панов) кормить.
— Начто господа?
— На заборы (плоты) вешать.

Перевел АЛЕКСАНДР БУЖА.

НАРОДНЫ СКАЗКЫ

ЦАР І ДІВЧИНА

(Украинска народна сказка)

Один цар звелів своїм слугам зібрати весь народ до свого палацу. Слуги кинулися в різні кінці міста і за кілька годин біля царського палацу була сила народу.

Тоді цар вийшов на балкон і крикнув:

— Я загадаю вам три загадки. Хто відгадає, тому дам половину свого царства. Перша загадка — що в світі инйсмачнійше? Друга — що в св ті найшвидше? І третя — що в світі найбагатше?

Після первої промови люди розійшлися додому. Прийшов і старенький дідусь, який залишив удома пятнадцятирічну онуку. Дід розповів їй, які загадки цар дав людям, обіцяючи, що хто відгадає їх, тому він дасть половину свого царства. Онука вислухала діда і каже:

— Не вірте, діду, цареві, бо він бреше. Ніколи в світі він не віддасть за якісь там дурниці комусь половину свого царства.

— А може, хоть грошей дасть? Давай подумаємо, може відгадаємо, — каже дід.

— Нічого тут довго думати. Підете післязавтра і скажете: найсмачнійше в світі — сон, найшвидша — думка, а найбогатше — літо.

На третій день почали люди сходитись до царевого палацу. Пішов і дід. Недовго прийшлось чекати — вийшов цар і запитав:

— Ну, хто як отгадав?

Один каже, що найсмачнійші вареники (пирогы), другий — що сало, третий — що пироги з мясом...

Один каже, що найшвидший — килим-самольот, другий — що голуб, третий — що орел...

Один каже, що найбагатший — купець, другий — що граф, третій — що цар, інший — що фабрикант...

Дійшла черга й до діда.

— Ну, а по-твоєму, трухлявый пень, що найсмачнійше — вареники чи каша з салом? — запитав глузливо цар.

— Ні, по-моєму найсмачн ше і найсолодше — сон, — відповів дід.

— Так, твоя правда. Ну, а що найшвидше?

— Наїшвидша, по-моєму, — думка.

— Так. Ну, а хто найбагатший?

— Найбагатше — літо, — відповів дід і з радісною усмішкою почав чекати, що цар піднесе йому якийсь подарок.

Але цар дуже розсердився, що не в н один є найрозумніший, як він себе вважав, а є ще розумніші від нього та ще такий старий, обірваний мужик, і запитав грізно:

— Хто це тебе навчив?

— Онука (внучка) — відповів дід.

— Ну, коли твоя онука така розумна, то ось тобі десять варених крашанок, і хай твоя онука на завтра висидить курчата. Коли ж не буде курчат, завтра ж повішу і тебе і її.

Узяв дід варені крашанки і пішов з плачем додому.

— Чого ви, дідусь, плачете? — запитала онука.

— Як же мені не плакати, коли я чекав од царя подарунку, а він дав ось десять крашанок і сказав, щоб ти на завтра висиділа курчата, а коли не висидиш, то звелить повісти і тебе, і мене.

— Не плачте, діду, ідіть зараз до царя і скажіть йому, щоб засіяв просо, бо на ранок треба пшона для курчат...

Побачивши діда, цар подумав, що той прийшов прохати помилування, але, коли дід йому розповів те, що звеліла онука, цар ще гірше розсердився, вибив дно з пляшки і крикнув:

— На! Хай твоя розумна онука залатає.

Прийшов дід додому і знову плаче.

— Чого ви плачете? — запитала дівчинка.

— Та ось дав цар пляшку, щоб ти залатала. Як же ти її залатаєш? Ти ж не скляр. От побила мене несщаслива годинонька!

— Нічого, якось воно буде, — весело відповіло дівчатко. — От що: несіть цю пляшку до царя і скажіть йому: хай виверне її, бо з лиця ніхто латки не латає, а з вивороту.

Поніс дід пляшку до царя, а цар зрадів, побачивши діда, бо подумав, що дід прийшов таки помилування прохати.

— Ну, що, залатала? — запитав з усмішкою цар.

— Ні, казала, щоб її вивернули, бо з лиця ніхто латки не латає, а треба з вивороту.

Цар так оскаженів, що тут же й помер з пересердя. А дід з онукою живуть і досі та розповідають свої пригоди з царем добрим людям.

Записано в с. Рокулово, Піщанського району, МАРСР, у колгоспі "Червений Перекоп".

—•—

БЕДНЯК И БОГАЧ

(Литовска народна сказка)

В лесу, на берегу реки, бедняк рубил деревья. Вдруг топор — хрясь! — соскочил с топорища в реку и затонул. Опустивши руки, горько заплакал бедняк.

— Ай, ай, ай, несчастный я! Чем я теперь буду рубить, на хлеб зарабатывать?

В это время — топтык, топтык — выходит из леса хромой старик с можжевелевой бородой, с хвойным носом и спрашивает:

— О чем плачешь, добрый человек? Что с тобой приключилось?

— Как мне не плакать, коли топор мой упал в воду, а другой купить не могу, очень уж я беден. Чем теперь я буду дровь рубить, чем на хлеб заработаю детям?

— Ладно, не плачь, я тебе его выловлю!

Старик скинул тулуп, снял лапти и бултых в воду. Через минуту вынырнул с золотым топором и говорит:

— На, бери! Ведь это твой топор?

— Нет, нет! Не мой, — отвечает бедняк.

Старик опять нырнул в воду. Через минуту вынырнул с серебряным топором.

— Ой, нет! Не мой топор! — воскликнул опечаленный бедняк.

В третий раз нырнул старик и вытящил железный топор.

— Вот это мой топор! Мой! — крикнул бедняк, приплясывая от радости. — Спасибо тебе, старичок, за добрую помощь, за услугу.

Хотел уже было бедняк, взяв топор, бежать домой, как старик его окликнул:

— Эй, эй! — говорит: — Раз ты такой правдивый и нежадный, на, возьми и эти топоры — золотой и серебряный.

Пришел бедняк домой с тремя дорогими топорами и обо всем рассказал домашним. Услыхал про счастье бедняка богатый сосед. Взял он свой топор и пошел в лес. Пришел на то же самое место, к реке, и стук-стук в дерево... Топор легонько был прикреплен к топорищу — шлеп и упал в воду. Застонал богач:

— Ой, ой, я несчастный! Ой, ой, я пропащий!...

В это время из леса — топтык, топтык, — приковылял хромой старик с можжевеловой бородой, с хвойным носом. Подходит и спрашивает:

— О чем, человек, горюешь?

— Как мне не горевать: рубил дерево, топор с топорища соскользнул, упал в воду и утонул. Кто мне его теперь выловит?

— Успокойся, я его выловлю! — сказал старик и, скинув тулуп, бултых в воду. Через минутку выплыл с железным топором в руках:

— Это твой?

— Нет, не мой! — отвечает богач.

Старик опять погрузился в воду и через минутку вынырнул с серебряным топором:

— А этот?

— Нет. Мой был лучше!

В третий раз погрузился старик на речное дно и вытащил золотой топор.

— Вот, вот, этот мой! — воскликнул обрадованный богач. — Я узнал его издали!

Пока ненасытный так бесстыдно лгал, старик — бултых в воду с золотым топором и больше не показался. А богач, может быть, еще и сегодня сидити на берегу, ожидая, когда старик вынырнет и принесет ему бриллиантовый топор...

—— o ——

— Па, чом то индияне малюются?

— То лем тогды, як идут на войну.

На другий день:

— А где мама, Джонни?

— Намалювалася и пошла на войну.

—— o ——

— Што вы такий неспокойный, як почуєте трубити авто?

— Та бо минувшого тыжня ктоси мі украл жену на автi и тепер коли почую авто трубити, то ся мі выдає, што єй везут назад.

—— o ——

Сестричка

Товариш красноармеєц, я тоже хочу вам росповісти дашто интересне... Я росповю вам о свойой сестричкі, Оксанкі. Добри? Вы, певно, ,о ней не чули. Єй ту всі знают. Минувшого року Оксанкі осем літ было, а мі єденадцет. А тепер мі уж скоро дванадцет буде. И я вам правду говорю, товариш красноармеєц. Оксанка была добра дівчина...

— Микола, чом я не можу посмотріти в зеркало? — звідала раз у мене Оксанка.

— Том, што ты там ничого не увидиш, ты сліпа...

— А ты видиш?

— Вижу...

— А што ты видиш?

— Я вижу, як з долов, где богаты жиют, хмарка подносится. Єсли закрыти єдно око, то не хмарка буде, а велика голова з долгом бородом...

— А коли закрыти оба ока?

— Тогды ничого видно не буде...

Оксанка и родилася сліпа... Перше мене всі дразнили, што сестричка у мене сліпа. Дразнили и Оксанку. Но коли она почала плакати, єй пожалували, и всі дівчата почали з ньом дружити.

— Што вы видите? — звідувала она у своих приятельок.

И приятелькы росповідали. Они виділи, як над их головами возвышалася высока скалиста гора, ище больша от нашой. На той горі лежал сніг. Білый-білый як цукер.

— Я хочу цукру, — попросила Оксанка.

— Цукру ніт у нас, — отповіли єй подругы. — Тамтого року, коли ище літо было, мы пили чай с цукром...

Оксанка все ділилася зомном, коли єй дашто принесли. А я брал... Я был голоден, товариш красноармеєц. Отец наш не робил. Он был хворый. У него кров шла из горла. А мамы не было у нас совсім. Она давно умерла. Потом умер отец. Сусіды його похоронили там, у той скалы зо зубцами. Потом сусіды пришли ку нам и звідали мене, што я буду робити. Я кажу, што я не знаю, а потом кажу, што я уже знаю. "Милостыню с Оксанком просити будеме. Оксанка буде співати, а я буду зо шапком обходити людей..."

Я взял сестричку за руку и показал сусідам, як я буду милостыню просити.

— Люде добры, люде милы, люде милосердны... Пожалуйте мою маленьку сліпу сестричку...

Сусіде сміялися спочатку, а потом почали радити.

— Не дайме им пропадати. Всі мы их будеме кормити.

— Та чым? Кором? Снігом?

— Твоих дітей голодна смерть жде. Най идут и просят.

— А просити у кого будут?

— Долу, в городі...

Коли сусіде ушли, я сказал Оксанкі, што завтра зыйдеме долу, там, где богаты жиют. Оксанка втішилася.

— И там жиє тот чоловік, котрый зробит так, штобы я виділа?

— Так.

Оксанка почала скакати от радости. Тепер и она буде видіти! Она увидит солнце, сусідкину кицю, хмарку, котра подобна до великой головы з долгом бородом, скалу з зубцами, красивый водопад, о котром всі говорят, она посмотрит на себе в зеркало и увидит, яке у ней личко...

Встали мы вчасненько. Солнца ище не было. До самого водопада провожали нас сусіде.

— Смотте, діти, коли вам буде недобри поводитися — вертайте ку нам, — сказали они, — вдолину идте вот том дорогом. Она вас до самого рынку доведе.

В город пришли вечером. Домы таки великы, улицы широкы, а людей там — не порахувати. Больше як тысяч людей буде. Не то што у нас на селі.

Зышли мы з горы и отразу — рынок. Но там никого не было, лем єдна сива бабуся крутилася у кошика з гнилыми огурками.

— Она што? Сліпа — звідала мене бабуся.

— Сліпа, — гварю, — бабусю, дайте огурка....

Бабуся подарувала нам два великы огур-

кы с твердом жолтом лупом.

— А хліб у вас єст, діти? — звідала она и дала нам ище по куску правдивого хліба.

Мы подякували и пошли дальше. Видиме — великий сад. Там много лампочок світится и діти бавлятся. Подходиме, а нам говорят, што тот сад не для бідных дітей и прогнали нас. Пошли мы назад на рынок ку доброй бабусі, но бабусі уж не было.

Я выбрал місце и уложил Оксанку спати, а сам хотіл посмотріти на нашу гору. Но, як я не задерал вгору голову, конца єй не было видно.

Лежу. Оксанка мя будит.

— Микола, — спиш?

— Ніт. А што?

— Рано пидеме до того чоловіка, што може так зробити, што я буду видіти. Добри?

— Добри, — гварю.

Ище не было рана, як нас збудили: пришли люде на ярмак. Спочатку мы смотріли, што они роблят, а потом Оксанка заспівала: "На горі великій маленька дівчинка живе". Но нам ничого не дали. Тогды мы почали звідувати, где живе тот, котрый може зробити, штобы очы виділи. Нам показали где, и як называтся тоже сказали — Ротенеску.

Цілый день глядали мы го. А коли нашли, был уж вечер и падал великий дождь, и на небі блискавкы скакали.

Вышли по сходах и сильно задуркали в двери, штобы нам отворили. Двери отворил высокий такий чоловік з долгыми баюсами.

Посмотріл на нас, не дал нам слова речи и запер двери. Мы знов задуркали.

— Што вам треба?

— Моя сестричка, — показал я на Оксанку, — сліпа. Мы просиме...

Знову заперлися двери, я знову подуркал. В коридорі забрехал пес. Мы хотіли утікати вдолину, но было поздно. Ростворилися двери и выскочил на нас великий пес и кинулся на нас. Хоц я сильно тримал Оксанку за руку, то и так єй удалося вырватися и с криком кинутися в сторону. Не здоляла она утечи пару кроков, як єй догнал пес и превернул на землю...

А высокий чоловік з баюсами стоял в дверях и сміялся...

И другу ноч мы перебыли на рынку. Дождь ище лял. Мы скрылися в темной пивниці, где валялися розбиты банькы, пахло солеными огурками и затухлом капустом. Цілу ноч плакала Оксанка. Она тряслася от холоду и говорила сама зо собом. Я єй нияк не мог успокоити.

Дві ночы мы жили в той пивниці. Оксанка ище тяжше захворіла. Што я єй приносил істи, она не іла. Она лежала молчкы, як мертва... На другу ноч, коли мене на сон зберало, в пивниці дался чути шум. Смотрю и вижу: вошол маленький дідусь в окулярах. Увидівши нас, он притулился ку стіні и тихо звідал, кто мы такы. Я отповіл. Тогды мы познакомилися и я всьо росповіл му о собі и о сестричкі. Дідусь вздохнул:

— Тот чоловік, котрого вы глядате, не жиє ту...

— А где-ж? — звідал я. — Таж нам люде такий адрес дали.

Дідусь усміхнулся:

— Люде як люде, разны люде бывают. Не всі ище знают правдивый адрес.

— Там далеко?

— О, дост далеко. Єст, Миколо, такий край... — и дідусь мі росповіл много о том краю, о том, як люде там живут и их діти каждый день ідят...

— Дідусь, а што с Оксанком? — звідал я.

— Она дуже хвора. У ней напевно воспаление легких...

— А што то значит, дідусь?

Дідусь усміхнулся и рюк:

— Я не дідусь, Миколко. То я просто так зарос. Из тюрьмы утік... — рюк он тихо. — Но о том потом...

Коли мы вышли высоко в горы, Оксанка нараз почала стонати. Я утішился: "Оксанкі ліпше!" А то она цілый час молчала и молчала....

— Оксанка!

Оксанка не отповіла.

— Дати ти грушку? Добра грушка, не згнила...

Оксанка ище раз нич не отповіла. Она лем почала плакати. Потом она и плакати перестала. А за годину — умерла...

— Где мы єй будеме хоронити? Ту, або там на верху? — звідал мене тот чоловік.

Я не отповіл. Я смотріл на Оксанку и плакал...

Оксанку тоже похоронили вот там, у той скалы, што з зубцами...

Чоловік, котрый пришол зомном из го-

рода, сказал всім сусідам:

— Товаришы, тому дівчатку не посчестилося видіти того чоловіка, и край, котры роблят всіх сліпых зрячыми, всіх несчастных — счастливыми, но вы их скоро увидите...

Чоловік, котрый пришол зомном из города, правду сказал, товариш красноармеєц...

(М. Шмушкевич, "Юный Пионер").

ЯКУ-МАМА

Кто не жил в восточном Перу, тот не знає, якым добрым товаришом, сторожом и няньком для маленькых дітей може быти страшный для европейца удав (дуситель Боа, огромный уж, гад, змій). У нас гады вызывают страх и омерзіние. Даже на нешкодливых ужей дакотры люде не можут смотріти без страху. Однако ужи легко привыкают к чоловіку и освоюются, они приносят даже пользу в господарстві, нищат мышей.

В Южной Америкі, в долині рікы Амазонкы, водятся змії, страшнійшы от нашых ужей. То огромны удавы, дусителі. Тіло их досягат часами десять метров долготы. Дусителі страшны для найсильнійшых звірей. Дуситель кидатся несподівано на свою жертву, обвиват єй своим сильным мускулистым тілом, дусит єй и полыкат цілу. Потом надолго западат в сон и тровит свою добычу.

Индийцы Южной Америкы приучуют молодых дусительов, освоюют их и там часто притрафлятся, што тота страшна потвора робится совсім ласкавом с чоловіком и выполнят ролю домашного найвірнійшого сторожового пса, стереже дітей от опасности, котрой не мало в джунглях, населенных разными дикыми пажерными звірами.

Испанский писатель Кальдерона, котрый хорошо изучил быт и обычаи Перу, в одном из своих перувианских рассказов пише:

"Искатель каучука отправляючись в джунглі, оставил дома сімлітнього сына. Выходячи с хижины он долго кликал домашнього дусителя, но тот дримал в воді, перетровлюючи убитого вчера звіра, и не пришол на кликы господаря. Не было што робити иншe, лем треба было оставити сына самого. Чоловік, штобы потішити сына, оставил му праженых мурянок — любиме лакомство жителей Перу, котрого смак подобный до англійскых освіжительных кваскуватых цукерков, — припер двери зо двора огромном тарчом черепахы и поскакал в джунглі.

Хлопцу скоро наскучило сидіти самому, и он почал голосно кричати:

— Яку-мама! Яку-мама!

Дословно то значит — "мати рікы". Так индияне называют дусительов.

Из рікы вынюрнула огромна ростворена пасть, ліниво зіваючи. Пятиметрове зеленуватe тіло, ползучи, рушило ку берегу. Хлопец заплескал в долони от радости, што огромный звір явился на його зов, як домашний пес. Та ци дуситель — то не сторожевый пес и не слуга маленькых дикарей!

Дуситель пхнул двери и вошол до-хиж.

Хлопец скочил ку нему. Он любил засувати пястукы в пасть звірю и стрілами щекотати чешую. Потвора терпеливо зносила всьо от маленького тирана.

Дуситель схватил хлопчика на звитый хвост и подкинул до повалы. Хлопец завискал от радости.

В тот час в дверях дался чути шелест. Дуситель оставил дитину и замер, як сухе дерево. В дверях стоял ягуар (в роді тигра), готовый до скоку на хлопця. Дуситель, як лугана мама, заслонил своим тілом хлопця и борьба почалася. Уж кинулся на звіря и обвил го своим тілом... Потом — лужа чорной крови...

Хлопец виділ всьо. Зо страхом он слідил за борьбом...

Вернувшийся отец отразу понял, што ту было. Спочатку он кинулся к дитині и, успокоивши, начал ласкати мертву голову другадусителя, шепчучи:

— Яку-мама! Яку-мама!"

М. Турова.

Лейди служанкі: "Мари, виділа-м, што тя мой муж рано стискал. Што то має значити?

— Може мі педу подвысшат.

———— o ————

Судья: — Вам, чоловіче, шкодит найбольше зле товариство, в котром ся обертате. Покиньте зле товариство.

Обвиненный: — Та я тепер бесідую найбольше с судьями и адвокатами...

———— o ————

ЛЕМКЫ В ЮЖНОЙ АМЕРИКІ

До первой свѣтовой империалистичной войны лемкы, як взагалі всі карпаторуссы спасалися от нужды в родном краю массовом емиграциом в Сіверну Америку, головно в индустриальны Соєдиненны Штаты. Но коли послі войны иммиграция в США была сильно ограничена, карпаторусска емиграция почала пробиватися в другы краи Америкы, головно в Канаду. Мимо всякых перешкод в Канаду почавше от 1925 року выіхало с Карпат около 10 тысяч переселенцев, и єсли не было бы ниякых ограничений, выіхало бы далеко больше.

Кромі США и Канады лемковска емиграция почала пробиватися в Южну Америку — в Бразилию, Аргентину, Уругвай и другы южно-американскы республикы. О той нашой карпаторусской емиграции в Южной Америкі мы дуже мало знаме, по той простой причині, што она рострясена, неорганизована. Много из нашых молодых людей там пропало без вісти от безроботя, нужды, голода. Нам попадали в рукы роспачливы писма, котры нашы иммигранты из Южной Америкы писали своим родным в США и просили их помочи им достатися назад на свою родну землю. Мы знаме, як то тяжко жити и як легко пропасти в чужом краю, меж чужыми людми, не знаючи их языка. Безсовістны южноамериканскы плантаторы выкорыстували такых страченых иммигрантов, примушали их тяжко працувати за лиху поживу в страшных условиях.

Но якоси читателі нашой газеты выслали своим родным в Южну Америку пару н-ров "Лемка", потом предплатили пару родным и знакомым, так што нашы братя в Южной Америкі запознялися з нашом организаци-

ом и єй роботом и пришли на то, што и им там такой народной культурно-просвітительной организации потребно.

Итак, познакомившися через нашу газету з организациом и довідавшися о собі, собралася их там перва группа лемков и основали таку организацию в Монтевидео, Уругвай и назвали "Товариство Лемко". На поміщенной выше фотографии видиме тоту перву нашу народну организацию в Южной Америкі, основ ну в 1937-м року. При Товаристві Лемко основано драмкружок, котрый поставил на сцені пару нашых народных штук з великым успіхом. Дальше, при

организации неграмотны учатся читати и писати, товариство старатся поширити газету и литературу Л. С. меж нашыми иммигрантами в Южной Америкі. Нашы страчены за долгий час люде починают находитися через таку свою организацию и помагати собі взаимно в житю. А притом учатся нового житя и борьбы за него в єдинстві с прогрессивными народными организациями Южной Америкы. Нашы братя порозуміли, што при свойой народной организации жити в чужом краю лекше.

ІЖ И ЛИШКА

Змерком выходит іж на польовачку из свойой норы. Он ловит мышей, хробаков, хрущов и змій. Так, іж не боится ужа и дуже зграбно росправлятся з ним.

Но и сам іж находится в опасности, на него тоже полюют, особливо лишкы и совы дуже любят його смачне мясо. Але не так легко приходит им побідити колючого іжа, бо тот, коли замітит опасность, звиватся скоро в колючу кулю и стає неприступным для дзюба совы або писка лишкы. Хитра лишка радит собі з іжом так, што осторожно попыхат го лапком ку воді, ку річкі або поточку, а потом попхне в воду. Хотячи спастися, іж ростігат своє тіло, а лишка в тот момент хватат го там, где не охраняют го колючкы...

Іж пожиточне звірятко. Он освоится и може заступити в домі кота. Где мают такого іжа в обыстю, там мышы не мают што робити.

— о —

— Сыну, сыну, коли ты мя уж раз будеш слухати? — нарікала мама.

— Як вы, мамо, будете няня слухати...

— о —

МУЖ: — Слухай-ле стара, так мы нияк не выйдеме, як ты будеш так грошы марніти. Та тобі мойой педы не выстарчат...

ЖЕНА: — Та кто-ж тому винен, як не ты? Чом веце не заробиш?

— о —

— Уж пятый день мя так зуб болит, што не ім и не сплю...

— Та чом не даш вырвати?

— Боюся, абы мя не боліло.

ГЛУПЫЙ ГРИЦ

(Народна сказка)

Пошол Гриц в ліс по дрова.

Вышол на дерево, сіл на сук и почал рубати.

Иде цыган, тай кричит му:

— Смот, хлопе, упадеш!

— Ніт, не упаду.

— Одошол цыган, а Гриц дорубал сук и упал.

"Но видите, — подумал он,— цыган всьо знає. Догоню я го и звідам, як мойой сестрі имено".

Догнал он цыгана и гварит:

— Повіч мі, цыгане, як мойой сестрі Марті имено?

— Та Марта...

Зачудувался Гриц.

— А повіч, кельо я мам братов?

— А якы они великы? — звідує цыган.

— Михал скоро женится, а Фецко в тоту зиму до школы почал ходити, а Ваньцьо ище в колыскі лежит.

— Та у тебе три браты.

Ище веце зачудувался Гриц.

— Та ци ты не чаровник, цыгане, што вшитко знаш?

Засміялся цыган:

— Правда, што чаровник, — и пошол дальше.

— о —

— Мой муж, як приде осін и зима, все так кашле, што не можу вытримати...

— Та не робите нич против тому?

— Выіду на зиму до Флориды.

— о —

Мама: — Не тягний кота за хвот!

Сынок: — Я го не тягну, я тримам, а он сам тягне...

— о —

— На што образы мают рамы?

— Абы маляр знал, где перестати малювати.

— о —

— Што ты там старый глядаш потемку?

— Мечку...

— Та чом собі лямпу не засвітиш?

Муж єст такий старый, як выглядат пред голіньом и мытьом. А жена єст така стара, як выглядат по умытю.

МАКОВИЦКЫ ДІВЧАТА

Маковица — народна назва чисто карпаторусской-лемковской территории Бардиовского, Свидницкого и Стропковского окресов в Пряшевской Руси, котра граничит з галицком Лемковщином Горлицкого, Ясельского и западной части Сяноцкого повітов. Маковичане — стойкий и завзятый народ в обороні свойой национальности. Маковица вела завзяту борьбу против католицизма и мадьяризации школы и церкви в часі минувшой империалистичной войны, коли то мадьярске правительство хотіло насильно омадьярщити национальны меньшинства, особливо карпаторусске национальне меньшинство. В той роботі помагало мадьярским панам омадьярщене духовенство и учительство, через церков и школу. Но простый народ оперся насильной мадьяризации школы и церкви и почал завзяту борьбу против мадьярского духовенства и учительства в обороні свойой национальности.

Маковицкий народ — то тоты самы лемкы, што по галицкой стороні штуч ной границы, тота сама народна бесіда, обычаи, рижнятся лем дакус народном одежом. Интересно, што коли наш народ по другых околицах в краю в послідных часах занедбує свою оригинальну народну одежу и одівается уж во фабричу, Маковица стоит и ту завзято при свойой одежі, особливо дівчата. Маковицкы дівчата не можут привыкнути до містецкой моды.

АННА ЗАВАДА и МАРИЯ СКИРКАНИЧ

Маковицкы дівчата одіваются так, як тоты дві нашы краянкы на той фотографии. Тоты нашы краянкы, родом из **Юрковой Волі,** шаришской столицы, называются **Анна Завада** и **Мария Скирканич.** Приіхали в Америку два рокы тому назад и жиют в Клифтон, Н. Дж. Принесли зо собом в Америку и свою народу старокрайову одежу, видно, што не могли легко росстатися з ньом.

Обі належат до Пассайского хора и Аматорского кружка при Л. С. в Пассайку.

Родиче их жиют в краю, в Юрковой Волі, но у Анны остался лем отец. Мати померла при родах, коли Анні было заледво 24 годин.

Як их маковицкы товаришкы в краю, так и они ту в Америкі все веселы, живы, скромны и працовиты.

— Чом вы кланятеся так тому шоферу?

— Усмертнил мого найбольшого ворога, што-м му был должен пару соток.

КАРПАТОРУССКА СЕКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РОБОЧОГО ОРДЕНА — СИМВОЛ СОЛИДАРНОСТИ РОБОЧЫХ В АМЕРИКІ

Многы читателі Лемко календаря уже знают, што собою представляет Международный Робочий Орден, в котром, начинаючи с 1-го августа, 1940р., начала существовати самостоятельна Карпаторусска Секция. Для тых, кто ище мало знає о хосновитой роботі Ордена, думаеме написати сих пару рядков, штобы таким образом познакомити их с программой Ордена, и тым придбати их за членов Ордена, в котром каждый оден робочий найдет свого найблизшого приятеля, совітника и помощника в случаю нужды.

Международный Робочий Орден является братско-запомоговою робочою организацией. Сия робоча запомогова организация родилася всего 10 літ тому назад, 30 марта, 1930 рока. Днесь в Ордені нарахо-вуется 165,000 членов. С появлением Ордена в Америкі было положено начало прогрессивному братско-запомоговому житю. Под прогрессивизмом Ордена подрозуміваеме то, што в программу Ордена вошол не фальшивый патриотизм, што мы видиме у большинства карпаторусских запомоговых организаций, котры под покрышкою "русскости" обманюют народ, но слідуюча программа:

1. Борьба за социальне обезпечение американского народа посредством законодательства и братской взаимопомощи.

2. Доступное для всіх и дешевое обезпечение на случай смерти и хвороты.

3. Подвышение добробыта народа посредством кооперации с организованными роботниками и другыми такыми организациями, котры борются за робочы интересы.

4. Просвіщение робочых о правах и их объязанностях.

5. Обучение народа правдивому американизму и понятия принципов демократии и свободы, котры суть сформованы в Американской Конституции и в "Билль оф Райтс".

Благодаря вышеприведенной программі Орден, котрый только 10 літ тому назад побачил світ, днесь объединяет в своих

Делегаты Карпаторусской Секции на 5-ом Съізді Ордена, на Світовой Выставкі от 9 до 14 юня, 1940.

Сидят (из права на ліво): Павел Товт, Мононгагела, Па.; Мария Кинь, Колдейл, Па.; А. Рущак, Филадельфия, Па.; М. Катунак, Бингамтон, Н. Й.; Ст. Гумецкий, Карнеги, Па.; А. Конончук, Колдейл, Па.; А. Лабик, Клевеланд, О.; И. Адамяк, Бруклин, Н. Й.

Стоять: М. Логойда, Нью Йорк, Н. Й.; А. Кетц, Пассайк, Н. Дж.; П. Гузлей, Бруклин, Н. Й.; И. Кривоняк, Клевеланд, О.; И. Стуцка, Елизабет, Н. Дж.; Е. Бетлей, Нью Йорк, Н. Й.; М. Дуфинец, Ембридж, Па.

рядах 165 тысяч членов. Сей великий рост Ордена был зробленый за той час, коли карпаторусскы запомоговы организации тысячами тратили своих членов из-за своей діятельности. Тоді, коли "Грекокатолическое Соединение", котре на своей конвенции 1940 р. выкинуло слово "карпаторусский", утратило 60 тысяч членов за послідных 10 літ, коли Православное Соединение только за 1939 рок утратило выше 900 членов, а Общество Русских Братств до 6,000 членов, Международный Робочий Орден придбал 165 тысяч членов.

ШТО ЄСТ ПРИЧИНОЮ ТАКОГО ОГРОМНОГО РОСТА ОРДЕНА

Всі ті организации, котры утратили членов, звалюют вину на кризис, котрый шаліл над американскым континентом с 1930 року аж по 1934р. Однако той факт, што Международный Робочий Орден, котрый родился в кризисі и за час кризы придбал 165,000 членов, розбиват таке оправдание и показует на правдиву причину ухода членов от карпаторусских запомоговых организаций, котры служат корытом для дакотрых фальшивых патриотов, што боятся труда.

Днесь много карпаторусских людей гордится своим членством в Ордені, бо 10 літное существование Ордена открыло многым нашым людям очы, штобы ясно виділи, што обовязком одной запомоговой организации является не только брати от членов што місяця потом и мозолями зароблены членскы взносы, штобы таким образом забезпечити легке житя кучкі урядников, но вести борьбу за то, штобы робочы Америки, котры составляют 99% членского состава любой запомоговой организации, мали роботу, штобы робочы сей краины были спасены от непевной будучности, штобы діти робочых могли посіщати школы, штобы тым, котры не мают роботы, правительство давало або роботу, або таку подпору, яка бы могла забезпечити роботнику человіче житя, штобы боротися за тым, штобы жилищный вопрос Америкы был рішеный так, штобы не было такого дома в Америкі, котрый бы был без електрикы, без газу, без воды. З огляду на то, што Орден борется за вышеприведену программу, (бо Орден все держал своим обовязком заступитися за демократию и права робочых), Орден вырос за 10 літ на одну из найбольшых запомоговых организаций Америкы. Не дивно, што Международный Робочий Орден мает много ворогов, котрых мы находиме меже найчорнійшой реакцией, межи врагами робочых. Орден и его программу страшно не любят панскы слугы, фашистскы авантюрникы, котры бы любили запровадити в Америкі панство фашизма над робочыми, стерти демократию. Однако чым больше нападают на Орден всякы слугы Гитлера, тым больше и тіснійше скуплюются около него робочы.

Красный Комитет Карпаторусской Секции Ордена. Стоять: М. Логойда и В. Сапамак. Сидять: П. Гузлей, А. Кец, и М. Лайчак.

ИЗ ЧОГО СКЛАДАТСЯ ОРДЕН

В 1940 року Орден складался из 12 народностных секций. Приводиме ті Секции по величині членства: американска, єврейска, русска, украинска, словацка, мадьярска польска, итальянска, карпаторусска, румынска сербска и испанска.

Каждого одного из нас ище в молодости учили, што в єдинстві сила. Орден

является того найкрасшым доказом. Орден является також одным из найкрасшых приміров робочого братства, о котром нам только снилося. В краю нас учили ненавидіти оден другого, и як псов, всяки пански слуги тровили нас оден против другого, мадьяра против русского, поляка против украинца, серба против хорвата. А тут вам примір! Поляк идет рука в руці с русским, украинцем. Наш карпаторусс идет рука в руці с мадьяром, бо каждый из нас отчувает то, што мы сами не зможеме помочи собі, а в єдности з другыми роботниками зможеме. Сознательны робочы мадьяре с однаковой силой ненавидят Гортия, як и карпаторуссы. Тому Международный Робочий Орден многыми робочыми называется "символом єдинства робочых". Сего єдинства робочых найбольше боятся паны, бо таке єдинство означат конец знущания над робочыми, таке єдинство в практикі означат полное освобождение робочых от гнета пануючых. Тому Международный Робочий Орден прозывают всякыми именами. Паны знают то, што несвідомого робочого легко отстрашити, бо несвідомый человік боится своей тіни.

Делеґаты Отділов Карпаторусской Секции Питтсбургщины на Окружном Съізді в Питтсбургі в осени 1939.

Всі вышеприведены секции в правлении Ордена мают ровне слово. Кажда Секция Ордена мает свого представителя в центральном уряді. Орден найлучше рішил народностну проблему, бо всім секциям Ордена дал полну автономию, полну свободу дійствий. То значит, што русскы пишут и ведут администрацию на русском, мадьяре на мадьярском, словакы на словацком языках. Не дивлячися на страшны напады со стороны реакции на Орден, за послідны 8 літ из межи всіх 209 запомоговых организаций Америкы, Орден вырос найбольше из всіх американскых братскых организаций.

ОРДЕН БЕСПЕЧНЫЙ И КРІПКИЙ

Международный Робочий Орден мает лайснис в 19 штатах Америкы. То означает, што стейтовы власти в 18 штатах дали Ордену полне право и законну защиту для ведения бизнесу. За десять літ свого существования Орден выплатил своим членам больше як 4 миллионы долларов в формі смертной, хворой подпор и людям хворым на сухоты и скалічившимся. Только за 1939 року Орден выплатил 800,000 долларов своим членам. Было многими примірами доказано, што Орден скорше всіх других запомоговых организаций спішит на помощь в біду попавшим своим членам и найскорше выплачует запомогу.

Помощь Ордена своим членам не ограничуется только выплатою всякых подпор. Освідомление робочых о их правах и борьба за социальне обеспечение, в великой мірі дополняют материальну помощь, котру выплачует Орден. В великих місцевостях Орден мает свои медичны центры, завдяки котрым просты робочы мают доступ к специалистам докторам за доступны ціны.

В Америкі находится 209 запомоговых организаций, котры признаны правительством и находятся под прямым доглядом иншуренсовых властей. Из межи всіх 209 запомоговых организаций наш Международный Робочий Орден занимат 2 місто по солвентности. По статистикі от 1929 року Международный Робочий Орден был на 140 процентов солвентный. То значит, што резервы Ордена были 40 процентами выше от того, што вымагают американски иншуренцовы законы. Резервы Ордена в

апрілю 1940р. вынесли $1,620,000.

Резервы Ордена инвестованы беспечно. Только $300,000 инвестовано в недвижимостях, а остальна сумма находится в стейтовых, городских або федеральных бондах. Сии бонды приносят Орденови до 5½% доходу рочно. Тому Орден только в том случаю может попастися до финансовых трудностей, єсли бы получился загальный крах всей Америки.

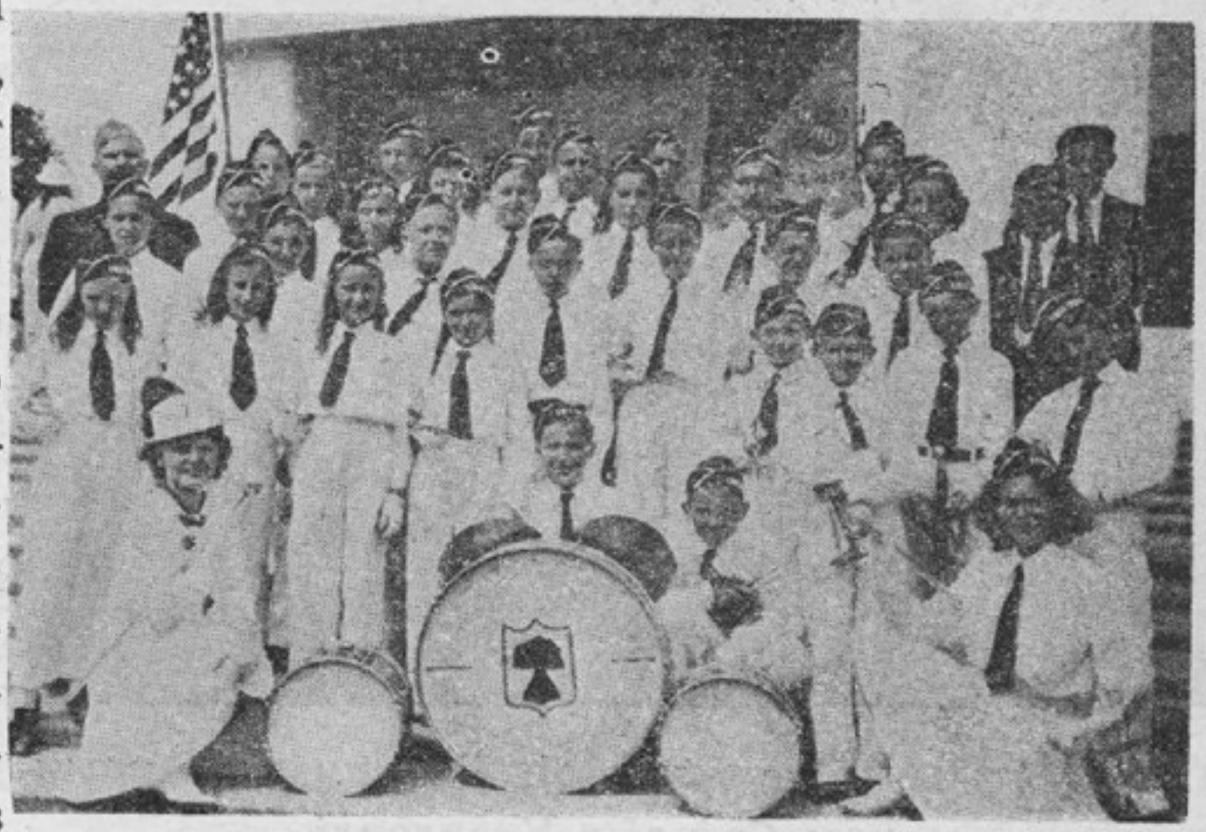
КТО МОЖЕТ СТАТИСЯ ЧЛЕНОМ ОРДЕНА

Точка 89 статутов Ордена голосит слідуюче: "Членом Ордена може статися кажда особа, доброго здоровя, здорового ума, котра провадит моральне житя, у вікі от 16 до 60 літ от роду, независимо от национальности, віры, пола, расы, цвіта кожи или политичных убіждений". Из приведенного видно, што вся та брехня о том, што Орден коммунистичный, выдумка врагов Ордена, бо як из вышеприведенной точки каждый замітит, што членом Ордена может статися каждый здоровый чоловік, всякого политичного переконания, всякой віры. До Ордену принимают також дітей до 16 літного віку, в дітску секцию Ордена. Кажда одна дитина в Ордені одержует не только обезпечение на случай несчастья, но також науку о том, штобы выроснувши, діти не стыдалися своих родичов-роботников, но штобы сталися загартованными борцами за робочы права и за демократию. В каждом одном отділі Ордена на діточу активность звертается специальна увага под доглядом специалистов-инструкторов.

КАРПАТОРУССКА СЕКЦИЯ ОРДЕНА

До августа 1939 р. в Международном Робочом Ордені не было Карпаторусской Секции. Наш народ находился розкиданным по другим Секциям Ордена. В 1939 року, с 1-го августа, в Ордені начала существовати самостоятельна Карпаторусска Секция, котра мает полну свободу автономию для ведения культурно-освітной роботы, кромі той, яку она провадит в ділі забеспечения членов Секции.

За послідный рок Карпаторусска Секция Ордена выросла скоро на 1500 членов, так што в декабрі 1940р. в Карпаторусской Секции нараховувалося больше як 3000 членов. Отділы Карпаторусской Секции пороскиданы по всім закуткам Америкы, начинаючи от Чикаго через Детройт, Клевеланд, Питтсбург, Скрентон, Филадельфию, аж по Нью Йорк и Нью Джерзи. В каждом одном місточку, где находится отділ Карпаторусской Секции Ордена, наш народ начинат жити новым культурным житьем, бо члены отділов Карпаторусской Секции получают науку о том, як мают

Діточа Оркестра Карпаторусского Отділа в Пассайк, Н. Дж., котра выступала на Світовой Выставкі в Нью Йорку под час Съізда Ордена.

боротися за краше житя. По всім плейзам, где находятся отділы Карпаторусской Секции Ордена, ведеся культурна робота, якой ище наш народ не виділ. Карпаторуска Секция Ордена борется за освобождение нашого народа, находящогося под гнетом фашитских горлорізов в краю. Мы боремеся за свободу нашого народа так тут в Америкі, як и в краю. Для осягнения сей ціли карпаторусский народ мает поддержку 165 тысячного членства Ордена.

ВСТУПАЙТЕ В РЯДЫ КАРПАТОРУССКОЙ СЕКЦИИ ОРДЕНА —— КРІПИТЕ ФРОНТ МИРА!

Межи карпаторусским народом в Америкі ніт панов. Мы всі роботники, майне-

ры, фармеры або малы бизнесмены. Всі мы старамеся обеспечити не только самых себе, но нашу цілу фамелию. Обеспечуємеся на случай несчастья и тому шукаєме за подходящим обеспечением, бо жиєме в таком світі, в котром сами маєме старатися о собі. Тому перед нами вопрос не в том, "ци хочу я себе обеспечити", але в том, "яке обеспечение отповідат мойой кешені"?

Делегаты Карпаторусской Секции на Окружном Съізді в Клевланді.

Карпаторусска Секция Ордена маєт як раз таке обеспечение, яке вы шукаєте и котре сходится с вашими можливостями єго оплачовати. Робочий Орден основано специально для того, штобы роботникы могли обеспечити себе и их фамелии на случай смерти и хвороты.

Робочий Орден може дати вам найлучше обеспечение за найнисшу ціну, бо Орден не является приватной компанией, для профита, но братской робочой запомоговой организацией. Орден не только запомогова организация, но прогрессивна робоча сила, большинство членов котрой берут участь в борьбі за социальное обеспечение, за мир и демократию.

Орден является найскорше ростущой организацией в Америкі. Орден робоча организация, она принадлежит своим членам, она вам дасть найдоступнійший иншуренц, тому вступайте в ряды ОРДЕНА.

Членом может статися каждый чоловік от 16 до 60 літ. Орден выплачует кромі смертных подпор и хворы подпоры своим членам в суммі от 4 до 10 дол. Члены Ордена в случаю хвороты на сухоты получают 600 дол. одноразовой подпоры або по 20 за 30 неділь.

Орден является чисто американской запомоговой организацией и мает лайснис в 19 штатах Америки. Из того выходит, што Орден находится под прямым доглядом иншуренцовых властей каждого штата. Слово "межнародный" употробляется тому, бо в Ордені находится 14 разных народностей. Членами Ордена можут статися так американскы граждане (ситизены) як и не-граждане. В Ордені каждый роботник найдет свого найкрашого помощника в біді и свого найщирійшого приятеля. Коли хочете чувствовати себе беспечны, коли хочете поддержовати свою народность и робочу справу, станте членом Карпаторусской Секции Ордена. От вам один взорец, як ціла фамелия в Ордені может обеспечитися за 2 дол. и 82 центы. Иван Рыбаль, 39 рочный, обеспеченый на 1000 дол. смертного и 8 дол. тыжневой хворой подпоры, што включает в собі право на получение по 20 дол. за 30 неділь в случаю хвороты на сухоты и 400 дол. в случаю скалічения, платит в місяц 1 дол. и 48 цен. Його жена Мария 38р., маюча 500 смертной подпоры и право на сухотну подпору, платит 47 цен. в місяц. И дочка Анна, 18 рочна, маюча 250 дол. смертной подпоры и 6 дол. тыждневой подпоры, платит місячно 72 центы. Их найменший сын Михаил, 8 рочный, мает 250 дол. смертной подпоры за 15 центов в місяц, так што фамелия Рыбаря забеспечена за 2.82 в місяц. Вступайте в Карпаторусску Секцию Ордена! За всякой информациєй пиште на слідуючий адрес:

INTERNATIONAL
Workers Order, Inc.
80 FIFTH, AVENUE
NEW YORK, N.Y.

★

PLEASE SUPPORT OUR ADVERTISERS!

ЕДВАРД БИСКУП

THE LATEST HATS ARE HERE
This Year we also assure you, we have a large assortment of Light, Medium and Regular Weights, all Shades, they are not only of Exceptional Value but complete in every detail.

EDWARD BISKUP

CUSTOM HATTER
ALL HAND FINISHED, FINE FUR FELT HATS
NO CHANGE IN PRICES, STILL $3.00

992 N. SECOND Street, (Corner Wildey St)
We have a modern hat RENOVATING service plant.
PHILADELPHIA, PA.

Phone: Ambridge 731

M.C. DROZ

WALL-PAPER—PAINTS—GLASS
House and Sign Painting, Paper-hanging
Picture Framing, etc.

FOURTH & MERCHANT STS.
AMBRIDGE, PA.

Phone: Ambridge 1109-J.

SAM'S SHOE SERVICE

WINNER of GRAND NATIONAL SILVER CUP
Beaver Valley's Most Complete
SHOE SERVICE

NO JOB TOO SMALL — NONE TOO BIG
Первый прайз в Соед. Штатах — получил за направу обувя.

5TH & DUSS AVE., AMBRIDGE, PA.

VALLEY RACKET STORE

PAINTS & WALL PAPER
Household Utensils
PLUMBING and HEATING
Свой до свого!

313 SCHOONMAKER AVE.
MONESSEN, PA.

Tel. Mar. 0476

POPLAR CAFE

DANIEL HUMECKI, Prop.
CHOICE WINES and LIQUORS
Fine Home Cooked Meals
Краяне до краяна!

N. E. Cor. 4th & POPLAR STS.
PHILADELPHIA, PA.

J. R. CHECK'S

SLAVJANSKY POHREBNIK
AND
Furniture Store

Удавайтеся до краяна!

370 DONNES AVE., MONESSEN, PA.

Phone: 918

MONESSEN WALL PAPER & PAINT SUPPLY

CHARLES KURYLAK, Prop.

В ПОТРЕБІ УДАВАЙТЕСЯ до свого краяна!

415 SCHOONMAKER AVE.
MONESSEN, PA.

N. M'S BAR & GRILL

ALL KINDS of WINES, LIQUORS & BEERS

НИКОЛАЙ ПРОНЬКО, Власт.

Light Lunches & Sandwiches

Коли хочете дашто выпити и смачно закусити, то заходте до коршмы свого краяна, а добри Вас погостит.

202 GRANT STREET.
Concord Bldg., OLYPHANT, PA.

Phone: 1039

JOHN W. TURKO
UNDERTAKERS
Funeral House

ИВАН В. ТУРКО

Всім знаный нам Лемко-Погребник. Дає добру а честну обслугу. Вынанимат автомобили. Удавайтеся до свого краяна!

317 WILLOW AVE., OLYPHANT, PA.

Phone: 4-5960

MANHATTAN RESTAURANT

A. J. OMELUK, Prop.

CHOICE FOOD, LIQUORS, WINES & BEER

Краяне!
Свой до свого!

37 MANHATTAN ST., STAMFORD, CONN.

Phone: 3-3241

KESNICK'S
LIQUOR STORE

BEER - WINES - LIQUORS
IMPORTED and DOMESTIC

A Complete Line of Russian and Polish Imported CORDIALS & VODKAS
Free Delivery

734 SO. PACIFIC ST., STAMFORD, CONN.

ПЕРВОРЯДНА БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

Товар первой кляссы,
Гросерия и колбасы.
Свіжы мяса и ярины,
Привозят му што годины.
Добри важит и рахує,
А кто приде, не жалує.

JOHN DUDRA, Prop.

604 CENTER AVE., LOCK № 4, PA.

НАЙБОЛЬША И НАЙКРАСША

ГОСТИНИЦА

Где можете достати найлучшы пива, водкы и добры закускы. Кто што захоче, у нас достанете и добре зайти, бо то на контрах. Добра и честна обслуга!

ЧЛЕН Л. С. и К. Р. А. ЦЕНТРА

JOHN GURNIK, Prop.

R. D. I. CHARLEROI, PA.

ПЕРВОРЯДНА БУЧЕРНЯ

Завсе свіжы товары — мяса, колбасы, ярина и фрукты. Честна и приятельска обслуга. Заходте до краяна! — Член Л. С. и К. Р. А. Центра.

JOHN RENCHKOWSKY, Prop.

1113 CREST AVE., CHARLEROI, PA.

Phone: 3411

EAT

Pure Rye Bread & Pastries
Baked by the

NESQUEHONING BAKING CO.

Здоровый и найліпший хліб Ордеруйте из кашой пекарни.

114 W. CATAWISSA ST,
NESQUEHONING, PA.

PHONE: PASSAIC 2-2677

ПЕРВОРЯДНА ГРОСЕРНЯ И БУЧЕРНЯ

ОСИФА МОНЧАКА

До Осифа, до Мончака
Идут люде из далека,
Не лем русскы, а и чужы,
Бо всі знают, же обслужит,
Ци малого, великого
Однаково справедливо,
Честно, скоро, што аж мило...
Єст у него свіже мясо.
И то все, не лем так "часом",
Ци Вам треба из "бучерні",
Вшитко там достанете
И так, што не пожалуєте!

JOSEPH MONCHAK

GROCERY & MEAT MARKET

112 VAN RIPER AVE., CLIFTON, N. J.

*

PHONE: PASSAIC 2-5521

QUALITY!

SERVICE!

SATISFACTION!

Найліпшы мебли, рефриджерейторы, машины до праня и до шитя, комбинацийны печкы на уголь и гез, — олейовы печкы до паленя и огріваня, карпеты, линолеум и всьо потребне для выгоды в домі. Продается у нас дешево и на легкы сплаты.

PULASKI FURNITURE CO.

STEPHEN MYSLINSKI, Prop.

108 MARKET ST. PASSAIC, N. J.

* *
*

PHONE: 2-8728

ПЕРВОРЯДНА
БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

МИХАИЛА МАСЛЕЯ

Треба, знате, Вам повісти,
Як хочете смачно істи,
Же в Маслея мясо свіже,
Велький фалат Вам отріже.
Яйка, сыр, масло, колбаса
И свіжа ярина до мяса.
Всего щиро Вам наважит
А и честно Вас обслужит.

MICHAEL MASLEY

GROCERY & MEAT MARKET

322 HOPE AVE., CLIFTON, N. J.

*

PHONE: PASSAIC 2-0733

КОМПЛИМЕНТ

от

РУССКОЙ НАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В ПАССАЙКУ

ВЕЛИКА ГАЛЯ

для

Представлений—Балев

Вынанимаме также на весіля-банкеты и всякы другы забавы. по приступной ціні.
Краяне подтримуйте свои народны домы и институции.

Свой до свого!

РУССКИЙ НАРОДНЫЙ ДОМ

159 FOURTH ST. PASSAIC, N. J.

* *
*

Phone: LA. 9619

CHRIS' BAR
BEER GARDEN

BEER - WINES - LIQUORS

SPECIALIZE IN ROAST BEEF SANDWICHES

6439 MICHIGAN AVE., DETROIT, MICH.

2 blocks West of Livernois

КРАЯНЕ! Коли мате спрагу, и хочете выпити або смачно перекусити, то заходте до свого краяна, где достанете добру и честну обслугу.

* *
*

HARRY W. SMITH

FORD DEALER

General Repairing — Electric Welding

Tires, Tubes & Accessories

В потребі купуйте у свого!

MAIN ST., RICHFIELD SPRINGS, N. Y.

*

REgent 4-9537

MEMORIAL FLORIST

THOMAS DUNIAS, Prop.

WEDDING DECORATIONS and FLORAL DESIGNS

Fresh Cut Flowers Every Day

В потребі удавайтеся до свого!

1268 FIRST AVE.
Cor. 68th Street NEW YORK, N. Y.

TEl. NEPPERHAN 1206

PRIVATE INSTRUCTIONS

Alfidi Accordion Academy

WESTCHESTER LARGEST ACCORDION SCHOOL

Accordions Sold, Rented, Repaired.

SPECIALIZE IN ALL TYPE of MUSIC

15 PALISADE AVE.

YONKERS, N. Y.

Cretaro's Live Poultry Market

PETER CRETARO, Prop.

МАРКЕТ С КУРАМИ

Куры здоровы, тлусты, а не дорогы.

Купуйте у нас, а переконатеся.

21 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.

*

Phone: EL. 3-4444

PUBLIC RADIO

WE CARRY A COMPLETE LINE OF

RADIOS, REFRIGERATORS, FURNITURE

Repairs on Radios as low as 75c.

All Work Guaranted

1165 E. JERSEY ST. ELIZABETH, N. J.

TEL. YONKERS 2244

KOBLOSH'S MARKET
MEATS

GROCERIES & DELICATESSEN

FRUITS and VEGETABLES

FREE DELIVERY

КРАЯНЕ ПАМЯТАЙТЕ!

Свой до свого!

МИХАИЛ КОБЛОШ

348 ASHBURTON AVE.
YONKERS, N. Y.

* *
*

Phone: EL. 3-1453

GRAND LUMBER CO.

Склад дерева для будовы и иншы потребы.

1097 EAST GRAND ST.
ELIZABETH, N. J.

J. Kerzman & Sons

DEALERS IN

SCRAP IRON and METALS
Rags, Rubber and Paper Stock
Highest Prices Paid

YARD at ELIZABETH, N. J.

№ 3. Front St.
Cor. Elizabeth Ave.
Phone: EL. 2-6217

Main Office:
223 Loomis St.
Phone: EL. 2-3677

RHinelander 4-3084

JOHN KRTIL, Inc.
FUNERAL DIRECTORS
NOTARY PUBLIC

Первоклассна услуга!

415 EAST 71st ST.
Bet. First & York Ave. NEW YORK, N. Y.

RHinelander 4-9058
M. ROONEY A. ROONEY

GRANADA
Wine & Liquor Store

Licence № L. 624.

Prompt Service

Найліпшы Вина и Ликеры.

356 EAST 72nd ST.
Near First Ave. NEW YORK, N. Y.

Tel. ELizabeth 3-3034

COMPLIMENTS OF

John Pashkowich

PRIME HEATS — FINE GROCERIES

FRUIT and VEGETABLES

56 SECOND ST. ELIZABETH, N. J.

ЧИТАЙТЕ ГАЗЕТУ

"КАРПАТСКУ РУСЬ"!

AMERICAN CLOTHES, Inc.

MEN'S & BOY'S CLOTHING

SUITS, TOPCOATS,

OVERCOATS

Phone: PAss. 2-2106 — **Factory and Sales Room** — 251-255 Clifton Ave., CLIFTON, N. J.

Journal Square 2-4090 — **Branch Store** — 310 Hudson Blvd. JERSEY CITY, N. J.

Домашня кухня, где достанете завсе свіже и смачне як в дома, а недорого

MARKET RESTAURANT

HOME COOKING

GOOD MEALS — REASONABLE PRICES

J. MAKSYMIETZ

163 MARKET ST., PASSAIC, N. J.

Phone: PAss. 2-7882

COMPLIMENTS OF

TOWN RESTAURANT

HOME COOKING — EXCELLENT FOOD

Добрый приятель "Карпатской Руси". Як хочете смачно поісти, то заходте до свого приятеля

A. W. BRYLA

169 PASSAIC ST. PASSAIC, N. J.

РУССКА ГОСТИНИЦЯ

СТЕФАНА ВОЛЧКО

Где Русскы ся люде сходят,
Часом чужих тыж приводят.
В приятельстві попивают,
И по русскы сой співают.

STEPHEN WOLCHKO, Prop.

159 — 3rd STREET, PASSAIC, N. J.

*

Telephone:
PAssaic
2-10048
2-10049

H. BAKER MILK CO., Inc.

MILK and MILK PRODUCTS

Молочны продукты потребны для здоровя человіка.

2 E. MONROE ST. PASSAIC, N. J.

Tel. PAssaic 2-7462

J. KOVALCIK, Prop.

GROCERIES and MEAT MARKET

COFFEE, TEA, BUTTER, EGGS, ETC.

Завсе свіжы мяса и гросерия.

Свой до свого!

139 RAY STREET, GARFIELD, N. J.

Phone: PAssaic 2-1545

ALBERT P. BARTHOLD

COAL and COKE

Маме найліпшы угля на складі.
Ордеруйте от нас!

465 RIVER ROAD, GARFIELD, N. J.

Call PAssaic 2-6336

GEORGE WAGDA, Prop.

WHOLESALE MEATS

СВІЖЫ МЯСА

204 LUDDINGTON AVE., CLIFTON, N. J.

*

PHONE: PASSAIC 3-2046

RUDY'S BAKERY

Orders taken for

PARTIES, PICNICS, ETC.

ПЕРВОКЛАССНА ПЕКАРНЯ

Завсе достанете свіжы печива: житный хліб, ролсы, кейкы и проч. — Доставлят ордеры на организацийны забавы.
Заходте до пекарни, а сами переконатеся.

Услуга первоклассна.

Наш краян и член Лемко-Союза.

389 LEXINGTON AVE., CLIFTON, N. J.

* *
*

PHONE: PASSAIC 2-8782

ПЕРВОРЯДНА

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

ЗАХАРИЯ МЕРЕНЫ

В шторі Мерены, краяна,
Як в полудне, в вечер, рано,
Товар мате першу кляссу,
Гросерию и колбасы.
Свіжы мяса и ярины
Привозят там каждой днины,
Бо Мерена бизнес знає,
И старого не продае.

ZACHARY MERENA

BEST MEATS and GROCERIES

127 ACKERMAN AVE., CLIFTON, N. J.

* *
*

CHICKEN MARKET

PHIL WEISS, Prop.

Продаеме живы куры на заріз.
Куры молоды и тлусты.
Просто с фармы.

216 PARKER AVE., CLIFTON, N. J.

Phone: PAssaic 2-4990

БУЧЕРНЯ И ГРОСЕРНЯ

СИМЕОНА БАСАЛЫГЫ

На корнері Центер стриты,
Красный штор, ест што видіти!
Свіжий товар першой кляссы
Гросерия и колбасы.

GROCERY & MEAT MARKET

74 CENTER ST., CLIFTON, N. J.

Tel. Little Falls 4-0626

PANCO DAIRY CO., Inc.

DEALERS IN

GRADE "A" MILK and CREAM

FROM TUBERCULIN TESTED HERD

Русский фармер доставлят молоко, як до штөру, так и до приватных домөв

JACKSON LAKE W. PATERSON, N. J.

*

Phone: PAssaic 2-6543

SELOFF BROS., Inc.

MEN'S PANTS and OVERALLS

GENT'S FURNISHINGS & SPORTSWEAR

135 MARKET ST.
PASSAIC, N. J.

*

PHONE: ELIZABETH 2-6753

Гей краяне, свой до свого!

ДО

БИЛИЦЫ И ГРУБОГО!

Там Вам дадут свіжы мяса,
Гросерию и колбасы.
Добру раду и услугу —
Не достанете у других.
Костумеры о том знают,
Зато радо в нас витают.
Заходте и Вы до краянов:

NICK BROTHERS

GROCERY & BUTCHER STORE

156 FIRST ST. ELIZABETH, N. J.

* *
*

Telephone: WA. 3-9846

COMPLIMENTS OF

LIBERTY TAVERN

BOWLING ALLEYS

JOHN F. CONNELLY, Prop.

48 Public Service Bus Stops at the Door

1390 LIBERTY AVENUE
HILLSIDE, N. J.

SHOP AT

BLAKESBERG'S

DRY GOODS — SHOES

and

HOUSE FURNISHINGS

Купуйте у нас, што вам потреба!

1321 LIBERTY AVE.

Near Long Ave. HILLSIDE, N. J.

WAVERLY 3-0659

ДВА РУССКЫ ЛИКЕР ШТОРЫ

SHARKO'S LIQUOR STORE

1317 LIBERTY AVE.
Below Long & Liberty Aves.
HILLSIDE, N. J.

ALSO

MARKET 2-9693

FERRY WINE & LIQUOR STORE

MIKE SHARKO and EMIL SAWCHUK, Prop.

Выполняме ордеры на весіля, забавы и проч.
Довеземе вам бесплатно

158 FERRY ST. NEWARK, N. J.

* *
*

PHONE: UN. 2-3047

Cash Meat Market

CHOICE MEATS, GROCERIES and PROVISIONS

Гросерия и Бучерня, где достанете завсе свіжы мяса и гросерию, а заплатите недорого.

Заходте до нас!

STEVE ZATKO, Prop

312 HILLSIDE AVE. HILLSIDE, N. J.

* *
*

Rhinelander 4-4707
2075

J. SCHWARTZ, M. D. D. D. S.

H. SCHWARTZ, M. D. D. D. S.

PHYSICIANS and DENTISTS

Русский Доктор и Дентист

200 EAST 67th ST., NEW YORK, N. Y.

*

Phone: BUtterfield 8-9833

JOSEPH J. STOLBA

LICENSED FUNERAL DIRECTOR

Лайсенсованый Погребник

Первоклассна услуга!

NOTARY PUBLIC

1369 FIRST AVE., NEW YORK, N. Y.

Phone: BUtterfield 8-0100
8-0177

POUST WINE & LIQUOR CO.

CHOICE WINES & LIQUORS
IMPORTED and DOMESTIC

Special Prices on Case Lots

Prompt Deliveries

Склад найлучшых Вин и Ликеров

1375 FIRST AVE.
Cor. 74th St. NEW YORK, N. J.

BEER GARDEN

Завсе свіже пиво, виска
и смачны закускы.

Гей краяне, памятайте,
Все до свого загощайте,
А он радо Вам услужит,
Што лем кому ліпше пужит.

ГРИГОРИЙ КЛІЩ

R. D. I. ROUTE 28
R. D. I. Route 28, Richfield Spring, N. Y.

TELEPHONE: HAVEMEYER 8-0110

Monument Works

ДИМИТРИЙ ЛАЖУТА

Член 3059 Отділа ИРО

Выделывает памятники по очень доступным ценам. В потребности желающих, прошу обращатся по адресу:

Dimitri Lazuta

59-38 57 DRIVE
MASPETH, N. Y.

* *
*

Telephone: 235

The Old Mill Feed Store

STEVE SVOTA, Prop.

FEED—FERTILIZER—SEED—GRINDING

Свой до свого!

Купуйте у свого краяна!

RICHFIELD SPRINGS, N. Y.

OLD MILSTONE TAVERN

ALEXANDER FILAK, Prop.

A GOOD PLACE TO STOP

Краяне! Коли переізжате поблизко, не забудте вступити до свого сусіда.

R. F. D. 2. RICHFIELD SPRINGS, N. Y.

TEL. NEPPERHAN 544

ИВАН МАЛЮТИЧ

В шторі Малютича Ивана,
В полудне, в вечер и зрана
Свіжий товар достанете,
Николы не пожалуєте!
Он наш краян из села Ріпок,
Всьо продає на ужиток!

*

JOHN MALUTICH

GROCERIES & DELICATESSEN

ALSO

ICE CREAM, SODA, CIGARS and CIGARETTES

131 YONKERS AVE.

YONKERS, N. Y.

TEL. YONKERS 5703 J.

ПРИВІТ ОТ

КРАЯНА

ВЛАДИМИРА ГОНЧАРИК

КРАЯНЕ ДО КРАЯНА!

СВОЙ ДО СВОГО!

*

WL. HONCHARYK

GROCERY & MEAT MARKET

AISO

BOTTLED BEER, SODAS & CIGARETTES

46 BENNETT AVE.

YONKERS, N. Y.

PHONE: NEPPERHAN 7134

COMPLIMENTS OF

Woodsworth Restaurant

Where Good Fellows Get Together

FINEST FOODS—WINES—LIQUORS

*

СВОЙ ДО СВОГО!

КРАЯНЕ! Коли хочете смачно поісти, а при том и выпити, то заходте до гостиницы свого краяна Лемка-Карпаторосса.

Он Вас добре погостит и честно обслужит.

Anthony Durkot, Prop.

АНТОНИЙ ДУРКОТ

66 WOODSWORTH AVE.

YONKERS, N. Y.

PLEASE SUPPORT OUR ADVERTISERS!

PHONE: NEPPERHAN 5234

Карпаторусский - Американский Центр

RESTAURANT & BAR

DINING and DANCING

FOOD PREPARED IN TEMPTING RUSSIAN STYLE

Beer served ——— direct from the wood

NEWEST ATTRACTION:

Our lovely upstairs hall — Serviceable for all occasions!

КАРПАТОРУССКИЙ РЕСТОРАН

В КАРПАТОРУССКОМ АМЕРИКАНСКОМ ЦЕНТРІ ОТКРЫТЫЙ ВСЕГДА ДЛЯ ГОСТЕЙ.

В РЕСТОРАНІ К. А. Центра встрітите всегда своих краянов и знакомых, и приятно проведете свободный час.

Удобный доізд со всіх сторон, бо НАРОДНА БУДОВА Карпаторусского Американского Центра положена при Юнкерс евню коло самой Кросс-Кавнти Ровт, по котрой иде головный трафик из Пенсильвании и Нью Джерзи в Коннектикут.

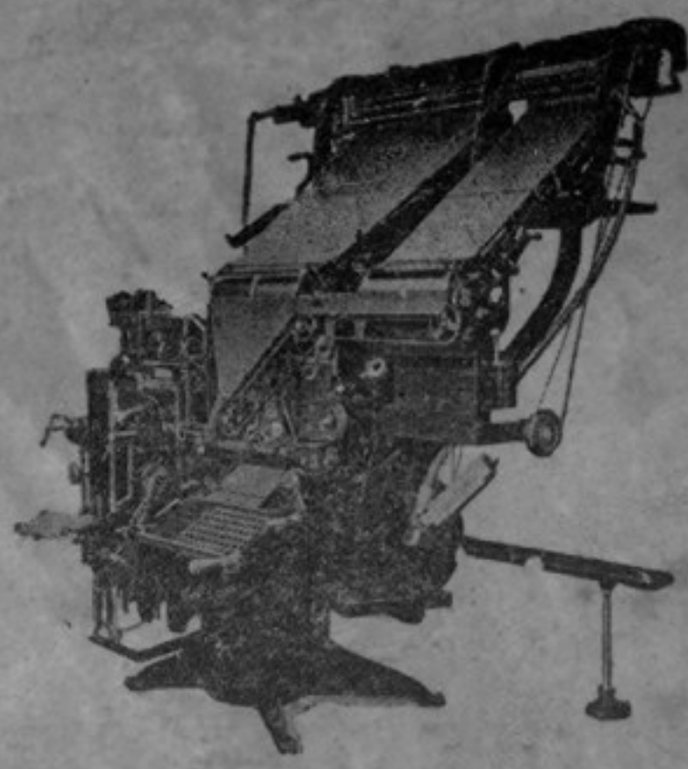
CARPATHO RUSSIAN AMERICAN CENTER

556 YONKERS AVE., YONKERS, N.Y.

ТИПОГРАФИЯ

"КАРПАТСКОЙ РУСИ"

ПРИНИМАТ ВСЯКЫ ТИПОГРАФИЧНЫ
РОБОТЫ НА ВСІХ ЯЗЫКАХ
РОБОТЫ ВЫКОНУЄ ТОЧНО, ДЕШЕВО
И ХУДОЖЕСТВЕННО!

Коли Вам потребны летучкы, билеты, письма с Вашым именем, присылайте в нашу типографию, мы Вам напечатаме.

Напечатаме Вам статуты для братств, так на литературном русском языкі, як по-карпаторусскы або по-украинскы, а также по-английскы — точно и поправно!

ПИШТЕ В РЕДАКЦИЮ:

"KARPATSKA RUS"

556 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.

КАРПАТОРОССЫ, ЧИТАЙТЕ И РОСПРОСТРАНЯЙТЕ ГАЗЕТУ
"КАРПАТСКА РУСЬ"
ТО ВАША
КАРПАТОРУССКА РОБОЧА ГАЗЕТА!

"КАРПАТСКА РУСЬ"

ОРГАН
ЛЕМКО-СОЮЗА И КАРПАТОРУССКОГО НАРОДНОГО КОМИТЕТА
В СОЄДИНЕННЫХ ШТАТАХ И КАНАДІ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗЫ В НЕДІЛЮ
Предплата на рок $3.00

"KARPATSKA RUS"

556 YONKERS AVE., YONKERS, N. Y.